

**МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА**

ДИМИТРИОС СПИРИДОН ПАТЕЛИС

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**(закономерности возникновения и формирования
научного мышления и его философских оснований)**

Москва - 1991

Печатается по постановлению специализированного совета философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Пателис Д.

Философско-методологический анализ становления экономической науки. Владимир: Издательство ПО "ВТЗ" 1991, ...с.

В настоящей работе впервые осуществляется систематически периодизация одной конкретной науки на основании изменяющегося, развивающегося метода научного исследования. Предлагается оригинальный подход к единому в своем многообразии и изменяющемуся классическому буржуазному мышлению как к конкретно историческому переплетению политических, экономических, социально-философских и гносеологических воззрений.

Книга рекомендуется специалистам по философии, политической экономии, социологии и всем, интересующимся проблемами истории и методологии науки.

П Р Е Д И С Л О В И Е

В последние годы вошло в моду отрицание марксизма, отрицание, главным образом, пустое, осуществляемое своекорыстными или невежественными, или и своекорыстными и невежественными людьми.

Между тем те или иные положения марксизма и даже, на мой взгляд, марксизм в целом в современную эпоху нуждаются отрицании диалектическом, т.е. отрицании с сохранением всего позитивного, что имеется в марксизме. Но такое отрицание едино с подлинным, настоящим; а не словесным освоением достижений марксистской мысли вообще и прежде всего научных достижений К.Маркса.

Современная ситуация в нашей стране и в остальном мире при поверхностном подходе к ней как будто действительно показывает полную несостоятельность марксизма. Но так дело представляется мещанину в науке, человеку, не понявшему или не желающему понять скрытую за поверхностью суть.

Предлагаемая читателю работа Д.Пателиса находится как раз в русле магистрального направления развития марксизма, и она вносит весомый вклад в это развитие. Ценность труда Д.Пателиса прежде всего и главным образом в том, что он, опираясь на исследования советскими философами метода, логики "Капитала" К.Маркса, логики, как она присутствует и действует в результате, в зрелой марксовой политэкономии капитализма, впервые систематически анализирует становление политэкономии как становящееся научное мышление, шире говоря, как становящееся научное знание. Имея дело с такой наукой, которая есть одновременно и форма общественного сознания, автор рассматривает также социальную обусловленность ее становления.

16 октября 1991г. Доктор философских наук,
профессор Вазюлин В.А.

"... если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня..."*

К. Маркс

В В Е Д Е Н И Е

В настоящее время перед человечеством стоят огромные, невиданные в прошлом по значимости и сложности проблемы. Одна за другой все основные сферы человеческой деятельности достигают такого уровня, при котором внутренней необходимостью дальнейшего развития этой деятельности становится ее научная обоснованность.

Уже в середине прошлого века внутренние потребности самого производства (производства машин машинами) превратили науку (опытное естествознание) в непосредственную производительную силу, с одной стороны, а потребности классовой борьбы вызвали необходимость развития фундаментальных наук об обществе (прежде всего - политической экономии капитализма) с другой стороны. Осмысление этих потребностей - и особенно второй из них, в связи с первой - предполагало превращение науки в объект научных исследований, что привело к формированию и развитию специальной науки о науке, науки о научном мышлении. Необходимость существования этой специальной науки вызвана тем, что закономерности развития научного познания не лежат на поверхности. Их выявление требует сложнейших исследовательских, теоретических усилий.

Сегодня, в условиях научно-технического прогресса, когда возникшее производство автоматов автоматами изменяет коренным образом характер труда, когда труд постепенно приобретает черты всеобщего, научного труда, исследование закономерностей процесса исследования становится необходимым условием дальнейшего развития науки.

Необходимость в такого рода исследованиях усиливается сегодня всеобщим кризисом ориентиров, стратегии и тактики прогрессивного движения, вызванным коренными изменениями в мировом соотношении сил. Нет сегодня ни одной области стратегии и тактики, теории и практики мирового прогрессивного движения, которая не ставилась бы под сомнение. Эти условия социально-политической жизни усугубляют кризис всего комплекса общественных наук, приводят к разрушительным для научного мышления последствиям, к отказу от научных достижений, к усилению тенденции грубого эмпиризма и мистицизма.

Таким образом, в настоящее время вопрос о выявлении закономерностей развития научного познания приобретает огромное теоретическое и практическое значение.

Для раскрытия закономерностей развития науки необходимо изучение истории развития науки. Эта необходимость осознается даже буржуазными учеными, начиная с О. Конта и заканчивая современным постпозитивизмом. Однако, предпринимаемые ими попытки принципиально не в состоянии разрешить эту задачу. Они остаются в рамках позитивистского и сциентистского фетишизированного эталона научности и объективности, или субъективистски мистифицированного "эталона" "наук о духе". Следует отметить, что в конструкциях постпозитивистов (особенно в понятиях "парадигма" Т. Куна и "исследовательская программа" И. Лакатоса) намечается стремление включить в рассмотрение помимо когнитивных и социальные, социально-психологические параметры. Такие намеки имеют место и в трудах французских структуралистов (например, у Фуко) и французской исторической эпистемологической школы (например, у Г. Башляра). Но отсутст-

вие целостного исторического и диалектического подхода приводит к дихотомии когнитивной (сводимой к формально-логической, семантической и т.д.) исоциальной (социально-психологической, социометрической, институциональной и т.д.) сторон науки, и, в конце концов, к хаотическому представлению о науке как о результате воздействия различных изначально оторванных факторов. В трудах буржуазных ученых можно найти большой фактологический материал, можно найти подходы к науке с точки зрения современного инструментария формальной и математической логики, можно найти постановку ряда проблем и много еще ценного. Однако, с точки зрения теории, эти направления в лучшем случае представляют собой попытки преодоления позитивизма в рамках позитивизма. Этим обусловлено акцентирование ими внимания исключительно на "позитивных", т.е. на естественных и математических науках.

К сожалению, ограниченность буржуазного науковедения часто оказывает в той или иной степени отрицательное влияние на исследования философов-марксистов. Логико-методологические исследования все больше и больше сводятся к формально-логическим, к семантическим и т.д. Последнее явление в марксистской литературе (которое само по себе ставит под сомнение само название - "марксистское") обусловлено, в конечном счете, рядом глубоких социальных причин как в СССР, так и в других странах, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. Среди них важную роль играет и разделение труда между учеными, между учеными и философами и между философами.

Целесообразно остановиться на некоторых влиятельных подходах западно-европейских марксистов. Среди них особой популярностью пользуются историко-научные и методологические воззрения Л.Альтусера*. Последний стремился приспособить методологию марксизма к позитивистски-структуралистскому эталону научности, исключая, фактически из него диалектику. Он отрицает преемственность в развитии марксизма** (и особенно его связь с гегелевской философией), игнорирует движение мышления от чувственного конкретного к абстрактному, искажает механически (и фактически отбрасывает) восхождение от абстрактного к конкретному. С его подходом принципиально невозможно систематически выявить закономерности развития теоретического мышления. Проблема преемственности в науке, проблема соотношения исторического и логического (в любом ее аспекте) при таком подходе лишаются всякого смысла.

Ограниченность подхода Альтусера в той или иной степени характерна и для многих течений так называемого "западного" марксизма***.

Подход Г.Делла Вольпе и его последователей (Л.Коллети и др.) во многом схожи с альтуссеровским. Г.Делла Вольпе тоже

*. Для определенных и довольно широких кругов интеллигенции Греции и других капиталистических стран марксизм отождествляется до сих пор с альтуссеризмом. Последнее считается единственным верным и научным видением марксизма. Этому способствовала и деятельность группы последователей Л.Альтусера во главе с греческим марксистом-политологом Н.Пуланджасом.

**."Эпистемологический разрыв", отделяющий, по Альтуссеру, марксизм от домарксовской идеологии, фиксируется в 1845 году.

***. См.: Doz A., Fleischmann E., O'Neill J., Ricci F., Vadee M., Н. 1975.

отвергает положительную роль гегелевского наследия в развитии марксизма, однако "разрыв" у Маркса он фиксирует в 1843 г. ("К критике гегелевской философии права"). В его трудах в духе своеобразного номинализма, роль теории сводится к разработке "конкретных абстракций", отражающих конкретные исторические ситуации, только "исторически особенное", исключая всеобщее как иллюзорное*.

Своей ясностью, последовательностью и систематичностью выделяется труд западноберлинского философа-марксиста В.Ф. Хауга**. Это, на мой взгляд, единственный из западных исследователей методологии марксизма, которому удалось подняться на теоретический уровень, поскольку он не занимается общими подходами к ней и их абстрактно-общими постулатами, а разбирает систематически материал "Капитала" (особенно его первый отдел).

Но, в общем и целом, следует отметить, что в работах западных марксистов проблематика методологии "Капитала" и вообще методологии науки, рассматривается с точки зрения тех или иных теоретикопознавательных вопросов абстрактно-предварительного характера не затрагивающих ее сущность. Эта ограниченность "западного марксизма" в понимании логики и методологии науки обнаруживается, между прочим, и в игнорировании закономерного отличия и взаимосвязи рассудка и разума. В лучшем случае, если это отличие фиксируется (например, у итальянского марксиста П. Джеймоната), фактически речь идет о данности двух рядоположенных форм рациональности. Рассмотрение причин этого явления выходит далеко за рамки данной работы. Отмечу лишь, что это тесно связано и со спецификой задач, которые стояли перед этими исследователями, и с влиянием традиций буржуазных направлений.

В СССР, вопреки распространенному в последнее время мнению, фундаментальные исследования в области логики и методологии науки, достигли непревзойденных в мировой литературе и уникальных успехов. Более того, в случае, если результаты в этой области, достигнутые советскими исследователями, будут поняты и творчески использованы, то это откроет уникальные перспективы развитию мировой науки***. Эти результаты, отчасти потому, что сами по себе рассматриваемые проблемы чрезвычайно сложны, (и в определенном смысле "опередили свое время"), но в основном вследствие известных, внешних по отношению к науке обстоятельств, не нашли широкого распространения даже среди обществоведов СССР****. Поскольку же они далеко не всегда совпадали с официальной идеологией, то они не переводились и тем самым оставались и остаются в основном недоступными и несоветской публике.

Эти достижения советской науки во многом (если не в основном) связаны с той или иной степенью осознания исследователями принципиально новых фундаментальных задач, поднима-

*. G. della Volpe

1977.

** . Haug W.F.

1976.

***. Фактически они уже начали играть такую роль, найдя применение в рассмотрении человеческого общества и его истории в качестве органического целого.

****. Основная масса работ по этим вопросам не выходила за рамки схоластического комментирования, хотя и эта тенденция не является абсолютно бесплодной.

шихся самим развитием советского общества, т.е. с возникновением и формированием принципиально нового для человечества типа развития.

Основные исследования в интересующей нас области, возникли в конце 50-х годов и особенно в 60-е годы. М.М.Розенталь, опираясь на соответствующие высказывания классиков, впервые очертил эту проблематику и поставил основные ее вопросы*.

Большой шаг вперед сделал Э.В.Ильенков в своей книге "Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале Маркса"**. В ней теоретически, и главным образом на основе методологических взглядов К.Маркса, изложенных во введении к экономической рукописи 1857-1859 годов, рассматриваются ключевые вопросы логики и методологии научного познания (восхождение от абстрактного к конкретному, соотношение исторического и логического, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.д.). Однако, при всей ее оригинальности и привлекательности, концепция Э.В.Ильенкова содержит и принципиальные (на мой взгляд, исторически обусловленные и закономерные) недостатки. В ней обнаруживается сильная тенденция, ведущая к гегельянству (точнее к спинозовскому элементу гегельянства). Э.В.Ильенков выделяет в основном метод восхождения от абстрактного к конкретному (соответственно - синтез и дедукцию), абсолютизирует его и приписывает статус беспредпосылочного, безусловно - всеобщего, универсального метода научного мышления. Соответственно он игнорирует (порой даже третирует) предшествующий ему необходимый процесс восхождения от чувственного конкретного к мысленно абстрактному, анализ, индукцию.

Сама по себе такая постановка вопроса таит в себе реальную возможность превращения этого метода в абсолют, в шаблон. Э.В.Ильенков не рассматривает логику развертывания диалектических определений политической экономии систематически. Положения "Капитала" и других работ Маркса он использует отрывочно, в качестве лишь примеров, иллюстраций. Внутренне связано с этим и сведение (фактически) Ильенковым исторического к логическому. Особенно гипертрофирован элемент субстанциальности (всеобщей основы дедукции), смешение категорий "начала", "простейшего отношения", "субстанции" и "сущности" (которое, в совокупности с беспредпосылочным пониманием восхождения от абстрактного к конкретному, ведет к сведению внутреннего, сущности, ко внешнему, к непосредственности), придает логическому антиисторический характер, фактически лишает исторического (во всех его аспектах) какой-либо самостоятельности. Историческое фактически сводится к случайностям.

Концепция Ильенкова нашла широкое распространение и применение, стимулировала исследования в разных областях (в политэкономии социализма, в психологии и педагогике, в искусствоведении и т.д.). Ограниченность этой концепции, впоследствии продемонстрировали работы эпигонов и плагиаторов.

Эта концепция (при всех творческих способностях и при всем таланте ее создателя) принципиально не может привести к фун-

*. М.И.Розенталь. Вопросы диалектики в "Капитале" К.Маркса. М.1955. Значительно переработана с учетом некоторых новых достижений, переиздана в 1967 г. См.: его же : Диалектика "Капитала" К.Маркса.

** . Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М. Наука. 1960.

даментальному развитию марксизма. При такой методологии, марксизм (достигнутый им теоретический уровень) воспринимается как предельно развитое учение, и только как учение, положения которого достаточно применять, пропагандировать, комментировать и т.д., т.е. фактически выступает как догматизм*. Элемент абсолютного идеализма явно выражается у Ильенкова и в приверженности принципу тождества (именно тождества, без различий и т.д.) диалектики, логики и теории познания. Эти догматические и абсолютно-идеалистические перегибы Э.В.Ильенкова среди прочего обусловлены и остротой полемики со схематизмом сталинизма и с позитивизмом.

Следующим шагом в выявлении методологии совершен в работе Л.А.Маньковского "Логические категории в Капитале" К.Маркса** . В ней указывается необходимость движения мышления по категориям: бытие - сущность - явление - действительность. Предпринимается попытка применения общих соображений о методе к части материала "Капитала". Дальнейшее продвижение методологического мышления нашло отражение в работах Э.И.Оруджева***, в которых методологическая проблематика конкретизируется в результате осмысления более широкого политэкономического материала, в основном из марксовых трудов, предшествующих "Капиталу" и из самого "Капитала". Следует отметить, что углубление методологического познания в советской философии (в том ее направлении, о котором было сказано выше) связано с возрастающей систематичностью философско-методологического осмысления экономических трудов К.Маркса (в основном "Капитала") с параллельной критической переработкой наследия классической буржуазной философии (немецкой и главным образом гегелевской).

В трудах В.А.Вазюлина**** строго, детально и систематически осмысливается с логико-методологической точки зрения политэкономический материал теоретической части "Капитала", и на этой основе выделяется структура и механизм взаимосвязи, движения логических категорий от непосредственности, от бытия к сущности к явлению и к действительности. Это достигается одновременно путем систематического критического осмысления "Науки Логики" Гегеля, в результате которого конкретно выявляются как гениальные достижения, рациональные догадки, так и принципиальная ограниченность последней. Выявление логики "Капитала" (в общем и целом - логики научного мышления об ор-

*. Это особенно явно отражается во многих попытках систематизации категорий политэкономии социализма (см. например у Н.А.Цаголова) с помощью этого метода. В них (в связи с "понятием" "развитого социализма") социализм отождествляется с коммунизмом. В психологии же "проблемное обучение" ориентирует мышление в основном к освоению уже достигнутого знания в качестве заданного.

** . Маньковский Л.А. Логические категории в "Капитале" К.Маркса. Диалектическая логика в экономической науке. Уч. Зап. МГПИ. М. 1962. Вып. 179.

***. Оруджев Э.И. К.Маркс и диалектическая логика. Баку. 1964; его же. Единство диалектики логики и теории познания в "Капитале" К.Маркса. Баку. 1968.

****. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К.Маркса. М. 1968; его же: Система категорий диалектической логики в "Капитале" К.Маркса. Дис. ... док. филос.наук. М. 1971.

ганическом целом) представляет собой огромной важности достижение философско-методологических исследований с уникальной эвристической значимостью. Логика "Капитала" не лежит на поверхности. Сам Маркс не отдавал себе отчета в сложности дела выявления логики в "чистом виде" (да и закономерно, что он не мог бы относиться иначе к этому вопросу, поскольку был занят главным образом "логикой дела", а не "делом логики"). Поэтому выявление этой логики в чистом виде - это научное открытие, способствующее развитию фундаментальных наук (и прежде всего магистральной линии развития общественных наук), открывающее принципиально новые возможности для определения стратегии и тактики дальнейших исследований*.

Таким образом выявлен в чистом виде механизм восхождения от абстрактного к конкретному, выявлена его специфика в марксовом методе, а также предпосылки (и пределы) его применимости. Для применения главным образом метода восхождения от абстрактного к конкретному, при исследовании (и изложении результатов исследования) органического целого, необходимо, чтобы это целое созрело, чтобы его стороны и отношения оформились. Необходимо, чтобы предварительно было осуществлено и завершено движение познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Как в истории науки в целом (в филогенезе познания), так и в индивидуальном развитии конкретной личности исследователя. Необходимо также, чтобы оба эти способа движения познания брались в их единстве с учетом условий преобладания первого или второго**.

Кроме того, выявлены основные аспекты соотношения исторического и логического, некоторые типы их совпадения и несовпадения.

В этих трудах рассматривается главным образом объективная логика, т.е. отражение в мышлении развивающегося объекта, "мышление под углом зрения того, что в нем отражается"***. Такое исследование возможно и необходимо, если зрелость предмета и науки о нем позволяет выявить момент тождества теоретического мышления с исследуемым объектом в чистом виде.

Полнота и целостность в теоретической части "Капитала" дает нам ключ к анатомии предшествующих ступеней развития как домарксовской политэкономической науки (филогенеза науки), так и собственного развития политэкономических (прежде всего) взглядов К.Маркса (онтогенез науки). Однако, при этом "может показаться, что перед нами априорная конструкция"****, ибо "выводы - ничто без того развития, которое к ним привело... и выводы более чем бесполезны, если они превращаются в нечто самодовлеющее, если они не становятся снова посылками для дальнейшего развития"*****.

*. Для выявления закономерностей развития этого направления советской методологии и для оценки его достижений с точки зрения перспектив науки, требуется специальное исследование.

** . См.: Вазюлин В.А. Логика Истории. Вопросы теории и методологии. М. 1988. С. 19-20. Эти предпосылки фактически не учитываются Э.В.Ильенковым.

***. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К.Маркса. М. 1968. С. 15.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.21.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.585.

Для подлинно исторического понимания состояния и направленности науки необходимо и рассмотрение второго аспекта диалектической логики, субъективной логики, конкретно-исторического хода развития познания предмета науки как в ее филогенезе, так и в ее онтогенезе. "Предмет субъективной логики - мышление, взятое с точки зрения того, что отражается, в чем, чем, как отражается объект"* , т.е. в ней рассматривается также мышление, но с точки зрения главным образом его формы. Здесь на первый план выступает не соответствие, тождество мышления и отражаемого предмета, а конкретное, противоречивое единство их соответствия и не соответствия в процессе движения мышления от незнания к знанию, от знания, менее глубокого, к знанию более глубокому, от чувственного "конкретного", от хаотического представления о целом" к выявлению отдельных сторон, ко все более и более простым понятиям пока не будет выделено простейшее определение"**. Соотношение объективной и субъективной логик - специфический аспект исторического и логического.

К.Маркс ставил перед собой задачу теоретического рассмотрения истории теории. Вначале он представлял ее в форме исторических экскурсов после каждого теоретического отдела труда о капитале. В такой форме излагается история теории в первом и единственном выпуске "К критике политической экономии". В рукописи 1861-1862 гг. К.Маркс исследует, в основном логическим методом, свой предмет до раздела, трактующего о машинах, где изложение прерывается. С января 1862 г. до июля 1863 г. К.Маркс работает над "Теориями прибавочной стоимости", и в процессе работы над ними у него постепенно сложилась идея о разделении его экономического труда на четыре книги (теоретическая часть в трех книгах, а четвертая книга - историческая), о чем свидетельствуют его письма к Ф.Энгельсу от 15 августа 1863 и от 31 июля 1865 г. Во время написания "Теорией прибавочной стоимости" марксистская политическая экономия прошла уже путь формирования и находится (после открытия теории прибавочной стоимости) на стадии собственно развития, на адекватной ее основе. В тот период многие разделы экономической теории (о средней прибыли и цене производства, о воспроизводстве, об экономических кризисах, о производительном труде, о земельной ренте и другие) еще не были разработаны Марксом. Потребовалось вначале определенное рассмотрение сущности в чистом виде для того, чтобы объяснить на ее основе формы проявления и действительность. Для этого К.Маркс вступает в своеобразный "диалог", в полемику с предшествующими и современными ему теоретическими представлениями, развивая при этом еще не разработанные им стороны теории. На такой стадии развития теории (онтогенеза) неизбежно известное концентрирование усилий на критике прежних теорий. Затем по мере созревания теории исследование и изложение отвлекается от непосредственного критического осмысления других концепций и акцентирует внимание на положительном разрешении спорных вопросов, на логике самого объекта (что является по сути дела высшим родом критики предшественников и противников)***.

*. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К.Маркса. М. 1968. С. 15.

** . Там же. С.260.

***. Вазюлин В.А. Система категорий диалектической логики в "Капитале" К.Маркса... 1971. С. 4.

Таким образом, в "Теории прибавочной стоимости" К.Маркс сводит свои счеты с прежней политической экономией. Поэтому "необходимо подчеркнуть, что критика прежних теорий в процессе развития новой теории не тождественна написанию истории познания предмета. В первом случае достаточно выяснить, что в прежней теории ошибочно и что правильно по сравнению только с новой теорией. Во втором случае требуется показать процесс перехода от одной старой теории к другой, затем к новой теории, а также условия и причины этого процесса. Но второй труд может быть проделан только после того, как создана система новых взглядов на предмет"*.

К сожалению, Марксу не удалось выполнить свой план полностью даже относительно теоретической части "Капитала". Первоначальный вариант IV тома "Капитала" так и остался единственным. Если бы Марксу удалось завершить IV том своего главного труда, то он должен был бы выявить внутреннюю логику, внутренние закономерности развития политической экономии и ее социальную обусловленность. Специальные занятия Маркса историей ("Хронологические выписки") возможно связаны непосредственно и с решением этой задачи.

Таким образом, в тексте "Теории прибавочной стоимости", который по первоначальному замыслу К.Маркса должен был послужить историческим экскурсом к разделу о воспроизводстве капитала, а впоследствии превратился в раздел рукописи 1861-1863 гг., в рамках которого Марксом впервые разрабатывается ряд теоретических проблем, "порядок хода мысли подчинен не только задаче рассмотрения истории теории, но и, в первую очередь, решению новых теоретических вопросов в ходе критики старых воззрений"**. Поэтому последовательность рассмотрения материала истории теории о предмете (поскольку здесь речь идет о работе, предшествующей и способствующей завершению теории о предмете, а изложение здесь во многом подчинено исследованию) определяется одновременным действием двух моментов: логикой развития истории теорий о предмете и логикой исследования самого предмета. Поэтому бесперспективны попытки извлечения интересующего нас аспекта субъективной логики путем непосредственного категориального, логико-методологического анализа текста четвертого тома "Капитала". Тем более бесполезными являются попытки непосредственного сведения логики изложения "Теории прибавочной стоимости" к логике теоретической части "Капитала" или попытки путем сравнения выявить сходство первой и второй. Эти поиски основываются на непонимании глубокого методологического смысла изменения первоначально предполагавшегося Марксом места истории теорий (исторических экскурсов) в общей структуре его работы, на непонимании характера познавательной ситуации, в рамках которой были написаны "Теории прибавочной стоимости". В первоначальном замысле отражается такое понимание соотношения логики теории о предмете с логикой истории теорий о предмете, при котором в известном смысле вторая подчинена первой и служит лишь историко-литературной иллюстрацией первой. Это понимание соотношения объективной и субъективной логик, закономерно возникает на начальных этапах стадии зрелости теории (в онто-

*. Вазюлин В.А. Развитие проблемы исторического и логического в экономических трудах К.Маркса и Ф.Энгельса 50-60-х гг. XIX в. Дисс. ... канд. филос. наук. М. 1964. С. 118-119.

** Там же. С. 123.

генезе науки), когда начинается развитие принципиально новой теории о предмете на ее собственной основе, когда начинается сознательное отображение предмета методом восхождения от абстрактного к конкретному. По мере приближения исследования к его завершению, к реальной возможности отображения внутренней связи предмета в логически целостной системе категорий, это (объективно и закономерно возникающее) понимание уступает место осознанию специфики исторического и его соотношения с логическим, а также осознание интересующей нас в данной работе специфики особого аспекта соотношения исторического с логическим: соотношения логики развитой теории о зрелом предмете с логикой конкретного развития истории теорий о предмете. Таким образом, вышеупомянутые бесперспективные подходы исходят в конечном счете, из неисторического понимания соотношения исторического и логического, когда первое сводится ко второму.

Специфическое переплетение субъективной и объективной логик в истории научного мышления, - особенно, если речь касается науки о производственных отношениях, капитализма, - диктует необходимость выявления в историко-научном исследовании этапов, уровней и характера социальной обусловленности научного мышления.

Надо отметить, что проблема социальной обусловленности мышления и сознания на современном этапе развития науки очень мало изучена. Пока только конструируются подходы, квалифицируются аспекты и уровни, намечаются общие направления и т.д. Обычно указывается абстрактно относительная самостоятельность феноменов сознания одновременно с упоминанием в конечном счете определяющей роли общественной практики. В лучшем случае к этим положениям добавляют эпизодические примеры. От написанных в этом духе работ своей энциклопедичностью отличается книга югославского философа Л.Живковича*. В общей форме, но более последовательно ставится проблема в выступлениях Э.В.Ильенкова** об идеальном, представляющих собой попытку объективного анализа субъективных образований в связи с предметными отношениями экономической жизни. Шаг вперед представляет собой попытка М.К.Мамардашвили*** выявить аспекты, уровни и место сознания прежде всего в экономических трудах К.Маркса.

Большой интерес в этом направлении представляет фундаментальное исследование Д.Лукача о молодом Гегеле****, в котором предпринимается попытка воссоздания познавательной ситуации формирования гегелевской философии в органической связи с со-

*. Живкович Л. Теория социального отражения. М. 1969.

** . См.: статью "Идеальное" в кн.: Философская энциклопедия. Т.П. М.1962. С. 219-227, и др.

***. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса. // Вопросы философии. 1968. №6; его же: Формы превращенные. // Философская энциклопедия. Т.У. М.1970. Причудливая терминология М.К.Мамардашвили и проблематика его работ, отчасти сходны с альтюссеровской, (особенно когда внимание акцентируется на "бессубъектности" общественных процессов). Однако, благодаря принципиально другой традиции, которая развивалась в СССР в 60-е годы, по крайней мере в выше названных его работах есть много рациональных и глубоких замечаний (в отличие от формализма, эстетизма и элитарного вербализма последующих работ этого автора).

****. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы политического общества. М.1987.

диально-политическими условиями эпохи. На материале истории философии XVII-XVIII веков проблема социальной обусловленности и социальной сущности познания и знания рассматриваются в монографии Н.В. Мотрошиловой "Познание и общество"* . В книге "Духовное производство" предпринимается попытка расширения спектра проблем без дальнейшего углубления. Детальный разбор рассматриваемой литературы выходит за рамки этой работы. Необходимо отметить, что пока еще слабо разработана проблема внутренней взаимосвязи социального характера и социальной обусловленности познания с методологией и логикой становления науки. Однако уже можно обнаружить две линии в подходах к проблеме социальной обусловленности познания, которые открывают плодотворные перспективы: во-первых, рассмотрение достижений классиков марксизма-ленинизма (прежде всего К.Маркса) и, во-вторых, конкретно-историческое рассмотрение исторически определенных познавательных процессов. Сочетание этих двух линий, на мой взгляд, является условием продвижения вперед в этой области. Однако, от выбора конкретного познавательного процесса во многом зависит успех исследования. Наиболее подходящим познавательным процессом для такого исследования является история политической экономии капитализма, прежде всего потому, что она - единственная среди конкретных наук достигшая такого уровня зрелости**.

В трудах экономистов по истории экономической мысли преобладает описание взглядов, мнений с параллельной критикой и с указанием на соответствующие исторические условия. Интересна монография В.С. Афанасьева***, в которой предпринимается попытка рассмотрения гносеологической и идеологической функции буржуазной политической экономии. Живостью и литературным воссозданием контуров жизни и деятельности школ и ученых выделяется монография А.В. Аникина****.

"Теории прибавочной стоимости" и вообще методологические и социальные аспекты развития экономической науки, мало еще привлекают внимание философов. Последние в основном относятся к этой проблематике (когда и если она упоминается) как к материалу для извлечения примеров. Исключение представляет собой ранняя работа об историческом и логическом Б.А. Вазюли-

*. Мотрошилова Н.В. Познание и общество. М. 1969.

Однако в последней книге этого же автора (Социально-исторические корни немецкой классической философии, М., 1990г.) заимствуются из обыденного представления, распространенной в последнее время публицистики псевдопонятия (типа "цивилизация", трактуемого как синоним капитализма), эклектически и тенденциозно трактуется содержание немецкой классической философии в поисках у последней опоры для "обоснования" так называемого "нового мышления".

** . Следует отметить, что к такого рода завершению пришла уже, благодаря вышеуказанным достижениям советской методологии, еще одна познавательная область: наука об истории человечества как органического целого. Это открытие создает новые возможности как для выявления субъективной логики, так и для исследования социальной обусловленности познания.

***. Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии. М. 1985.

****. Аникин А.В. Юность науки. М. 1985.

на*. В ней - несмотря на то, что методологические взгляды автора еще не оформились полностью - рассматривается процесс развития буржуазной политекономии в качестве предпосылки марксовской политекономии, выявляется "механизм" ее развития прежде всего и главным образом с точки зрения движения от поверхности к сущности, с точки зрения выявления специфических противоречий процесса познания. В работе Г.В. Старк на материале IV тома "Капитала" поднимается широкий круг проблем и аспектов, однако в ней отсутствует внутреннее единство концепций, что отражается и во внешнем по отношению к объекту членении книги**. В.Г. Голобоков предпринимает попытку*** выявления зависимости познавательного процесса от развития его объекта. Однако, в ней проводится периодизация первого на основе критериев, относящихся иногда к первому, иногда же ко второму, что свидетельствует о недостаточности понимания специфики и относительной самостоятельности каждого из этих процессов. Внешнее отношение к предмету характеризует подход М.А. Булатова, который посвящает IV тому "Капитала" треть своей монографии****, иллюстрируя уже изложенные им представления о понятиях и категориях.

Целью данного исследования является выявление логики, закономерностей становления науки, научного мышления о производственных отношениях капитализма.

Научное мышление существует всегда в определенном единстве его объективной и субъективной сторон. В конкретной науке объективная сторона мышления выступает на первый план там, где внимание исследователя обращено главным образом на предмет исследования. Выявление же этой стороны мышления в чистом виде - особая задача объективной логики, относительно самостоятельная от самого процесса отображения предмета. Эта самостоятельность объективно-логического исследования проявляется, между прочим, в том, что сам исследователь не в состоянии (пока занимается главным образом "логикой дела") осознать характер и сложность этого исследования, которое может быть выполнено иногда последующими поколениями исследователей (объективная логика "Капитала" К.Маркса была выявлена в чистом виде 100 лет спустя издания его первого тома). Объективно-логическое исследование этой первой стороны научного мышления осуществляется при категориальном анализе результатов объективной, предметной, содержательной стороны науки. Поэтому объективная логика в чистом виде выявляется при категориальном анализе ставшего, развитого знания, где допустимо и правомерно предположение об абсолютном характере знания о предмете, в качестве момента. Субъективная же сторона мышления выступает на первый план при изучении характера, уровня, способов,

*. Вазюлин В.А. Развитие проблемы исторического и логического... дисс... канд. филос. наук. М. 1964. С. 117-191.

** . См.: Старк Г.В. Социологический анализ познавательного процесса в "Теориях прибавочной стоимости" К.Маркса. Ростов-на-Дону. 1976. Те же самые недостатки обнаруживает и последняя ее книга: ее же: Метод в действии (опыт целостного овладения наследием К.Маркса). Ростов-на-Дону. 1988.

***. Голобоков В.Г. Проблема зависимости познания от степени развития его объекта в "Теории прибавочной стоимости." К.Маркса. Дисс.. на соискан. ст. канд. филос. наук. М. 1977.

****. Булатов М.А. Логические категории и понятия. Киев. 1981.

средств (метода) познания предмета, и, с этой точки зрения, формы становления и развития познающего мышления. Поэтому субъективная логика, в ее отличии от объективной, выявляется прежде всего при изучении становящегося знания, филогенеза или онтогенеза познания предмета. Однако, если объективная логика в чистом виде не осознается в полной мере самим исследователем при непосредственном процессе отображения предмета, это тем более относится к субъективной логике, представляющей собой вторичный уровень рефлексии мышления о самом себе. Конечно, исследователь с необходимостью выявляет важные моменты субъективной логики "там, где изучает познание предмета своими предшественниками или исследует развитие своих знаний о предмете"*.

Но, если это изучение осуществляется в процессе собственного развития теории, до завершения теоретического отображения предмета и в связи с этим завершением, то моменты субъективной стороны мышления выявляются постольку, поскольку это необходимо для завершения именно объективной стороны мышления. Выявление субъективной логики в чистом виде — это особая, специальная исследовательская задача, попытку выполнения которой и представляет собой настоящая работа.

Так, в филогенезе познания, как и в онтогенезе, объективная и субъективная стороны мышления первоначально выступают в непосредственном, неразличенном единстве. Затем они постепенно "различаются и ставятся рядом друг с другом (это известное различие между онтологией и гносеологией). После этого устанавливается их единство друг с другом в их различии. Объективная и субъективная стороны мышления выступают в сознании как застывшее единство противоположностей, пока познание берется в качестве неподвижной системы"**.

что характерно для сугубо рассудочного подхода к предмету и к науке, особенно при становлении науки, где рассудочное мышление стремится к противопоставлению самого себя чувственно непосредственному предмету. Тогда противоречие объективной и субъективной сторон мышления (в развитом рассудке) находится на уровне противоположности. Состояние этой противоположности, если оно осознается и осмысливается в определенной мере (что уже означает выход за рамки рассудка), приводит к представлению о соотношении субъективной и объективной сторон мышления в качестве исключительно формы и содержания. Такое представление (с известной рассудочной ограниченностью) может сохраняться и при осмыслении уже развитой, разумной науки, если достигнутое ею знание рассматривается в качестве данного, застывшего, неподвижного (т.е. абсолютного). "Но если рассмотреть познание в процессе движения, то застывшее единство противоположностей превращается в противоречие: объективная и субъективная стороны мышления взаимопревращаются, сливаются друг с другом в своем отрицании друг друга"***.

Поскольку объективная и субъективная стороны мышления относительно самостоятельны друг от друга, постольку возможно и необходимо их самостоятельное рассмотрение. Поскольку же объективная и субъективная стороны — суть стороны одного и того

*. Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 15-16.

**., Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 16.

***. Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 16.

же познающего мышления в истории познания, необходимо и рассмотрение их каждый раз определенного единства. Философско-методологическое рассмотрение истории науки предполагает выявление образования предпосылок возникновения, формирования и развития, с начала моментов объективной логики служит выявленная в чистом виде объективная логика зрелой теории. Тогда на каждом этапе выявляется то, что именно исследуется познающим мышлением, выясняется, какие именно стороны, отношения и т.д. предмета познаются, что фиксируется в выявленной последовательности возникновения и развития категорий объективной логики. Здесь-то и возникает первая трудность историко-научного исследования. То, что действительно, фактически исследуется на каждом этапе становления науки, отличается в той или иной степени, от сознательных представлений самих исследователей в истории науки, порой до прямо противоположного. Поэтому и требуется специальное рассмотрение субъективной стороны мышления в истории науки, в единстве с рассмотрением его объективной стороны. И тогда выявляется историческая сторона субъективной логики, что возможно при определенном представлении о субъективной логико-научном исследовании рассматривает состояния, переходы, движение средств и способов познания: понятий, категорий, суждений, умозаключений, методов (т.е. анализа, синтеза, индукции, дедукции, восхождения от чувственного конкретного к абстрактному). Поэтому субъективная логика изучает форму движения науки в ее истории. Однако это возможно только в связи с рассмотрением содержательной, предметной стороны науки, ибо невозможно познание того, как осуществляется развитие, абсолютно безотносительно к тому, что именно развивается. Следовательно, философско-методологический анализ становления науки осуществляется в настоящей работе с точки зрения единства объективной и субъективной сторон мышления в их различии. В результате этого анализа выявляются основные закономерности становления и развития политэкономии капитализма. Так как этот анализ предполагает исследование соотношения отображенного и отображаемого в истории науки, он представляет собой "прикладную" теорию познания. Поскольку диалектика становления и развития политэкономии капитализма лишь частный случай диалектики становления и развития научного мышления вообще, она сохраняет свое значение при изучении всякого познавательного процесса.

Поскольку предметом настоящего исследования является конкретная история - образование предпосылок, первоначальное возникновение, и формирование науки, постольку, сам характер этого предмета диктует преобладание исторического способа познания. Исторический способ познания предполагает фиксирование главным образом временной последовательности, изменчивости предмета с точки зрения качества, количества и меры. Однако в настоящем исследовании исторический способ берется в его единстве с логическим. Следовательно, во-первых, рассматривается не только историческая изменчивость научного познания, но, в той или иной мере, и его фиксированные на каждой стадии (субстанции) формообразования в их специфике; во-вторых весь процесс становления рассматривается в связи, в единстве с высшей, зрелой, ставшей стадией развития научного познания, где научное мышление уже развивается на своей собственной основе. При таком подходе открываются возможности для рассмот-

рения истории процесса в различных категориальных аспектах.

В настоящей работе, поскольку исследуется главным образом становящееся и развивающееся научное мышление, на первый план выдвигается закономерность становления и развития метода научного исследования. Но чем отличается метод от самого знания? По Гегелю "Метод есть само это знание, для которого понятие дано не только как предмет, но и как его собственное, субъективное действие, как орудие и средство познающей деятельности, отличное от нее, но, как собственная сущность. В научном познании метод также есть орудие, находящееся на субъективной стороне средство, с помощью которого она соотносится с объектом..."*. Это способ, форма развертывания познавательного процесса, производства знания. "В качестве метода познания применяются уже имеющиеся знания. Уже полученные человечеством знания становятся методом, когда они используются как средство отыскания нового знания. Отличие метода познания нового выступает лишь постольку, поскольку уже имеющиеся знания берутся как потенциальное средство получения нового знания..."**.

Поскольку наука опроизводственных отношениях капитализма есть не только знание, но и форма общественного сознания, при рассмотрении ее становления необходимо выявить и ее социальную обусловленность, ее взаимосвязь с другими формами сознания и с другими познавательными процессами.

Итак, для реализации поставленной цели, в ходе настоящего исследования необходимо решить следующие основные и взаимосвязанные задачи:

- провести периодизацию научного мышления на основе его изменяющейся, становящейся и развивающейся определенности;
- соотнести периодизацию научного мышления с периодизацией предмета его исследования;
- выявить то, что познается на каждой стадии (субстадии) становления науки, т.е. выявить в категориальном аспекте моменты становящейся объективной логики, моменты абсолютной и относительной истины достигаемого знания;
- выявить то, как осуществляются процесс познания становящимся научным мышлением, с точки зрения характера и уровня развития средств и способов (метода) познания, т.е. выявить субъективную логику научного мышления, в аспекте формы его становления (в связи с его содержанием);
- рассмотреть становление политэкономической науки в контексте классического буржуазного мышления, составную часть которого она собой представляет;
- выявить (поскольку это необходимо для философско-методологического анализа становления политэкономии капитализма) конкретно-исторический "механизм" взаимосвязи, взаимопроникновения, и опосредованных взаимопереходов социально-политических позиций, социально-философских, политэкономических и теоретико-познавательных, методологических положений;
- проанализировать процессы разрушения науки;
- критически осмыслить вклад и ограниченность Гегеля в теоретическом познании становления научного мышления в связи с конкретным исследованием становящейся политэкономической науки.

*. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М. 1972. Т. 3. С. 291.

** . Базилев П. А. Становление метода научного исследования К. Маркса. М. 1975. С. 16.

Г Л А В А П Е Р В А Я

ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК НАУКИ.
ВЗГЛЯДЫ МЕРКАНТИЛИСТОВ

Предметом исследования буржуазной политической экономики является капитализм, капиталистические производственные отношения. Капитализм - это исторически определенная органическая целостность, которая в своем прогрессивном развитии проходит следующие стадии:

1. Стадия необходимых предпосылок или начала капитализма, предшествующая первоначальному возникновению его сущности. В это время идет образование ремесла в недрах феодализма и сопровождающие этот процесс последствия.

2. Стадия первоначального возникновения сущности капитализма - переход к капиталистическому ремеслу, свободному от пут феодальной его организации, появление товара "рабочая сила".

3. Стадия формирования сущности капитализма, преобразования новым органическим целым унаследованной основы (мануфактурный период, переход к широкому производству машин ремесленным, мануфактурным способом, переход к производству машин машинами).

4. Стадия зрелости капитализма, при которой уже господствует производство машин машинами*.

Процесс познания предмета тоже представляет собой специфическую органическую целостность, которая в своем прогрессивном развитии проходит четыре стадии. Пока достаточно сказать, что процесс развития предмета и процесс развития знаний о предмете, при всей обусловленности второго первым, - разные процессы.

Следует отметить, что в любом процессе развития нет абсолютных разграничительных линий, что тем более относится к начальным его стадиям. Однако в общем и целом каждая из указанных выше стадий имеет свою специфическую, отличную от других, определенность, недооценка и игнорирование которой (определенности) ведет к историческому релятивизму.

Начало науки, предпосылки ее возникновения, появляются на стадии первоначального возникновения сущности предмета в форме меркантилистских воззрений.

В эпоху первоначального накопления капитала характерно бурное развитие мировой внешней торговли с помощью неэквивалентного обмена, колонизации и ограбления экономически отсталых народов. Параллельно, внутри передовых стран этой эпохи начинается процесс разложения феодальной частной собственности (частной собственности на неадекватной ей основе, - на основе главным образом частной собственности на землю) и всех соответствующих этой форме собственности отношений. Сущность капитализма первоначально возникает с образованием производства, в котором решающее значение имеют уже не естественно возникшие, а произведенные трудом средства производства, выступающие в качестве частной собственности, свободной от фео-

*. См.: Вазюлин В.А. Логика Истории. Вопросы теории и методологии. М. 1988. С. 279.

дальних, цеховых и т.д. форм организации. Агенты этого нового производства противостоят друг другу в качестве товаровладельцев. С одной стороны - владелец денег, средств производства и жизненных средств, с другой же стороны - работники лично свободные, лишенные в той или иной мере жизненно важных для них средств производства, и вынужденные продавать на определенное время свою рабочую силу (способность к труду). Происходит процесс, с одной стороны, первоначального возникновения, становления нового качества и новой сущности, с другой же стороны процесс разложения старого качества, старой сущности, а также промежуточной формы производства - мелкого товарного производства.

Сущность нового возникающего предмета в это время "еще слита с формами своего проявления, и чем ближе к началу процесса возникновения, тем более сама сущность есть нечто случайное, тождественное формам своего проявления"* , т.е. сущность при этом одновременно является еще и своей собственной формой проявления, существует как абстрактная возможность. Действительно, сущность начала предмета (стоимость), в то время пока осуществляется главным образом непосредственный обмен продуктов, не существовала до отношения, до своего проявления (до обмена). То же самое происходит и в ходе исторического развития собственно предмета, капитала, ибо "капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль"** . Поэтому первое "теоретическое" освещение капиталистического способа производства, - меркантилистская "система - "по необходимости исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно скватывало только внешнюю видимость явлений. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, како^о он имел в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства"***.

На стадии первоначального возникновения предмета новое качество, новая сущность возникают вне пределов досягаемости феодальных отношений или (и) из разрушения феодальных отношений. В наиболее явной, чувственно и непосредственно воспринимаемой форме возникающий новый процесс обнаруживается в одной определенной области деятельности: в области мировой внешней торговли. Субъект этой деятельности, "торговый капитал есть исторически первый свободный способ существования капитала и как таковой выступает по отношению к цеховому и феодальному, мелкому буржуазному и крестьянскому производству"****. Таким образом монетарная и меркантилистская "системы" воспринимают его в качестве основной и единственно заслуживающей внимания формы капитала, "из которой они выводили свои представления о прибавочной стоимости и прибыли.

*. Вазюлин В.А. Система категории диалектической логики...С.. 161.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. 1. С. 314-315.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. 1. С. 370.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 403.

Прибыли от отчуждения"⁴. Объективной основой этих представлений послужила непосредственная практика купца. Последний, действительно, даже на стадии зрелости предмета, извлекает свою прибыль из обращения и получает ее в акте обращения. Поскольку же в этом акте не выступает непосредственно собственно сущность предмета (производство прибавочной стоимости) создается представление, что она и сама по себе возникает исключительно из обращения.

Итак, новое качество, новый предмет уже возникли и они особенно ощутимы в определенном процессе, в определенной форме практики: в форме купеческой практики. Любая практика, любой труд имеет внутри себя разные компоненты, моменты, т.е. средство (средства), предмет и цель. Для повторения и возобновления этого труда, этой практической деятельности необходимо выделение определенных сведений, умений, навыков и т.д. Необходимо их кодирование, их систематизация как для установления постоянства его повторения, возобновления, для повышения его эффективности, так и для подключения к этой практике новых людей. Это выделение, систематизация и т.д. сведений, знаний, целей данной практики тем более становятся необходимыми, когда названная сфера деятельности занимает центральное место во внешнеэкономической политике феодализма - абсолютистского государства. Эти знания претендуют на выполнение роли "науки об обогащении", при этом не только отдельных лиц, а целых государств, нации, национальных хозяйств.

Первые знания о предмете непосредственно слиты с практикой. В рамках эмпирического, поверхностного взгляда повседневной хозяйственной практики выступают преимущественно как описание очевидных сторон этой практики, как внешняя рефлексия и непосредственный опыт этой практики. Представления о средствах, о предметах и главным образом о цели этой практики (об обогащении) выступают здесь как общие рекомендации, как программа экономической политики.

Однако при всей его неопределенности, при всей его слитости с непосредственной практикой процесс познания предмета начинается, опираясь главным образом, на чувственную достоверность. То с чего это познание начинает, стало быть, "то, что оно действительно познает, есть именно поэтому нечто известное; то, что еще не познано и должно быть познано лишь впоследствии, есть еще нечто неизвестное. Поэтому следует сказать, что познание, если только оно уже началось, всегда движется от известного к неизвестному"⁵. Однако следует отметить, что "известное вообще - от того что оно известно еще не познано"⁶.

Что же представляют собой эти знания с точки зрения форм сознания? Подобно агенту крупного купеческого капитала, монополизировавшему в то время внешнюю торговлю, монетарная "система" и меркантилизм в целом смотрят на "прибыль от отчуждения", как на единственный источник богатства. Их интересуют источники и способы увеличения буржуазного богатства (хотя в их представлениях речь идет о богатстве вообще, которое в виде денег, в виде золота и серебра ослепляет их.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 403.

** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М. 1972, С. 246.

***. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч. Т. IV. М. 1959. С. 16.

Уже было отмечено, что в процессе познания сначала "главным образом совершаются действия с познаваемыми предметами и т.п."*. Эти действия оцениваются с точки зрения их полезности и их пользы для индивида и для определенной группы индивидов (части общества). Эта польза представляется во всеобщей форме, как государственный и "национальный" интерес, нормативным образом диктующий определенную политику в качестве должностования. Тем самым эти действия принимают морально-политический характер. В процессе совершения этих действий, на практике, возникают определенные чувства, представления, живое созерцание и т.д. Тогда предмет, определенные отношения, закономерности и т.д. воспринимаются эстетически, посредством их конкретного чувственного эквивалента, который ослепляет сознание и воспринимается как предмет в целом. "Золото и серебро исторически приобрели в товарном мире роль всеобщего эквивалента, с натуральной формой золота и серебра общественно срослись всеобщая эквивалентная форма, или форма стоимости вообще. Эстетические свойства золота и серебра - это не просто их блеск, яркость и т.п., т.е. непосредственно, чувственно воспринимаемые натуральные свойства золота и серебра, блеск золота и серебра есть блеск их общественной роли, их общественного значения. И в этом отношении из всех остальных товаров золото (и серебро) для человека, захваченного миром товарных отношений, обладает наибольшей эстетической силой воздействия. Блеск золота оказывается не просто природным свойством, а чувственно воспринимаемым общественным могуществом золота в товарном мире, т.е. чувственным эквивалентом общественного могущества"**. Таким образом, в меркантилистских воззрениях практический, моральный, политический и эстетический аспекты выступают в непосредственном единстве.

Тем не менее, меркантилистская система "в своей формуле Д - Д' наглядно вскрывает... *differentia specifica* капиталистического производства... стоимость, создающую стоимость, то есть характер стоимости как капитала"***. Возникший новый предмет схватывается непосредственно и главным образом качественно****. Новое знание выступает в виде синкретического единства представлений, в которых главным образом схватывается качественная сторона многообразия чувственно конкретного. Из формулы Д - Т - Д', представляющей капитал на уровне непосредственности, берутся (особенно в монетарной "системе") начало и конец процесса в их качественном тождестве и, следовательно, процесс выступает качественно и количественно бесконечным. Но здесь в отличие от последующего развития познания, внимание акцентируется на качественную сторону дела, меркантилисты "смешивают деньги с капиталом". Таким образом, непосредственно чувственно воспринимаемая качественная сторона многообразия целого выступает как знание всего целого, экстраполируется на все стороны предмета. "Конкретное содержание чувственной достоверности придает ей непосредственно видимость богатейшего познания"*****, - отмечает Гегель. Это позна-

*. Вазюлин В.А. Логика истории ... М. 1988. С. 187.

** . Там же. С. 176-177.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 44.

****. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 70-71.

*****. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч. Т. IV. С. 51

ние имеет видимость "самой подлинной достоверности". Однако, ввиду ее непосредственности, чувственная достоверность мало что говорит о сути дела. "О том, что она говорит только: оно есть... вещь есть; и она есть только потому, что она есть"*.

Знание о предмете находится на уровне непосредственности, на уровне бытия. "С одной стороны, предмет исследования уже есть..., а, с другой стороны неизвестно, что именно он есть, неизвестно, есть ли, существует ли он вообще**," ибо фиксируется непосредственно лишь то, что предмет есть, но он столь мало познан, что еще не ясно, есть ли он на самом деле и что он собой представляет.

Непосредственное представление о деньгах а их натуральной форме экстраполируется на все стороны предмета и тем самым теряется специфика сторон и уровней предмета, так как они сводятся к этому непосредственному знанию. В синкретическом единстве представлений, в результате этой экстраполяции, этого сведения, обнаруживается то, что К.Маркс называл *quidproquo* - принятие одного за другое. Это закономерное переворачивание действительных отношений (где часто определяющее выступает в качестве определяемого) в той или иной степени сопровождает процесс развития познания, до достижения им зрелой формы.

То, что выделяют в предмете меркантилисты (особенно монетарная "система") - это деньги, возрастание богатства в виде денег. Синкретизм, характеризующий меркантилистские воззрения, не позволяет отличить начало, бытие предмета от самого предмета. Речь уже шла о выделении начала и конца из формулы непосредственного выражения сущности капитала. Д и Д' (поскольку меркантилисты рассматривают торговый капитал) могут быть началом и концом формулы, выражающей стадии кругооборота денежного капитала (Д - Т - ... П ... Т' - Д'), т.е. относятся к явлению развитого предмета, выступающего в аспекте логических категорий "вещи" и "свойства", функциональных форм***. Д и Д' могут быть выражением товарно-торгового и денежно-торгового капитала рассматриваемых в развитой теории о развитом предмете на уровне действительности, в аспекте логических категорий атрибута и модусов****.

Сущность начала предмета, стоимость у меркантилистов "сводится просто к форме стоимости, к той форме, в которой продукт проявляется как всеобщий общественный труд, как деньги*****. Когда предмет выступает в виде совокупности относительно самостоятельных вещей и его субстанция проявляется лишь через отношение этих вещей, с необходимостью возникает иллюзия "будто величина стоимости продуктов труда (т.е. сущности начала предмета. -Д.П.) определяется чисто случайно"*****. Эта иллюзия в рассматриваемый период усиливается массовостью неэквивалентного обмена.

Одна из функциональных форм выражения сущности начала,

-
- *. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч. Т. IV. С. 51.
 - ** . Вазюлин В.А. Становление метода .. М. 1975. С. 46.
 - ***. См.: Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 248.
 - ****. Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 257-258.
 - *****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 156.
 - *****. Там же . Т. 23. С. 85.

непосредственно-всеобщая (денежная) форма сущности, приобретает прочную видимость натуральной формы, непосредственно чувственно воспринимаемой формы или единичности предмета. В результате этой объективной видимости монетарная "система не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами"*.

Неопределенность усиливается еще и тем, что деньги воспринимаются здесь главным образом в функции сокровища и отчасти в функции всемирных денег.

Таким образом, многозначность, присущая синкретическому представлению меркантилистов о предмете, в любом случае выражает именно непосредственно схваченную поверхность предмета (особенно предмета и его начала), что и привело их к игнорированию сущности.

Первая ранняя форма меркантилизма, монетарная "система" сводила все усилия внешнеэкономической политики государства к одной единственной цели: к привлечению в страну денег, драгоценных металлов. Эта цель достигалась жестким административным контролем и запретами на вывоз золота и серебра. Однако уже с XVIII века эта практика оказывается ограниченной. Если сначала одна из форм проявления предмета выступала в качестве воплощения специфики предмета в целом, то впоследствии, с дальнейшим развитием предмета, выступают все более отчетливо и другие формы, другие стороны предмета, которые и ограничивают абсолютный характер первоначальной формы. Однако раннее ориентирование на скопление драгоценных металлов постепенно уступает свое место более гибкой и конструктивной политике, направленной уже (хотя с той же целью: привлечь в страну деньги), на развитие производства экспортных товаров и на достижение превышения вывоза над ввозом. Это изменение направленности непосредственной коммерческой практики и внешнеэкономической политики отражается в развитой форме меркантилизма, в "теории торгового баланса". Теперь, в противоположность "административному восторгу" монетаризма, требуется более гибкое вмешательство государства и это требование созвучно философским представлениям эпохи о "естественном праве".

Познание предмета и здесь, при этом переходе, следит за непосредственной практикой, и переориентируется, а точнее - включает в поле зрения еще одну сторону поверхности предмета: помимо денежного обращения и с точки зрения денежного обращения, рассматривается и товарное обращение. Сознание (вслед за практикой) двигается от более сложной и поверхностной стороны предмета к менее сложной поверхности, непосредственности предмета, при этом вторая сторона рассматривается сквозь призму первой. Действительное соотношение сторон переворачивается: менее поверхностная сторона предмета, (стоящая ближе к сущности явления, непосредственности) "объясняется" более поверхностной стороной, определяемое выступает в качестве определяющего. Взгляды монетарной системы вращаются вокруг принципов, которые можно представить в форме суждений: "капитал есть деньги", "прибыль - это прибыль от отчуждения" и т.д. Теперь, в "теории торгового баланса" эти взгляды сохраняются и модифицируются, поскольку к ним прибавляется еще

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 156.

** Там же. С. 92.

один принцип: "капитал есть товар". Познание движется в рамках поверхности, причем намечается направленность его движения.

При таком подходе сущность предмета закономерно игнорируется. Однако нельзя представлять этот факт так, как будто сущность абсолютно упускается из виду. Познание стремится к постижению сущности, хотя на ранних стадиях его развития это движение только намечается, происходит неосознанно и косвенно. Уже в монетарной "системе" фактически - как уже было отмечено - речь идет о самопорождении, сущности (стоимости, создающей стоимость), хотя здесь начало и конец процесса фиксируется в статике, в непосредственно фетишизированной воспринимаемой натуральной форме. В развитом же меркантилизме взгляды на предмет расширяются и углубляются, поскольку он уже относится к той эпохе, "когда промышленный капитал, а потому и наемный труд появляются в мануфактуре и развиваются в противоположность непромышленному богатству, феодальной земельной собственности и за ее счет"* . Меркантилистов по-прежнему интересует богатство, деньги. Однако уже способ привлечения богатства усложняется (по мере ограничения ограбления и т.д.), становится более опосредованным: торговому капиталу нужны товары. Последние естественно производятся промышленным капиталом, который для меркантилистов "обладает ценностью и даже наивысшей ценностью - в качестве средства, а не в качестве самого богатства в его производительном процессе"** . Таким образом, хотя и в отдаленной и опосредованной форме, в сознании отражена сущность предмета и порождающая его субстанция. Как средство, как "необходимое зло", субстанция присутствует в меркантилистских воззрениях: "мануфактурный труд, т.е. aufond промышленный труд - вот что, по мнению меркантилистов, приносит стране деньги"*** . Субстанция и сущность имеют место (далеко не центральное) в представлениях познающего сознания в виде побочного продукта движения поверхностных сторон, они положены полностью, в сознании меркантилистов, этим движением. И только в этом смысле "одна из форм наемного труда, промышленный труд, и одна из форм капитала, промышленный капитал, были признаны (меркантилистами. - Д.П.) источником богатства. но лишь в той мере, в какой они создавали деньги"**** .

Вся меркантилистская "система" ограничивается поверхностностью, непосредственной эмпирической данностью предмета. Обнаруживаемое здесь специфическое противоречие процесса познания заключается в том, что в ней, с одной стороны, определенные аспекты этого непосредственного знания (differentia specifica предмета с непосредственно качественной стороны) соответствуют сути дела; с другой же стороны, экстраполяция знаний о поверхностных сторонах предмета на все его остальные стороны и сведение всех сторон предмета к этим знаниям, не соответствует истине**** . Начало процесса познания предмета выступает в этом аспекте как противоречие между конкретно-ис-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 283.

** . Там же. С. 283.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 283-284.

****. Там же. С. 284.

*****. См.: Вазюлин В.А. Развитие проблемы ... М. 1964. С. 129-130.

торической истиной и ее необходимым "побочным продуктом" - тоже конкретно-историческим заблуждением. Полное раскрытие доли истины содержащейся на этой стадии познания, в ее отличии от заблуждения, возможно только с позиции зрелой теории о предмете. Непосредственно же следующие за началом стадии познания, поскольку проникают, в известной мере, во внутренние связи предмета, отвергают полностью первоначальное значение (заблуждение отбрасывается вместе с сопровождаемой им истиной). Классическая буржуазная политическая экономия "в своем просветительском бахвальстве перед меркантилистской системой" упускает из виду и содержащееся в ней истинное знание, и его истинную направленность, "забывает само это *differentia specificata* стоимость, создающую стоимость, то есть характер стоимости как капитала"**. Грубая абсолютизация экстраполяции /характерной для меркантилистской системы/, экстраполяции денежной формы как эмпирического факта и самоцели агента капиталистических отношений, выбалтывает "в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства, его полное подчинение меновой стоимости"***, и тем самым "оскорбляет, разумеется, протестантскую *point d'honneur* буржуазной политической экономии, и последняя из страха перед предрассудками монетарной системы на долгое время утратила понимание явлений денежного обращения"****. И это голое отрицание старого знания дезориентирует дальнейший ход познания, т.е. приводит к другим огрублениям, заблуждениям и т.д. В результате этого, между прочим из поля рассмотрения классиков устраняется специфика денежной формы, денежного обращения и его закономерностей, что привело к "количественной теории денег" и вообще к сведению роли денег к роли чисто технической. Однако этот перегиб закономерен на данной стадии процесса познания. Непосредственно классовых мотивов для такого рода перегиба не было. В рамках классического просвещения и рационализма, с которыми тесно связаны критики меркантилизма, характерно такое отношение - установка к старому знанию, вообще к старому знанию, вообще к старым взглядам, как просто к иллюзиям и заблуждениям. Это наиболее ярко выражается в отношении просветителей к старой "метафизике" и особенно в объяснении религии "теорией" обмена.

Что с логико-методологической точки зрения изучает познание на стадии своего начала? "При ближайшем рассмотрении ... оказывается, что оно начинается с предмета, выступающего в качестве предпосылки, стало быть, с единичного конкретного предмета, причем все равно, есть ли он уже готовый для представления предмет или же некоторая задача, т.е. дан лишь в своих обстоятельствах и условиях, но сам еще не выделен из них и не представлен в простой самостоятельности"****. И познание на стадии образования предпосылок науки начинается с того же предмета, с той же "вещи", с которой начинает и развитие теоретически зрелое изложение знаний о предмете. Только в первом случае рассматриваемое познанием начало предмета непосредственно слито с самим предметом, и переплетено с исчезающим старым предметом. В результате этого в сознании форми-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 44.

** Там же.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 140.

**** Там же.

***** Гегель Г.В.Ф. Наука логики ... Т. 3. С. 247.

руется, главным образом, поверхность начала предмета в ее слитости с поверхностью самого предмета. При этом сущность предмета и сущность начала упускаются из виду. Отличие нового предмета от старого фиксируется фактически непосредственно, но не рассматривается специально. Хотя сознание охвачено непосредственностью, намечается движение от более поверхностной формы непосредственности к менее поверхностной. Последовательность рассмотрения здесь (от денег к товару) прямо противоположна последовательности "Капитала". В этом смысле историческое (начало процесса познания) в общем и целом соответствует, с одной стороны, логическому, с точки зрения того, что рассматривается (хотя в логическом, рассматриваются преобразованные предпосылки предмета в снятом виде, в историческом же - их становление в качестве начала этого предмета). С другой же стороны, особенно с точки зрения специфики этого рассмотрения (уровня, характера и т.д.), между историческим и логическим нет соответствия. Точнее, соответствие есть только в определенном (качественном) аспекте. Последовательность же и направленность мышления в историческом, прямо противоположна последовательности (соответствующих частей) логического.

Было уже отмечено, что на этом уровне познание слито с целью, с целеполаганием в качестве момента определенного рода практики. В процессе массового повторения такого типа практики, такого типа труда, достигается предел возможностей дальнейшего достижения поставленной цели (обогащения), связанный с исчерпанием в природном и социальном отношениях "материала", служащего средством и предметом этой практики, изменяются и все компоненты этой практики (средства, предмет, способ, результат и, следовательно, цель), возникает необходимость в переходе к иной практике, к иному процессу труда.

На уровне чувственной достоверности познание выступает главным образом как момент труда, предметно-преобразующей деятельности. Субъект познания тождествен субъекту труда, и, соответственно предмет познания тождествен предмету деятельности и моментам этой деятельности в их единстве. Но это не абстрактное тождество. Речь идет о тождестве с различием: аспект собственно познания все же отличен от исключительного целеполагания как момента труда. Пока имеет место непосредственное тождество этих двух аспектов, познания и практики, не может идти речь собственно о науке. Наука предполагает относительную самостоятельность первого аспекта по отношению ко второму, которая достигается по мере углубления познания, по мере того как познание выявляет внутреннюю взаимосвязь сторон предмета. Пока познание ограничивается движением в рамках лишь поверхности, непосредственности, в филогенезе (и онтогенезе) науки, создаются предпосылки собственно научного познания. Как уже было показано выше, на этой стадии источник движения познания - внешний по отношению к самому познанию, познание просто приспособляется к практике (в той мере, в какой оно отличается от практики).

Образование предпосылок науки - необходимое условие ее возникновения, несмотря на то, что, меркантилистская "система" ограничивается наивным выделением определений, фигураций, абстрактных качеств из простого основания, которое в себе уже содержит все*.

*. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. Соч. Т. IX.

Г Л А В А В Т О Р А Я

ПЕРЕХОД К РАССМОТРЕНИЮ ВНУТРЕННИХ ЗАВИСИМОСТЕЙ И К ВЫЧЛЕНЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ СТОРОН ПРЕДМЕТА КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ

§ 1. Первые анатомирования предмета: Родоначальники классической буржуазной политэкономии

По К. Марксу "подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства"* , т.е. от непосредственности форм проявления сущности к "внутренним зависимостям" буржуазных производственных отношений. Если меркантилистские воззрения были характерны для периода первоначального возникновения предмета (капиталистических производственных отношений), то переход к первоначальному возникновению собственно теоретических взглядов совпадает с началом формирования предмета. В экономической жизни общества преобладающими становятся те производства, которые в основном или целиком работают на рынок. Экстенсивное изменение рынка достигает масштабов всего человечества, образуется мировой рынок; "с образованием мирового рынка преимущественно экстенсивное развитие капитализма становится преимущественно интенсивным, капитализм созревает"** . Образуется крупное устойчивое производство, работающее в основном (а постепенно целиком) на рынок. Специфика этого производства (в отличие от феодализма) заключается в крупной частной собственности не на естественно возникающие, а уже на производственные средства производства, т.е. в крупной частной собственности на адекватной ей основе. Начало формирования предмета с технической точки зрения опирается на унаследованные, индивидуально проводимые в действие, ручные орудия труда. Самая простая форма увеличения количества производимой продукции и, соответственно, производства (относительной) прибавочной стоимости, это "простая кооперация, объединение производителей под одним началом, чаще прежде всего в области сбыта (т.е. с помощью торгового капитала. - Д.П.), а затем и производства. Но это все-таки скорее изменение качества в рамках преобладания количественного изменения. Более глубокое качественное изменение на той же технической основе возможно за счет разделения труда между производителями, объединенными под началом одного и того же (или одних и тех же) собственника (собственников). Углубление такого разделения труда ведет и к специализации индивидуально приводимых в действие ручных орудий труда. Это - мануфактурное разделение труда"*** . Возникшая новая сущность начинает главным образом интенсивное преобразование всех сторон целого на адекватной себе основе, идет процесс созревания предмета.

Уже заметно, что во временном отношении процесс познания предмета "отстает" от процесса развития предмета.

У Петти в Англии и Буагильбер во Франции являются, по Марксу, родоначальниками классической политической экономии,

* Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 370.

** Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 280.

*** Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 281.

открывшими известный спор, создавшими "национальный контраст" между английской и французской политической экономией.

По удачному выражению А.В.Аникина "в политической экономии не было настоящего буржуа до этого лендлорда"* . Петти представляет, что пред ним открывается новая познавательная область (хотя исследователь никогда не отдает себе отчет в том, чего он достигает, не осознает полностью масштаб, характер и значение своих открытий), и занимается проблемой инструментария познания, выбором метода исследования. "Петти чувствует себя открывателем новой науки. Его метод, как он говорит, "не традиционный". Вместо выстраивания целого ряда слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он решил говорить посредством *terms of number, weight or measure* (чисел, весов и мер), пользоваться исключительно аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие величины (*as have visible foundations in nature*), которые имеют видимое основание в природе"**. Петти со своей "гениальной смелостью", /которая характерна не только для его теоретической деятельности/ осуществляет переход к собственно научному подходу к предмету. Этот переход - качественный скачок в мышлении. Начинается процесс углубления познания от чувственноконкретного к мысленно абстрактному. Для этого Петти обращается к уже выработанной его современниками философской методологии, находясь под большим влиянием Ф.Бэкона. "Сэр Френсис Бэкон, - пишет он, - в своей работе "Advancement of Learning" ["О преуспеянии наук"] провел весьма правильную во многих отношениях параллель между физическим телом и телом политическим, между искусством поддержания здоровья как для того, так и для другого. Столь же справедливо и то, что анатомия является наилучшей основой как одного, так и другого и что воздействие на политическое тело без знания его симметрии, структуры и соотношения его частей столь же надежно, как и лечебная практика старых женщин и знахарей. Итак, поскольку знание анатомии необходимо не только врачам, но и полезно каждому лицу, занимающемуся философией какого бы то ни было рода, я ... попытался из любопытства набросать в общих чертах первый очерк политической анатомии"***. С этого времени намечается сложная, прямая или косвенная, явная или скрытая, но всегда глубокая, взаимосвязь конкретно-научных, политэкономических исследований с философско-методологическими направлениями эпохи, продолжающаяся до сих пор, которая, видимо, продлится еще долгое время (на другом уровне, с другими познавательными процессами и т.д.). Ни в одной науке в истории не было такого глубокого взаимодействия с философской методологией (вплоть до органического единства научной диалектической логики с пролетарской политэкономией у К.Маркса), как в политической экономии. И это не случайно. Предмет политической экономии, - производственные отношения (в их единстве с производительными силами), - представляет собой сущность общества как органического целого. Следовательно, рассмотрение сущности общества выходит далеко за рамки частного-научного знания, приобретает и философский смысл. С другой стороны,

*. Аникин А.В. Юность науки. М. 1985. С. 74.

**., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 39.

***. Петти В. Экономические и статистические работы. М. 1940. С. 90.

любое политэкономическое исследование предполагает (явно или неявно) определенные философско-методологические взгляды. Философско-методологические взгляды, в свою очередь, выражают в конечном счете, опосредованно, определенную социально-политическую позицию. Последняя, как стоящая ближе к экономическому базису форма общественного сознания, наиболее подвижна, поэтому именно в передовых политических взглядах, действиях и т.д. осознаются ближайшим образом коренные передовые социальные потребности эпохи*. Формы общественного сознания, в их отличии друг от друга и от науки о производственных отношениях), выявляются в развитии капиталистическом обществе, (хотя и тогда их отличие относительное). В рассматриваемую же здесь эпоху, капиталистическое общество только формируется. Кроме того, с точки зрения развития рассматриваемого процесса познания, наука только лишь возникает. Следовательно, отличие политэкономических знаний, подходов и т.д. от остальных связанных с ними взглядов здесь только намечается. Это, между прочим, видно из вышеизложенного и из понимания предмета (и из названия исследования самим исследователем). Полное, ясное и отчетливое понимание предмета, определение познавательной области науки, достигается только в зрелой науке о зрелом предмете. В достаточной мере отличить любой предмет от других предметов и установить его взаимосвязи с другими предметами (между прочим и с его прошлым и будущим), а также отличить и т.д. его познание от других познавательных процессов (и вообще от других форм сознательного отношения к предмету), можно только достигнув целостного представления о нем. До этого в истории науки наблюдается, в той или иной степени, та или иная форма неопределенности предмета, - (например, сужение или (и) расширение его границ, - его извращенное, одностороннее и т.д. истолкование.

Проводимая Петти вслед за Ф. Бэконом аналогия между физическим и общественным (политическим в его терминологии) телами характеризует типичный буржуазный взгляд на общество этой эпохи, выделяя главным образом естественность (объективность в эпоху бурного развития естествознания сводится к естественности) общества, в противоположность "сверхъестественному" мистическому истолкованию общественных отношений средневековой схоластикой. А раз общество - это физическое тело, значит, оно может быть здоровым или больным. В любом случае это тело рассматривается с точки зрения воздействия на него с целью "поддержания его здоровья" или - если диагноз выявляет "патологию" - восстановления его здоровья: Этот "медицинский" подход к обществу характеризует многие направления буржуазной мысли до сих пор. Но если тогда, в эпоху формирования буржуазных отношений, этот подход выражал прогрессивное, даже революционное стремление молодой буржуазии избавить общество от "патологии" еще непреобразованных феодальных отношений, то сегодня он принимает открыто революционный характер, поскольку объявляет некоторый уровень развития общественных отношений (как правило, капитализм) вечным.

Если общество - естественное тело, физический организм, оно не может быть коренным образом преобразовано, поддается только частичному улучшению, "терапевтическому" воздействию.

*. См. Вазюлин В.А. Становление метода... С. 21; его же: Логика истории... С. 145-196.

избавление от болезненных (феодалных) симптомов и обеспечение "естественных" условий поддержания здоровья буржуазной жизни, делают излишним любое другое "вмешательство". Значит, уже с самого начала Петти четко чувствует и устанавливает границы буржуазного воздействия, границы его критического отношения к предмету. Однако, даже в такой ограниченной форме, родоначальник политической экономии все же критически относится к предмету исследования. С одной стороны, предмет выступает в качестве данного "тела", с другой же стороны, сознание исследователя относится к нему (точнее к определенным его сторонам) критически. Вот это противоречивое отношение к предмету стимулирует дальнейшее исследование. Познающий субъект должен воздействовать на объект, опираясь на знание, "наилучшей основой" которого является "анатомия". Естественно, анатомия познает уже мертвое тело, выявляя "его симметрии, структуры и соотношения его частей"; следовательно, стороны "тела" познаются уже как мертвые, данные, в статике. Но, вместе с тем, анатомия выявляет и то, что не обнаруживается на поверхности. Именно это стремление Петти к выявлению с помощью анатомии того, что не обнаруживается на поверхности предмета, способствовало углублению его познания, скачку в познавательном процессе от поверхности к познанию внутренних отношений, т.е. возникновению научного подхода к предмету.

Сама по себе постановка (с помощью анатомической аналогии) вопроса об основанном на научном познании воздействии на общество при всей ее исторической ограниченности, - гениальна. Научное познание общества людей, производственных отношений и т.д. предполагает их рассмотрение по преимуществу в качестве объекта, с точки зрения их объективности, материальности*. Научное познание возникает в этой области фактически путем распространения способа отражения природы на общество, на людей. Здесь, заимствованный у естествознания метод познания переносится прямо на исследование общества, производственных отношений. Выбор метода познания не обосновывается, метод подбирается интуитивно. Выбранный исследователем метод познания постулируется, приносится извне, выступает чисто внешним по отношению к объекту, в качестве уже готовой, чистой и односторонней активности субъекта, в виде предписаний.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что при рассмотрении метода исследования далеко не достаточно опираться на высказывания самого исследователя по этому вопросу. Всегда есть различия между оценками самим исследователем метода собственного исследования и фактическим состоянием дел в исследовании с методологической точки зрения. Однако сама по себе постановка вопроса в такой четкой формулировке отражает, как минимум, стремление исследователя применить именно этот метод к предмету.

Если меркантилисты занимались только поверхностью, явлением предмета, то Петти стремится к рассмотрению внутренних зависимостей предмета, стремится к постижению сущности. Если меркантилисты рассматривали исключительно внешнюю торговлю и внешнеэкономическую политику, упуская из виду хозяйственные отношения внутри страны, то Петти акцентирует внимание именно на рассмотрении "анатомии" последних, переориентирует познание на рассмотрение отдельно взятой национальной экономики, что и позволило ему основать науку политической экономии. Прямая цель, что

сам Петти был сторонником меркантилизма, проповедовал и обосновал меркантилистскую политику. Только к концу своей жизни он отходит от меркантилистских догматов*. Своими исследованиями он фактически подрывает меркантилистские воззрения, хотя и не занимается непосредственно критикой меркантилизма. Критическое рассмотрение, осмысление еще не исследованных фактов ведется прежде всего с позиции старого знания. В данном случае можно полагать, что по крайней мере в начале своей деятельности Петти воспринимал меркантилизм как непосредственно не относящихся к рассматриваемой внутреннеэкономической действительности.

В духе своего времени Петти публиковал памфлеты, в которых стремился обосновать экономическую политику, активное государственное вмешательство, а также преследовал конкретно-практические, корыстные цели. В этом факте обнаруживается преемственность, непрерывность процесса познания. Новое знание появляется в рамках старого знания (на основе рассмотрения новых фактов) и выступает сначала просто как ответвление старого.

Архитектоника трудов Петти показательна с точки зрения состояния науки и направленности познающего мышления**. Они в основном начинаются с описания территории страны, распределения земельной площади, с характеристики населения и т.д., а только в конце изложения рассматриваются простые, абстрактные отношения. "Экономисты XVIII столетия, - замечает К.Маркс, - всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т.д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т.д."***. В сознании познающего субъекта господствует живое созерцание, чувственно воспринимаемое многообразие, представления о целом. При этом исследователь стремится охватить в своем рассмотрении все, стремится не упустить стороны органического целого, что закономерно и необходимо на стадии начала возникновения науки. При всем стремлении Петти к "анатомии", здесь и господствует непосредственное, преобладают такие познавательные операции, как описание этого непосредственного, каталогизирование, классификация, суммирование и т.д. внешних проявлений предмета. С возникновением науки начинается и анализ, но при этом анализ опирается прежде всего на описание, на непосредственное схватывание каким-либо образом сторон предмета. Анализирующее мышление стремится расчленить это непосредственное представление, "снять форму

*. Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 190.

** . На ранних стадиях развития науки нет больших расхождений между процессом исследования и процессом изложения у одного и того же исследователя, что обусловлено главным образом относительно медленными темпами развития метода. Различие между исследованием и изложением (у одного и того же исследователя) выступает более отчетливо, когда наука "революционизируется" применением метода восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому при рассмотрении филогенеза науки, для выявления его закономерностей, временное отвлечение от специфического рассмотрения этого различия у каждого исследователя возможно и необходимо.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 37.

его известности. Разложить какое-нибудь представление на его первоначальные элементы - значит вернуться к его моментам, которые по меньшей мере не имеют формы представления, встретившегося с самого начала"* . Анализ этого живого целого нельзя представить как чисто механический процесс, ибо, - как справедливо замечает Гегель, - он "не может состоять в том, что его (предмет.- Д.П.) просто разлагают на те особенные представления, которые он, возможно, содержит; такого рода разложение и его постижение есть дело, не относящееся к познанию, а касающееся лишь более подробного ознакомления некоторого определения внутри сферы представления"**. Разложение на особенные представления" и "более подробное ознакомление" внутри сферы представления были характерны для образования предпосылок науки. Такого рода ознакомление внутри сферы представления продолжается и при возникновении науки. Однако суть анализа, разложения предмета познающим сознанием состоит в другом: в извлечении понятий. Анализ "по существу своему имеет своим результатом определения понятия, и именно как такие, которые непосредственно содержатся в предмете"***.

Этот анализ проводится путем индукции, обобщений, исходящих из опыта. Наука возникает тогда, когда "на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы"****. И здесь выступает параллель между познавательными процессами анализа и индукции. Индукция предполагает анализ и одновременно с ним таким образом, что они выступают в качестве аспектов одного и того же процесса. От нерасчлененного описания предмета мышление переходит к исследованию его строения, - состава, свойств и признаков. Части, стороны, факты, свойства и т.д. непосредственного опыта выделяются в той или иной мере в их оторванности, в их обособленности друг от друга. Однако оторванность, обособленность и т.д. выделенных сторон не может быть представлена сама по себе. Установление некоторого сходства, общности путем сравнения, сопоставления, аналогии и т.д., т.е. обобщение эмпирического материала - это суть рассудочной индукции. Этот "общий взгляд" на проанализированные стороны эмпирического материала фиксируется в суждениях и умозаключениях и экстраполируется мышлением на те или иные стороны предмета. Индукция - "это не умозаключение простого восприятия или случайного наличного бытия . . . , а умозаключение опыта - субъективного соединения единичных в род и связывания рода с некоторой всеобщей определенностью, так как эта определенность встречается во всех единичных"*****. Это обобщение, осуществляемое путем эмпирически фиксируемого сходства определяется (и опосредствуется в известном смысле) "целокупностью единичности как всеобщее свойство, имеет свое наличное бытие в некотором всеобщем отношении или признаке"*****. Соединение единичных сторон в их непосредственности "через общность (Allheit) в род есть внешняя рефлексия. В силу данной непосред-

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа... С. 16-17.

** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики ... Т. 3. с. 247.

***. Там же.

****. Аристотель. Метафизика. I, I, 981 а 5; рус. яз. Соч. Т. I. М. 1976. С. 65-66.

*****. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 136.

*****. Там же.

родственности единичных и в силу вытекающей отсюда внешней проявленности всеобщность есть лишь полнота или, лучше сказать, остается некоторой задачей"*, попытки разрешения которой с помощью привлечения все новых и новых фактов, "примеров", ведут к дурной бесконечности. Поэтому истинность аналитически-индуктивно полученных знаний - проблематична. Познающее мышление погружается в многообразие эмпирического материала, хаотического представления о целом и стремительно выявляет, схватывает те или иные стороны внутреннего строения предмета, устанавливая между ними некоторую непосредственную связь. В последнем акте содержатся и зачатки обратного направления мышления - синтеза, дедукции - в форме его непосредственности (дефиниции, поиски специфического отличия и т.д.).

Основатель классической политической экономии не отдавал себе отчет в важности его основных достижений. Его глубокие мысли, заложившие основы науки, высказываются им как бы между прочим, как проблески познающего мышления в его спонтанной деятельности. По Гегелю "деятельность разложения на составные части есть или работа рассудка, изумительнейшей и величайшей или, лучше сказать, абсолютной мощи"**.

Петти в своих поисках, опираясь на описываемые и выделяемые им факты и на прошлое (меркантилистское) знание, "дает вполне ясный и правильный анализ величины стоимости товаров. Наглядно пояснив ее сначала на примере равной стоимости благородных металлов и зерна, потребовавших одинакового количества труда, Петти говорит первое и вместе с тем последнее "теоретическое слово" о стоимости благородных металлов. Но кроме того, Петти высказывает в определенной и всеобщей форме мысль о том, что стоимости товаров измеряются равным трудом (equal labour). Он применяет свое открытие к решению разных проблем, иногда весьма запутанных"***. Удивительно при этом, что он сознает сложность проблемы, догадывается о действии еще не исследованных опосредований: "Я утверждаю, что именно в этом состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (super-structure) очень разнообразна и сложна"****. Поэтому Петти пытается испробовать также и иной путь: "Нужно, - говорит Петти, - найти естественное отношение равенства (a natural Par) между землей и трудом так, чтобы стоимость можно было, по желанию выражать "как в земле, так и в труде или, еще лучше, в них обоих"*****. В результате этих поисков он выдвигает знаменитую формулу "Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля - его мать"*****, в которой в виде чувственной аналогии-эквивалента, в форме художественной метафоры, отражается глубоко для этой эпохи схватывание сущности. Как форма изложения, так и содержание этой формулировки отражают непосредственный характер аналитико-индуктивного определения. Этой непосредственностью обусловлена и противоречивость направлений мышления исследователя. У него "беспо-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 136.

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология . . . С. 17.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 243.

****. Петти В. Экономические и статистические работы. М. 1940. С. 34.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 242

*****. Петти В. Указ. Соч. С. 55.

рядочно переплетаются тройкого рода определения:

а) Величина стоимости, которая определяется равным рабочим временем, причем труд рассматривается как источник стоимости.

б) Стоимость как форма общественного труда. Поэтому деньги выступают как истинная форма стоимости, хотя в других местах Петти опрокидывает все иллюзии монетарной системы. Здесь у него, стало быть, намечается определение понятия (именно намечается, потому что полное, адекватное определение понятия приобретает только в системе субординированных категорий, в восхождении от абстрактного к конкретному. - Д. П.).

в) Смещение труда как источника меновой стоимости с трудом как источником потребительской стоимости, где труд предполагает вещество природы (землю)*.

При возникновении науки, таким образом, аналитически-индуктивным путем, путем сравнения, отвлечения, абстрагирования и т.д., выделяется субстанция, которая порождает сущность начала предмета (и самого предмета). Однако сущность еще не отличается от непосредственности, от бытия и от формы проявления, количественная сторона процесса от качественной, и, следовательно, не выделяется двойственный характер субстанции. Субстанция схватывается прежде всего одной из ее конкретных форм, в форме труда, производящего золото и серебро. Слитость и противоречивость достигнутых определений, обусловлена, между прочим, с одной стороны, влиянием старого и еще господствующего знания (при выделении труда, производящего благородные металлы), с другой стороны, ограниченной еще ролью мануфактурного производства и большим удельным весом мелкого земледельческого хозяйства (результате чего труд смешивается в сознании с природными процессами).

Величайшим достижением Петти является то, что он "по сути дела определяет стоимость товаров сравнительным количеством содержащегося в них труда"**. При этом "Действительный труд он с самого начала рассматривает во всем его общественном целом как разделение труда"***, поэтому стремится к рассмотрению производства, взятого в целом****. Сама по себе постановка вопроса об определении стоимости приводит к вопросу о прибавочной стоимости: "... Мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом ..., так и ренты с земель и домов"*****. Прибавочная стоимость у Петти выступает в форме земельной ренты. Последняя воспринимается им "как всеобщая форма прибавочной стоимости и вследствие этого процент с денег должен выводиться им из ренты как вторичная форма"*****. В XVII в., на начальных этапах формирования капиталистических производственных отношений, земля остается основным средством производства и, следовательно, источником дохода. Однако "по сути дела у Петти, когда он устанавливает "отношение равенства" между трудом и землей, свободно продаваемая земля изображается как капитализированная рента - стало быть, Петти говорит здесь не о земле как вещес-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 364.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 358.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 39.

****. Там же. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 363.

*****. Петти В. Ук. Соч. С. 33.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 363.

тве природы, которым имеет дело реальный труд"* . В отличие от его современников меркантилистов Пегги мало интересуется торговой прибылью, следовательно, познание углубляется, акцентируя внимание не на непосредственности, не на формах проявления, а на сущности. При этом движение познающего мышления к сущности один из модусов /земельная рента/, на которые распадается атрибут предмета (прибыль) воспринимается в качестве основной и всеобщей формы, из которой вытекают остальные. Таким образом, сущность не выделяется в чистом виде. На стадии же возникновения науки, с помощью одной из предпринимаемых познающим мышлением "анатомических" операций в качестве сущности вообще выделяется одна из конкретных (и эмпирически фиксируемых, чувственно достоверных и т.д.) форм ее проявления. Имеет место уже новая форма *quidproquo* преворачивания в познающем сознании действительного положения дел: первичная форма проявления выступает в качестве вторичной, определяющее - в качестве определяемого и наоборот. "Здесь процент определяется ценой ренты, или покупная стоимость земли определяется уровнем процента. Но это вполне последовательно, так как рента изображается у Петти как всеобщая форма прибавочной стоимости и вследствие этого процент с денег должен выводиться им из ренты как вторичная форма"**.

Уже было отмечено, что У.Петти субстанцией порождающей сущность "объявляет тот особенный вид реального труда, которым добывается золото и серебро". Однако в его поздней работе "Разное о деньгах" деньги рассматриваются как особый товар, выполняющий функции всеобщего эквивалента, сущность которого создается трудом. Тем самым в этом настоящем шедевре", "как бы вылитом из одного куска", по Марксу "последние следы меркантилистских воззрений, встречающихся в других сочинениях Петти, ... совершенно исчезли"***. Таким образом, у одного и того же исследователя сосуществуют, с одной стороны, ограниченный старым знанием и фетишизированным представлением о вещественной форме золота и серебра, взгляды на предмет, с другой же стороны, создаются теоретические предпосылки коренного преодоления этой ограниченности. Более поверхностная, более развитая форма сущности сводится к более глубокой, к менее развитой.

Уже было отмечено, что положения, закладываемые в основание науки политической экономии, из которых она, собственно, и возникает, были высказаны как бы между прочим в преобладающем и все еще господствующем контексте хаотического представления о целом. Они были результатами аналитически-индуктивных проникновений в "анатомируемое тело" предмета. Именно этими операциями начинается процесс восхождения от хаотического представления в целом, от чувственно конкретного к выделению простых абстракций, к постижению определений, понятий. Эти операции еще не носят систематический характер, о чем свидетельствует и их фрагментарность, самостоятельность и т.д. Да-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 364.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 362.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20 С. 242-243.

же определение стоимости трудом высказывается эпизодически, не устанавливается взаимная связь между выделенными сторонами, или только начинает частично устанавливаться. Но эта фрагментарность необходима и закономерна на данной стадии развития познания. В результате вышеуказанных процессов Петти намечает в той или иной мере ряд категорий политической экономии и ставит ряд вопросов - проблем: о производительном и непроизводительном труде, о происхождении стоимости и прибавочной стоимости, об определении стоимости труда (о заработной плате), о ренте и о прибавочной стоимости, о денежной стоимости земли, о капитале как результате прошлого труда и др.*. Полученные путем анализа и индукции абстракции относятся к различным уровням, сторонам и аспектам предмета. Попытка установления причинных отношений между этими абстракциями приводит как правило к закономерным экстраполяциям, превращает действительное положение дел, т.е. наряду с глубокими моментами адекватного отображения сторон предмета приводит к необходимым для данной стадии познания заблуждениям. Однако сами эти заблуждения Петти гениальны**. Примечательно то, что в объяснении отдельных сторон предмета (например, при выведении дифференциальной ренты из различного расстояния от рынка при одинаковом плодородии земельных участков), Петти предвосхищает и даже опережает более поздние, более зрелые теоретические взгляды (например, системы Смита). Этот факт свидетельствует о том, что на ранних этапах теоретического (но пока еще не рассудочного) познания, когда преобладает анализ, мышление при рассмотрении отдельных сторон предмета оперирует понятиями более свободно, что иногда приводит к более глубокому и адекватному освещению этих сторон. Строго и односторонне-формально "регламентированная" направленность мышления, господствующая в теоретических конструкциях - предшествующих этапу собственно восхождения от абстрактного к конкретному - ограничивает всестороннее рассмотрение отдельных сторон предмета. Это еще одно свидетельство того, что закономерность развития процесса познания выражается далеко не прямолинейным способом, а в хронологическом порядке.

При всей своей "анатомической" устремленности как сам Петти, так и его современники, не осознавали значение совершенных им открытий. Основное достижение, которое приписывалось ему - это изобретение "политической арифметики", т.е. статистики. Это действительно одно из величайших достижений У.Петти. Углубление познания требует обращение к рассмотрению массовых, статистически наблюдаемых сторон и процессов предмета, в аспекте их количественных отношений, их количественной определенности, что и представляет собой своего рода первое отрицание ограниченности эмпирического фиксирования единичных явлений в их качественной непосредственности. Однако, это неоспоримой важности открытие абсолютизируется мышлением и экстраполируется на все стороны предмета в качестве наивно-го императива: "надо подсчитать, и все станет ясно" ... Выявление количественной (в том числе и статистической) определенности сторон и процессов предмета - важнейшая и необходимая задача его научного постижения. Сведение же смысла и

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 356-366.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 242.

призвания науки сугубо к количественному рассмотрению сторон предмета или предмета в целом, приводит к антиисторическому подходу, к поверхностному формализму. Со времен У.Петти, в буржуазной политэкономической науке (особенно в английской), прослеживается - в той или иной мере, в той или иной форме - направление к чисто количественному подходу к предмету. А если на стадии первоначального возникновения науки о предмете и в известной мере на стадии ее формирования, эта абсолютизация и экстраполяция количественного подхода оправдана, закономерна и даже необходима, то после того как наука переходит к собственному развитию теории, такой подход становится апологетическим и реакционным. Выявление количественной определенности сторон предмета и предмета в целом, статистическое рассмотрение и математизация этих аспектов возникают вместе с возникновением собственно научного познания. Однако их подлинная роль выявляется, когда они органически включаются в целостное рассмотрение предмета, в развитую теорию. Вне этой целостности, т.е. без ясного и четкого знания того, о чем, о чем, математическом и т.д. рассмотрении какого именно предмета (процесса, стороны, аспекта и т.д.) идет речь и что этот предмет представляет собой с качественной, содержательной, существенной и т.д. сторон, всегда есть опасность абсолютизаций и заблуждений на основе количественного подхода. Помимо гносеологических (т.е. вытекающих из конкретно-исторической теоретико-познавательной ситуации) корней, способствующих появлению такого типа заблуждений, существуют еще и усиливающие их социально-идеологические корни. Среди первых важную роль играет объективная видимость капиталистических отношений, в результате которой процесс капиталистического производства и обращения выступает на поверхности как сугубо количественное изменение (Д - Т - Д'). Среди вторых же, помимо осознаваемых или неосознаваемых апологетических побуждений к такому подходу, важную роль играет уровень развития других наук (и прежде всего естествознания) и роль науки в капиталистических отношениях. Фетишизированное отношение к математическим и "математизированным" наукам приводит к безусловной экстраполяции этого подхода и к политэкономии, создавая видимость "научности" и иллюзорное представление "точности".

Следует отметить, что еще одна научная заслуга У.Петти связана непосредственно с его революционной позицией, это постановка им вопроса о производительном труде, его критическое отношение к "непроизводительным слоям" населения (к священникам, адвокатам, чиновникам и т.д.). Это критическое отношение "войдет в плоть и кровь классической политической экономии"*.

Взгляд на отсталую и феодально-абсолютистскую Францию конца XVII - начала XVIII вв. отражается в творчестве второго родоначальника классической буржуазной политической экономии

Буагильбера. В его работах теоретические положения переплетены с протестом против бедственного положения крестьян, и с различными проектами, в основе которых - серия реформ буржуазно-демократического характера.

Второй родоначальник классической политэкономии акцентирует внимание на простой форме сущности начала предмета, отвергая всеобщую. В противоположность меркантилистам и Петти

*. Аникин А.В. Юность науки... С. 64.

"он фактически борется против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена..."*. Указывая на конкретно-исторические условия, которые способствовали этому взгляду, К. Маркс отмечает, что "здесь обнаруживается и более глубокая принципиальная противоположность, повторяющаяся как постоянный контраст между истинно английской и истинно французской политической экономией. Буагильбер в сущности обращает внимание только на вещественное содержание богатства, на потребительную стоимость, потребление..."**.

Логика исследовательского поиска Буагильбера сходна с логикой Петти. Его также интересуют "прикладные" проблемы - прежде всего, причины экономического роста страны, причины застоя и хозяйственного упадка Франции, чтобы выявить закономерности и способы, обеспечивающие развитие народного хозяйства. Как и Петти, в отличие от меркантилистов он не занимается торговым капиталом и внешнеэкономической деятельностью, а переносит исследование особенно к процессам производства. А поскольку исследование проводится в условиях феодальной отсталости, в условиях, где собственно формирование предмета оттягивается и переживает кризис (связанный с кольбертизмом), внимание исследователя акцентируется исключительно на сельскохозяйственном производстве. Этому способствовала еще и социально-политическая позиция Буагильбера. Маркс отмечает, что "в то время как Петти был легкомысленным, жаждавшим грабежа и бесхарактерным авантюристом, Буагильбер... с большим умом и такой же большой смелостью выступает за угнетенные классы..."**.

С одной стороны, суть системы" Буагильбера заключается в обосновании проведения серии буржуазно-демократических реформ (введение пропорционального или прогрессивного налогообложения, создание свободного от феодальных ограничений внутреннего рынка и соответствующего ему разделения труда и освобождение рынка зерна и цен на зерно), направленных против "искусственного" меркантилистско-абсолютистского вмешательства. С другой же стороны, не подозревая о закономерных последствиях предлагаемых им реформ, Буагильбер ностальгически смотрит на якобы потерянное прошлое "естественное" состояние. Чтобы удовлетворить все потребности государства и вернуть всему народу древнее изобилие, - заявляет он, - не нужно никаких чудес, достаточно перестать совершать насилие над природой"****, достаточно лишь предоставить действовать природе. В этих положениях наивно выражена противоречивость мелкобуржуазно-просветительского сознания.

Поскольку Буагильбер стремится к достижению свободной конкуренции, в результате которой установятся "пропорциональные цены", он сводил "если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени..."****. Он определяет "истинную стоимость" правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов разделяется между отдельными от-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 41.

** Там же.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 41.

****. Цит. по кн.: Всемирная история экономической мысли, Т. I
М. 1987. С. 437.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 40.

раслями производства, предоставляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию"* . Однако, это фактическое сведение сущности начала предмета к количеству, порождающей ее субстанции не проводится в чистом виде. Сущность вещи еще не слита в сознании с поверхностью (потребительная стоимость), с формой проявления (цена) и не выявляется двойственный характер субстанции.

Буагильбер выдвигает принцип "laissez faire, laissez passer", лежащий в основе всей классической буржуазной политэкономии. По Марксу, у Буагильбера, в отличие от последующего эгоистического индивидуализма, "это учение имеет еще нечто человеческое и значительное. Человечное в противоположность хозяйству старого государства, которое стремилось пополнить свою кассу неестественными средствами, значительное как первая попытка освободить буржуазную жизнь. Не надо было освободить, чтобы показать, что она собой представляет"**.

В противоположность английской тенденции рассматривать процесс производства исключительно с точки зрения накопления (капиталовложений и т.д.), основанное Буагильбером французское направление делает упор на потребление, на вещественную сторону дела, на потребительский спрос, на потребителя.

Мелкобуржуазная ограниченность мышления Буагильбера, оказавшая большое влияние на французскую экономическую мысль, ярко выражается в его взглядах на деньги, которые кажутся ему чем-то внешним и искусственным. По образному выражению Буагильбера, "золото есть бог товаров".

Последующие мыслители продолжают исследовательское направление, скрытое родоначальниками классической политэкономии, находясь в общем и целом на том же методологическом уровне. Речь идет прежде всего о Дж. Локке, о Д. Норсе, о Франклине, о Мандевиле и др. Возникшая наука продолжает критику прошлого знания. Если у У. Петти отношение нового знания (и новой методологии) к старому находилось на уровне разности (где стороны выступают как безразличные в их отличии друг от друга), то у Д. Юма в этом отношении достигнут уровень противоположности***. Действительно, выдвинутая им количественная теория денег - это абстрактная противоположность монетарной системы"****. Фактически, последующее развитие классической буржуазной экономической мысли в своем отношении к меркантилизму не вышло за рамки отношения абстрактной противоположности.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 40.

** . K. Marx, F. Engels, Historisch-kritische Gesamtausgabe. Werke, Schriften. Briefe, Moskau, 1931, Abt. 1, Band 3, S. 575, цит. по указ. сочинению А. В. Аникина.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 165.

****. Утверждения же Локка о сугубо воображаемом и условном характере стоимости денег - "это первая грубая форма противоположности" (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 145) по отношению к старому знанию.

§ 2. О классическом буржуазном мышлении как о внутреннем конкретно-историческом единстве трех познавательных процессов (теории и методологии познания, социальной философии и политэкономии). Некоторые замечания по поводу Дж. Локка

Следует особо остановиться на взглядах Джона Локка, ибо они, по Марксу, "имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее становлений"*.

Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, Локк "обосновал философию bon sens, здравого человеческого смысла, т.е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств"**.

Локк - это первый философ нового времени, который систематически разрабатывает теорию познания, играющую роль философско-методологического обоснования познания, находящегося на эмпирической стадии. Поэтому он фактически обобщает достигнутое современной ему механико-математической наукой объяснение отношения сложного к простому (в качестве чисто механического отношения) и переносит его в решение теоретико-познавательной проблемы отношения сложных идей к простым (сводя первое ко вторым), конструируя теорию абстрагирования рассудочного мышления. Утверждая, что нет ничего в мыслях, чего не было бы в чувствах и указывая на опыт как на единственный источник познания, он борется одновременно против схоластики и против картезианских "врожденных идей". У него аналитическое абстрагирование - отвлечение отождествляется с номиналистически трактуемым обобщением: "... ум обобщает отдельные идеи, полученные от отдельных объектов, рассматривая их так, как они являются в уме, в обособлении от всего остального сущего и от условий реального существования, таких, как время, место и другие сопутствующие идеи. Это и называется абстрагированием, при помощи которого получаемые от отдельных вещей идеи становятся общими представителями всех предметов одного и того же рода"***. Поскольку абстрактные идеи получают по Локку, путем "отвлечения", "отбрасывания признаков" и сравнения эмпирически фиксируемых отдельных, единичных "данных" вещей, то "Общее и всеобщее - это создания разума ... Общее и всеобщее не относятся к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для собственного употребления ... Идеи ... бывают общими, когда выступают как представители многих отдельных вещей. Но всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые являются общими по своему значению"****. Отсюда видно, что на эмпирической ступени развития познания, когда от живого созерцания восходят к выделению простых абст-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 371.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 144.

***. Дж. Локк. Соч. в 3-х тт. Т. I. М. 1985. С. 208.

****. Там же. С. 471.

ракий, осмысление процесса познания осуществляется со сенсуалистических позиций, абстрагированию же и его результатам приписывают просто репрезентивную номиналистическую роль. С методологической точки зрения Локк опережает современное ему политэкономическое мышление, ибо его теория познания соответствует не только стадии накопления новых знаний, полученных аналитически-индуктивным путем (т.е. стадии возникновения науки), но, отчасти, и стадии систематизации этих новых знаний (т.е. формирования науки). В этом смысле Локк, по выражению Маркса, был "философом политической экономии"*, отражавшими способ извлечения понятий классической буржуазной политической экономии. Философско-методологические взгляды Локка - это гениальное для своего времени достижение, способствующее, между прочим, осознанию последующими мыслителями того факта, что логические категории не являются целиком продуктом индивидуального опыта, как полагал сам Локк. Последний гениально угадал определенные стороны, аспекты эмпирического познания. Однако он абсолютизировал достигнутое им знание об эмпирическом познании, сводя к нему всю деятельность познающего мышления. Эта абсолютизация и экстраполяция Локка, хотя и не соответствует действительному процессу познания, однако составляет необходимую для тогдашней стадии развития науки о мышлении сторону закономерно возникающего в противоречивом процессе заблуждения. Именно на этом заблуждении, на этой ограниченности Локка акцентирует внимание Гегель, для которого "такого рода философия представляет собою ... точку зрения обыденного сознания; которому все определения его мышления представляются данными"**. Мышление здесь стремится лишь к тому, чтобы описать тот способ, каким мысль берет извне данное"***. Примечательно, что мышление об эмпирически-описательно познающем мышлении ограничивается тоже эмпирически-описательным подходом: "Интерес философии ограничивается теперь выяснением формы перехода объективного или единичного ощущения в форму представления ... Рассуждение Локка совершенно поверхностно; оно всецело держится лишь явления, лишь того, что налично, а не того, что истинно"****. Гегель, глубоко осознавая роль и значение этой философии, приходит к выводам, сходным с марксовыми: "Локковская философия ... представляет собою очень понятную, и именно поэтому также и очень популярную философию, к которой примыкает все английское философствование... С тех пор выведение опытных положений из наблюдений называется у англичан философствованием... Всеобщие основоположения политической экономии, как, например, выдвинутое ныне положение, что следует представить торговле свободу, и вообще положения, основанные на мыслительном опыте, познания о том, что в данной области оказывается необходимым и полезным, называется у англичан философией"****. Гегель на основе локковской и юмовской философии приходит к взгляду на специфику "английского мышления", на ко-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 402.

** . Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 327.

***. Там же.

****. Там же. С. 328.

*****. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 329.

торую в свое время обращал внимание К. Маркс*. Это мышление стремится или к "голому всеобщему переводу бытия в бытие для другого, т.е. в воспринимаемость", тогда и вся конечность, весь характер шире явления, ощущения, а также мысли, определенных застывших понятий остается таким же, как и в не философском сознании" (у Локка), или (у Юма) "топит все всеобщее в привычке и инстинкте, т.е. ... представляет собою более простое объединение являющегося мира, но это более простое, эти инстинкты, влечения и силы суть также бездуховное, неподвижное, определенное существование самосознания" (у Локка). Эти черты в той или иной степени характерны для всей классической политической экономии. Другая сторона вклада Локка в обоснование и развитие политической экономии связана с его социально-политическими и правовыми взглядами.

Для выведения политической власти Локк как бы обращается к историческому прошлому: "Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это - состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не спрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, - никто не имеет больше другого" (у Локка). Однако, в отличие от естественного состояния Гоббса, где идет "война всех против всех" и "человек человеку волк", здесь все управляется "законом природы". Последний отождествляется Локком с разумом, ибо разум через чувственное восприятие может прийти к его пониманию (у Локка). А это не случайно. Если Гоббс выводил порядок абсолютистской государственной власти из иррационального состояния всеобщего недоверия (ярко описанного впоследствии в парадоксах Мандевиля), то родоначальнику буржуазного либерализма, идеологу классового компромисса английской буржуазии и аристократии необходимо было указать на существование такого состояния общества, при котором управлял разум отдельных индивидов без абсолютной власти. Противоречие между пониманием власти как абсолютной всеобщей воли,

*. Когда идет речь о национальной специфике мышления - это ни в коем случае не связано с естественными, природными и т.д. особенностями той или иной нации. Речь идет о специфических конкретно-исторических условиях, способствовавших возникновению определенных "мыслительных форм". Последние кристаллизуются, кодируются и систематизируются представителями духовного производства и создают определенные традиции, которые оказывают сильное влияние на деятельность многих поколений исследователей. Это обнаруживается особенно явно в истории экономической науки, "ибо в политической экономии бездумная традиция может быть существеннее, чем в любой другой науке" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 342.).

** Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 382.

*** Там же. С. 382.

**** Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М. 1988. С. 263.

***** Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М. 1988. С. 20.

и пониманием власти как отправляемой от воли отдельных индивидов, отдельных граждан представляет собой теоретическое проявление противоречия между пассивной и активной социально-политической позициями по отношению к действительности для сознания, охваченного капиталистическими отношениями к идеалистически интерпретирующего их*. Это противоречие - понижывающее фактически всю историю буржуазных социально-философских воззрений - стимулирует развитие классической буржуазной мысли.

Однако возможность состояния войны и порабощения приводит, по Локку, людей к образованию "политического общества". При естественном состоянии человек свободен, не подчиняется воле "власти другого человека, но руководствуется только законом природы"**. В политическом обществе - человек тоже свободен, но теперь его свобода "заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воле и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с указанным ему доверием"***.

Далее Локк, несмотря на то, что изначально, среди атрибутов индивида естественного состояния он помещал и собственность, стремится "вывести" собственность. Теперь уже частная собственность - это результат труда индивида. Но и здесь он, с одной стороны, стремится вывести собственность из естественного труда индивида, с другой же - допускает создание частной собственности чужим трудом (приравнивая последний к жизнедеятельности животного!): "Трава, которую щипала моя лошадь, дёрн, который срезал мой слуга, и руда, которую я добыл... становятся моей собственностью без предписания или согласия кого-либо. Труд, который был моим, выведя из состояния общего владения, в котором они находились, утвердил мою собственность на них"****. Слова: "(частная) собственность", "стоимость" "ценность" употребляются Локком как синонимы. При всей противоречивости и неопределенности его высказываний, начнется определенная главная тенденция: "Труд дает вещам почти всю их стоимость {value означает у Локка потребительную стоимость, и труд берется как конкретный труд, а не с количественной его стороны; но измерение меновой стоимости трудом действительно основывается на том, что работник создает потребительную стоимость}. Тот остаток потребительной стоимости, который не может быть сведен к труду, есть, по Локку, дар природы, а потому, сам по себе, общая собственность. Поэтому Локк старается доказать не то положение, что собственность может быть приобретена еще и другими путями, кроме труда, - это противоречило бы его исходной точке зрения, - а то, каким образом индивидуальный труд, вопреки общей собственности на предметы природы, может создать индивидуальную собственность"*****. Он, таким образом, устанавливает некоторый предел частной собственности, определенный прежде всего пределом лич-

*. См.: Вазюлин В.А. Становление метода... С. 78.

** . Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М. 1988. С. 274.

***. Там же.

****. Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 369.

ного труда. Другой предел "состоит в том, чтобы человек не накапливал предметов больше, чем он может использовать"*.

"Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергается порче".**

Но и этот второй предел собственности" расширяется (помимо прочего обмена) благодаря обмену недолговечных продуктов на деньги...***.

Деньги же, по Локку, - результат "изобретения" и "молчаливого согласия людей о придании им ценности". Драгоценные металлы и камни - "это вещи, которым придали стоимость прихоть и соглашение, а не их действительная полезность и необходимость для поддержания жизни"****, следовательно им просто "приписывается"***** стоимость.

Таким образом, по Локку, "возникает неравенство индивидуальной собственности, но та мера, которая состоит в личном труде (т.е. мера, вытекающая из естественного права.-Д.П.), остается в силе"*****. В отличие от земли (т.е. от условий земельного труда), "деньги бесплодны и ничего не производят, но зато они, в силу взаимного соглашения, переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого"*****,

Следовательно, здесь Локк улавливает косвенно тот факт неравномерности в распределении условий производства, т.е. неравномерности частной собственности и стремится ее объяснить. Он показывает, что деньги приносят процент так же, как и земля приносит ренту. "Тут у Локка отчасти был полемический интерес: он хотел показать земельным собственникам, что их рента ничем не отличается от процентов, взимаемых ростовщиком"*****,

Но тем самым, здесь осуществляется большой шаг вперед". "Если общее воззрение Локка на труд сопоставить с его воззрением на происхождение процента и ренты, - ибо прибавочная стоимость оказывается не чем иным, как чужим трудом, прибавочным трудом, присваивать который дают своим собственникам возможность земля и капитал, эти условия труда. А собственность на большее количество условий труда, чем то количество их, которое человек может использовать своим собственным трудом, представляет собой, по Локку, политическое изобретение, находящееся в противоречии с естественно-правовой основой частной собственности"*****,

Таким образом, фактически, отчасти фиксируется переход от предпосылок предмета (поскольку среди них важное место занимает частная собственность, основанная на индивидуальном труде мелкого товаропроизводителя) к собственно предмету (к собственно капиталистическому способу производства), и этот переход интерпретируется как исключительно-волевой акт.

У Дж. Локка политико-правовые и социально-философские воз-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 370.

** . Локк Дж. Сочинения ... Т.3. М. 1988. С. 279.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 370.

****. Дж. Локк. Сочинения... Т.3. М. 1988. С. 288.

*****. Там же . С. 290.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 370.

*****. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Там же.

*****. Там же. С. 371.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 368.

зрения взаимно переплетены с политическими. И вообще, любые политэкономические воззрения, в явном или неявном виде, предполагают определенные политические, правовые, социально-философские и методологические воззрения. Здесь это демонстрируется явно, ибо на определенном этапе развития науки рассмотрение предмета с точки зрения политэкономии не отличается от рассмотрения предмета с точки зрения социальной философии. Речь идет о необходимом и закономерном смешении двух различных аспектов, двух различных уровней абстракции.

С точки зрения социальной философии главное в рассмотрении предмета - это то или иное понимание сущности человека и сущности общества. Для феодального сознания "человек выступал как социальный по физической природе, т.е. непосредственно принадлежал к определенной социальной группе"* . Крупная частная собственность на неадекватной себе основе, (на естественно возникших средствах производства) создает условия, при которых в человеке естественное, природное слито с социальным, и эта слитость результирующим образом выражается в совпадении классового деления общества с сословным. Люди тогда выступают преимущественно с точки зрения их изначальной принадлежности определенным социальным группам, в зависимости от их физического происхождения, от их "филогенеза" от их генеалогии. В буржуазном представлении в человеке не различаются конкретно естественное и социальное, внешнее и внутреннее. В результате господства продуктов труда (вещей) над производителями и вызываемой этим господством разобщенности, "сущностью представляется сугубо индивидуальная природа человека и главным образом то, что присуще человеку в процессе онтогенеза"**. Это представление не представляет собою просто идеологическую конструкцию. В наличном бытии современной рассматриваемым здесь мыслителем действительности живут и действуют конкретные индивиды - агенты формирующихся капиталистических отношений, выступающие на поверхности прежде всего в качестве товарладельцев. Чтобы данные вещи (товары, Д.П.) могли относиться друг к другу как товары, товарладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами; таким образом, один товароведелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, - все равно, закреплен ли он законом или нет, - есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением. Лица существуют здесь одно для другого, лишь как представители товаров, т.е. как товарладельцы"***. Маркс доказал, что "характерные экономические маски лиц - это только лицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу"****. Постоянная повторяемость деятельности этих лиц, постоянное воспроизводс-

*. Вазюлин В.А. Становление метода ... С. 180.

** . См.: Вазюлин В.А. Становление метода ... С. 180.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 23. С. 94-95.

****. Там же.

тво базиса капитализма и лежащих в его основе отношений, приобретают со временем урегулированную и упорядоченную форму, в отличие от характерных для начальных этапов развития капитализма неустойчивости и зависимости от случайных обстоятельств и произвола. "Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон"* , фиксируется как юридическая норма. Пока же идет процесс созревания, формирования капитализма, эта юридическая форма выдвигается в качестве идеала, долженствования, требования и т.д. У мыслителей восходящей буржуазии отправным пунктом для конструирования их представлений служит атомарный результат индуктивно-аналитического подхода к эмпирической общественной действительности в ее непосредственной данности: отдельно взятый индивид, лицо, естественно-онтогенетические черты которого слиты в их сознании с непосредственной видимостью его "экономической маски". Поверхность процесса как бы подтверждает это представление: "Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение, Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всекитрейшему проведению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, всеобщей пользы, общего интереса"**. Только проникновение в сущность предмета позволяет обнаружить, что это не одинаковые, свободные и т.д. лица, а вполне определенные носители общественных отношений, необходимо предполагающих одних - в качестве эксплуататоров, других же - в качестве эксплуатируемых. Свободная конкуренция - фундаментальное требование всей классической буржуазной политэкономии - с течением времени определяется не простыми мелкими товаровладельцами, а капиталами. "Только по мере развития свободной конкуренции внутренние законы капитала - которые на первоначальных исторических ступенях его развития выступают лишь как тенденции - полагают себя как законы а основанное на капитале производство полагает себя в своих адекватных формах. Ибо свободная конкуренция есть свободное развитие условий капитала и самого капитала как процесса, постоянно воспроизводящего эти условия"***.

Таким образом, как доказал К.Маркс, "в условиях свободной конкуренции свободны не индивиды, а капитал (подчеркнуто мною. - Д.П.). До тех пор, покоящееся на капитале производство

*. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 25. Ч. II. С. 357.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 187

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 154.

является необходимой и поэтому наиболее подходящей формой для развития общественной производительной силы, движение индивидов в рамках чисто капиталистических условий выступает как их свобода, которая, однако, при этом догматически проявляется в качестве таковой путем беспрестанных ссылок на пределы, уничтоженные свободной конкуренцией"* . Следовательно, "свободно" развивается при капитализме только богатство в качестве капитала. А эта "свобода", - не что иное, как взаимное принуждение капиталов и людей - носителей капиталистических отношений выступает как внешняя необходимость, лишь через посредство конкуренции, возникает "та нелепость, что свободную конкуренцию рассматривают как конечное развитие человеческой свободы, а отрицание свободной конкуренции отождествляет с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производства (подчеркнуто мной. - Д.П.). Это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе - на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упразднение всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил и даже сверхмодных вещей - вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу"**.

Итак, началом и концом социально-философских и экономических конструкций буржуазного мышления выступает индивид. Этот индивид - продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой - развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, - представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им (буржуазным мыслителям. - Д.П.) не результатом истории, а ее исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивидум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой"***. Этот индивид рассматривается классиками буржуазного мышления в его оторванности, в его исключительной самостоятельности, что нашло свое отражение и в онтологической конструкции монадологии Лейбница. Гегель критиковал ограниченность этого подхода: "самостоятельность, доведенная до такой крайности, как для себя сущее "одно", есть абстрактная, формальная самостоятельность, сама себя разрушающая, это - величайшее, упорнейшее заблуждение, принимающее себя за высшую истину"****. Этим объясняется и обилие "робинзонад" во всей классической буржуазной экономике. В той или иной форме предпринимаются попытки исследовать (или иллюстрировать) закономерности производства, не в рамках конкретно-исторических общественных условий, а в абстрактной модели фантастического изолированного производителя (охотника, рыбака, земледельца и т.д.). Однако "производство обособленного одиночки вне общества - редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы, - такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно жи-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II > С. 154.

** . Там же. С. 155-156.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 709-710.

****. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. I. М. 1970. С. 241.

вущих и разговаривающих между собой индивидуумов"*.

Рассмотрим более подробно характер "прирожденных прав" этого потенциального Робинзона классического буржуазного мышления. Помимо онтологических естественных признаков отдельно взятого индивида, особи вида *homo sapiens* и в слиянии с ними, в буржуазном сознании фиксированы и некоторые атрибуты социально-исторического характера, которым, однако, тоже приписывается естественный, природный и врожденный характер. Правда, в том или ином варианте этих представлений соотношение, иерархия, субординация и характер этих атрибутов отличны. Однако, в общем и целом, в классической буржуазной мысли намечается некоторая общая, закономерная направленность в интерпретации этих атрибутов индивида, этих "прирожденных прав".

Первым и главным атрибутом идеализированного индивида буржуазного представления является свобода. Это родовая характеристика ("родовая сущность" по терминологии немецкой классической философии), общий атрибут, присущий каждому человеку. Это представление о всеобщей свободе укрепляется по мере развития капитализма. Капиталистические отношения в чистом виде "означают отсутствие естественной связи собственников и не - собственников средств производства друг с другом, а тем самым отсутствие телесной принципиальности не - собственников средств производства собственникам. Этому соответствует юридическая свобода не - собственников средств производства (имеются в виду развитые отношения в чистом виде)**". Поэтому прогрессивные представители поднимающейся буржуазии выдвигали требование всеобщей свободы для всех (вернее, "свобод"), направленное против феодальных, сословных и т.д. привилегий. Установление формальной, юридической свободы - необходимое условие развития капитализма, ибо капиталистические отношения требуют формально свободного рабочего. Фактически, для последнего, эта свобода заключается в конечном счете и главным образом в его "свободной" возможности продавать свою рабочую силу. Поэтому всеобщая юридическая свобода при капитализме - это формальная, ограниченная свобода, это лишь свобода исключительно в юридическо-правовом смысле (конечно, в том случае, где, когда и поскольку эта свобода достигается в буржуазном обществе). Эта формальная свобода человеку, охваченному буржуазными отношениями и воспринимающему только поверхность, видимость этих отношений, представляется действительной, единственной и вечной формой свободы вообще. Более того, в этом случае данное представление о свободе абсолютизируется и возвышается в ранг исключительной характеристики атрибута сущности человека вообще, в его отличии от животного. Несмотря на его формальный и ограниченный характер (вернее, благодаря именно этому характеру, обусловленному отрицательным отношением к вполне определенной "несвободе"), требование свободы имело в эпоху становления капитализма явно антифеодальную направленность. Буржуазный либерализм (начиная с Локка) делает упор именно на требовании всеобщей юридической свободы. Это требование в эпоху формирования капитализма направлено одновременно против всех феодальных оков и против меркантилистской экономической политики абсолютистского государства. Поэтому оно сопровождается требованиями

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 710.

** . Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 275

свободной торговли, свободного предпринимательства вообще. Эта направленность и прежде всего рассмотрение человека, человеческой деятельности и человеческих отношений главным образом с точки зрения волевых актов, замыкает буржуазное мышление в антиномии психологизма и грубого материализма.

Второй атрибут и "прирожденное право" буржуазного представления о человеке - это равенство. Равенство непосредственно связано со "свободой" и с "абстрактнейшим выражением самого права"* (Энгельс) - со справедливостью, с понятием, связывающим моральность с правом. Представление о равенстве предполагает сравнение, приравнивание людей друг к другу. Это приравнивание индивидов друг к другу становится главным в капиталистическом обществе, "где господствует обмен продуктами труда, производства, где, следовательно, стоит на первом плане приравнивание различных вещей друг к другу, а так как рабочая сила тут наиболее существенный товар, вещь, имеющая стоимость, то происходит приравнивание рабочих сил различных людей. Поэтому и в общественном сознании на авансцену выступает идея равенства, т.е. идея одинаковости изолированных индивидов (а не идея различных объединенных людей)**". При рассмотрении буржуазного понятия о равенстве становится более явным характер абстрагирования, характер рассудочного выделения понятий. Равенство выводится при внешнем (поверхностном, эмпирическом, непосредственном) сравнении единичных индивидов, изначально воспринимаемых в их разобщенности, в их изолированности друг от друга. Таким образом, выведенное буржуазными мыслителями понятие равенства принимает характер "удостоверения" изначально, априорной и неоспоримой разобщенности общественного целого, рассматривания людей как исключительно изолированных. При этом совершенно упускается из виду противоположная сторона дела, внутреннее единство людей. Поэтому полученное таким путем понятие равенства (как и все абстракции такого рода) имеет рассудочный, односторонний, внешний и формальный характер. Его всеобщность - это внешним образом установленная одинаковость изолированных единичностей. Поэтому, с необходимостью эта одинаковость, это равенство воплощается в некоторой внешней мере, в некотором находящемся вне и над людьми эталоне: это всеобщее равенство перед законом (перед политической властью и т.д.)***. Такого же внешнего характера меркой и эталоном является и пресловутое "равенство возможностей" (доступность частнопредпринимательской деятельности, доступность обогащения, свобода торговли и т.д.) сурово опровергаемое в условиях капиталистической конкуренции, и оборачивающееся циничной иронией над эксплуатируемыми. Здесь опять-таки, грубый материализм жесткой закономерности концентрации и централизации капитала дополняется наивным (в период становления капитализма, ибо потом наивность заменяется сознательным лицемерием апологетов) психологизмом: это "равенство условий", конечный же результат (успех и т.д.) зависит лишь от индивидуальных способностей, таланта и т.д. и т.п.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 272.

** . Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 172.

***. В отличие от религиозного "равенства" перед богом" феодализма,

От уровня развития капитализма, от специфических условий классовой борьбы с феодализмом и участия в этой борьбе широких масс зависит, в конечном счете, и характер выдвигаемого буржуазного требования равенства. Однако, в любом случае, это требование, "из того общего свойства людей, что они люди, из равенства людей как людей, ... выводит право на равное политическое и - соответственно - социальное значение всех людей или, по крайней мере, всех граждан данного государства или всех членов данного общества. Должны были пройти и действительно прошли целые тысячелетия, прежде, чем из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе, и этот вывод даже стал казаться чем-то естественным. само собой разумеющимся ...".*

Поскольку же ряд стран в период становления капитализма находились приблизительно на одной ступени развития, требование равенства "приняло всеобщий, выходящий за пределы отдельного государства характер, ... свобода и равенство были провозглашены правами человека. При этом для специфически буржуазного характера этих прав человека весьма показательным обстоятельством, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время санкционирует существующее в Америке рабство цветных рас, классовые привилегии были заклеены, расовые привилегии - освящены"**.

Ф.Энгельс отмечает, что буржуазная сторона требования равенства была резко, - но еще в виде общечеловеческого требования, - сформулирована впервые у Руссо. Рассудочный характер классического буржуазного понятия о равенстве проявляется еще и в его апофатичности, в его отрицательности, связанной - в идеологическом аспекте - с антифеодальной направленностью: "принцип равенства заключается в том, что не должно существовать никаких привилегий, следовательно, он оказывается, по сути дела, отрицанием, он объявляет всю предшествующую историю негодной. Так как этот принцип лишен положительного содержания и так как он огульно отвергает все прошлое, он одинаково пригоден и для того, чтобы провозглашенным великой революцией 1789-1796 гг., для позднейших, фабрикующих систем плоских умов. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость - лишь в рамках противоположности и несправедливости ...".***.

Договорный характер общественных отношений, рассматриваемых главным образом с точки зрения их волевой видимости, усиливает иллюзию действительного равенства при капитализме.

"Трудовой договор - отмечает Ф.Энгельс - якобы добровольно заключается обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон на бумаге ставит обе стороны в равное положение"****.

Демократизм в буржуазном движении проявляется акцентированием внимания на выдвигании требования равенства. Однако для классического буржуазного мышления, в любой из его вариаций, характерно имеющее место еще у Локка противоречие: с одной стороны, в рамках атомистического представления люди воспринимаются как (в физическом и в естественно-правовом смысле

*. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 104-106.

** Там же. С. 107-108.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 636-637.

****. Там же. Т. 21. С. 75.

ле) не дифференцируемые равные существа, с другой же стороны, фиксируется классовое неравенство, которое объясняется и оправдывается различным образом, но прежде всего (например, у Локка) "разумностью" или "неразумностью" индивидов. "Прилежным и разумным" удастся накоплять.

Важнейшим атрибутом буржуазного "естественного человека" является собственность, т.е. частная собственность.

Что такое собственность? С точки зрения развитой науки об обществе "фактическое распоряжение долей предметов, средств производства, то или иное фактическое включение в сфере производства есть собственность. Иначе говоря, собственность есть фактическое распоряжение предметами, средствами производства, трудом (своим или чужим)"*. Поэтому собственность "есть результат присвоения, отношения собственности - результативности отношения по сравнению с отношениями присвоения как процессом их образования"**. Собственность, как результирующая сторона производственных отношений - это отношение между людьми друг к другу по поводу предметов, средств производства, самого труда и продуктов труда.

При капитализме определяющим видом общественного производства становится промышленность в отличие от феодализма, для которого определяющую роль играло земледелие. При определяющей роли промышленности, частная собственность получает адекватную себе основу. В широком смысле промышленность (как вторичная, третичная и т.д. обработка продуктов добычи, земледелия и скотоводства при помощи произведенных средств труда) включает в себя в качестве неразвитой стадии ремесло. Развитая промышленность, т.е. собственно промышленность, осуществляется при помощи произведенных, созданных трудом, но, в отличие от ремесла, уже не ручных средств труда, а при помощи произведенных особой (и уже играющей определяющую роль) отраслью промышленности средств производства. Поэтому с точки зрения производственных отношений в их результирующем аспекте, решающую роль играет частная собственность на произведенные средства производства***.

Как рассматривается собственность в классическом буржуазном мышлении? По Локку, собственность - это неотъемлемый атрибут человека как и его жизнь, его здоровье, его свобода. Буржуазное мышление двигается в рамках противоположности между грубым материализмом и грубым идеализмом. В понимании собственности это проявляется в том, что последняя сводится к юридической стороне дела. Речь идет о праве собственности. С одной стороны угадывается, что в сущностной характеристике человека (фактически здесь: идеализированного представителя буржуазного общества) входят и производственные отношения. С другой же стороны производственные отношения сводятся к их юридической форме, т.е. к внешней форме их проявления. В юридическом же понимании собственность - это отношение человека (юридического лица) к некоторому предмету, к некоторой вещи (безразлично к какой). С одной стороны это волевое отношение, по Ф.Энгельсу, "формальная сторона дела", "формальная воля"****, с другой же стороны - это вещь (собственность - это,

*. Вазюлин В.А. Логика истории... С. 123.

** Там же. С. 124.

***. Вазюлин В.А. Логика истории. С. 274-279

****. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21. С. 309-310.

принадлежащая данному лицу вещь). Это типичный вариант объективной видимости: сущность представляется как нечто самостоятельно, непосредственно существующее. Непосредственность вещи выступает в качестве существенной непосредственности, как вещь чувственно-сверхчувственная. Существенная определенность приписывается тогда с необходимостью непосредственности, непосредственность фетишизируется.

При рассмотрении классических буржуазных взглядов на собственность обнаруживается более отчетливо специфический характер переплетения, слитости и смешения собственно политэкономического подхода с социально-философским и правовым. Рассмотрение закономерностей развития познания общества как органического целого - задача специального исследования, выходящая далеко за рамки настоящего исследования. Здесь необходимо, по крайней мере, указать на специфическую слитость определенного, конкретно-исторического уровня познания общества с конкретно-историческим уровнем познания производственных отношений одной общественно-экономической формации, в их отличии друг от друга. На рассматриваемой стадии развития единого в его различии классического буржуазного мышления, в результате (необходимого и закономерного в это время) смешения указанных выше познавательных процессов, достигнутое первым процессом знание, помимо элементов адекватного знания, несет на себе неизгладимую печать ограниченности второго процесса. С другой же стороны, достижения первого процесса воздействуют на второй процесс тоже двойным образом: играя частично эвристическую роль, и приводя к новым иллюзорным представлениям. В обоих познавательных процессах, мышление двигается от поверхности, от явлений к сущности. В результате этого движения, мышление с необходимостью сталкивается с двумя объективными видимостями: 1) с объективной видимостью процесса и результата взаимодействия людей вообще как органического целого, где отдельно взятый человек в его изолированности и "естественной" непосредственности, т.е. как вещь, лежит в основе социально-философских конструкций, и из этой абстракции выводится вся сеть взаимосвязей этого органического целого, и 2) с объективной видимостью производственных отношений той формации, при которой, богатство принимает форму процесса и результата взаимодействия товаров. При этом субстанция второго процесса представляет собой лишь конкретно-историческую форму субстанции первого процесса, т.е. частный случай субстанции вообще. Конкретное рассмотрение первого процесса в его отличии от второго, в чистом виде уже достигнуто наукой в недавнее время (хотя осознание этого достижения, по-видимому, потребует длительного времени). Рассмотрение же второго процесса в чистом виде, и в этом смысле в его отличии от первого, в общем и целом осуществлено в "Капитале" К.Маркса. Отсюда видно, что обнаруживается, между прочим, и отличие во временной определенности первого и второго познавательных процессов, отличие, обусловленное (в конечном счете) спецификой и уровнем развития предметов (аспектов) этих познавательных процессов.

Органическое целое выступает на поверхности в виде многообразия единичных "вещей". "Вещь" - это "непосредственное единство непосредственной формы и сущности, существующее обособленно от других вещей с той же самой сущностью, и находящее-

еся в существенном отношении с этими вещами".* При капитализме богатство воспринимается на поверхности как скопление единственных вещей - товаров. Субстанция (труд) и сущность (стоимость) этих вещей проявляется в непосредственности этих вещей, через отношения этих вещей как непосредственностей.

"Поэтому субстанциональные отношения на поверхности представляются тем, что они действительно есть на поверхности, не отношениями вещей непосредственно как отношениями субстанций, а отношениями субстанций как отношениями вещей в качестве непосредственной".** Это же происходит в результате раздвоения вещи на непосредственную вещь и вещь, воплощающую собой сущность, поскольку отношения между вещами данного типа (товарно-денежные отношения) настолько распространены, что сущность вещи имеется как реальная возможность уже до ее отношения к другим вещам этого типа. Тогда порождающая сущность (начала предмета и самого предмета) субстанция приобретает двойственный характер: с одной стороны, она играет роль конкретной формы, с другой же стороны она выступает как данная (конкретно-исторически определенная) субстанция вообще. Пока мышление ограничивается поверхностью предмета, условиями существования этой объективной видимости и еще не проникает во внутренние соотношения, в сущности, пока не обнаруживается историчность, переходящий характер предмета и его сущности (что возможно только на основе познания сущности), с необходимостью возникает тот или иной вариант иллюзорного представления о предмете на основе объективной видимости.

При рассмотрении же общества, роль логической категории вещи выполняют отдельно взятые индивиды. Выявление индивида в его биологической, "естественной" непосредственной данности возможно и необходимо по мере развития капиталистических отношений. Объективная видимость здесь заключается в том, что сущность человека и общества выступает на поверхности в виде своей противоположности - непосредственности: сущность человека воспринимается именно в этой непосредственной и неизменной данности индивида, т.е. вне-исторически. Подобно меркантилистам, экстраполирующим непосредственное представление о поверхности предпосылок предмета на предмет в целом, буржуазная классическая социальная философия принимает непосредственное и внеисторическое представление о сфере предпосылок, о сфере, в которой скрывается простейшее отношение общества, за сущность человека и общества. При этом, только немецкой классической философии (особенно Л. Фейербаху) удалось (хотя еще не в чистом виде) выявить сущность биологического индивида (род, "родовую сущность"), которую она и приняла за сущность человеческого индивида (и общества)***. Следует отметить, что абстракция естественного человека, отдельного индивида - это одно из величайших достижений классического буржуазного мышления. Однако, уровень развития предмета (общество - на стадии завершения своего формирования), уровень развития познания (образование предпосылок и первоначальное возникновение научных элементов) и внутреннее связанная с ними социальная позиция представителей классического буржуазного мышления

*. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" ... С. 124

** . Там же. С. 119.

***. См.: Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 39, 47.

обусловили и конкретно-историческую ограниченность этой абстракции. Последняя оказалась окутанной непосредственными представлениями об "экономических масках" действующих лиц наличного формирующегося капиталистического общества. В результате переплетения двух названных выше объективных видимостей, как человек, так и отдельно взятая единица богатства, воспринимаются иллюзорно как вещи "чувственносверхчувственные", мифицируются.

Робинзонада - излюбленная идея буржуазной политэкономии - это специфический продукт переплетения иллюзорного представления о человеке с иллюзорным представлением о богатстве, которое, укрепившись, приводит, в свою очередь, к новым иллюзорным представлениям. В модели производящего Робинзона не обнаруживается имеющее уже место в действительности эпохи буржуазной классической политэкономии обособление продуктов труда по сущности. "Продукты труда обособляются друг от друга только по потребительным стоимостям, по своей непосредственной форме, но не как воплощения субстанции, не по сущности. Следовательно, субстанция вообще существует непосредственно как единичность и результаты субстанции обособляются только в непосредственности, а не в их сущности. Поэтому субстанция непосредственно непосредственна, ее продукты не принимают характер вещей, т.е. не обособляются по сущности. Если же они обособляются только по своей непосредственной форме, то можно непосредственно усмотреть, что это результаты одной и той же субстанции"*.

Поэтому в этой модели исчезает конкретно-исторический, специфически капиталистический характер отношений, ибо субстанциальное отношение не нуждается для своего выражения в непосредственности вещей.

Возникшая в рамках этого представления трудовая "теория" ** стоимости выступает, главным образом, в качестве объяснения (и образования) капиталистической частной собственности, капитала. Это отчетливо выражено у Локка: труд придает "стоимость" вещам и даже выделяет частную собственность из общей. Здесь обнаруживается и полемический интерес: это не феодальная собственность в форме привилегии, это "трудовая" собственность "свободной" личности. Такой личности, которая, по Гегелю, "не раб, не крепостной - свободный человек, реальный собственник" ***. Тогда собственность выступает как всеобщий атрибут личности. "Это всеобщее в собственности, возможность вообще обладать собственностью, и есть ... то, по средством чего я вообще сохраняю взаимосвязь, это моя способность "иметь собственность, моя личность" ****. Из этого иллюзорного представления возникают противоречия. Конкретная форма индивидуальной субстанции придает вещам "стоимость" и превращает их в частную собственность. Стало быть, труд, "стоимость" -

*. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" ... С. 123.

** Забегая вперед, следует отметить, что величайшее достижение буржуазной классической политэкономии, - трудовая теория стоимости, - с точки зрения методологии истории познания, в тех формах, в которых она имела место в домарксовской политэкономии - это научная гипотеза. Собственно теорией, научно доказанной теорией она становится только в зрелой политэкономии капитализма.

***. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. 1990. С. 415.

****. Там же. С. 406.

это то, что придает собственности общественных характер. С другой же стороны, собственность - это вещь, которая выводится из самой природы, собственность - это некоторая непосредственно натуральная вещь, самовозрастание которой подобно природным процессам (капитал, т.е. у Локка - процент и рента, приносит деньги). Этот натурализм имеет место и когда собственность "выводится" из природы человека". Одновременно же с этим грубым натурализмом проявляется и субъективизм чисто волевого и формального отношения права собственности.

Последним важным атрибутом классического буржуазного представления о человеке выступает утилитарный эгоизм. В обществе, в котором господствуют предметы, продукты труда над людьми, над живым трудом, в обществе всеобщего отчуждения и овеществления человеческих отношений, стимулами и критериями человеческих действий служат их польза, их выгода, их полезность для отдельно взятого индивида. Буржуазное производство создает "систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как ничто само по себе более высокое, как правомерное само по себе"*.

Все действия оцениваются с точки зрения их "рентабельности". Все, - люди, вещи, природа, наука - превращается в средства, в инструменты. Подчиненные целесообразности этой "рентабельности". На основе этой утилизирующей повседневности строятся и этические взгляды буржуазных идеологов об утилитарном (гедонистическом, эвдемонистическом и т.д.) эгоизме. Однако следует отличать эгоистические взгляды мыслителей периода становления капитализма, с их ярко выраженной антифеодальной и гуманистической направленностью, от позднейших вульгарных апологетических вариантов развитого капитализма (см.: Бентам).

Просветители постепенно отмежевываются от феодально-религиозной морали с характерной для нее идеей отрешения от мирских благ и проповедью безусловного подчинения индивида церковно-феодальной иерархии. В качестве положительного идеала выдвигается индивид, последовательно проводящий во всех сферах своей деятельности принцип личной выгоды. Для этого индивида, по Локку, морально то, что ведет к длительному, непреходящему удовольствию и оптимальному состоянию. Прогрессивная направленность взглядов мыслителей этой эпохи, при всей наивности их этического натурализма, выражается между прочим в их стремлении выделить деятельного индивида, развертывание опирающейся на "рационально понятый интерес" деятельности которого способствует реализации неких рациональных проектов "разумного" устройства общества. При всей иллюзорной надисторичности, "разумный эгоизм" классического буржуазного мышления представляет собой идеализацию качеств предпринимателя - капиталиста, действующего в конкретно-исторической среде капиталистической конкуренции. В этой среде, поскольку она предполагает и воспроизводит различные, противоположные и противоречивые интересы, деятельность индивида, преследующего свои всекорыстные интересы, не может не противоречить интересам других индивидов, групп или общества в целом. Пока существуют различные, противоположные и противоре-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386-387.

чивые интересы в обществе, осуществление интереса части общества противоречит другой (других) его части (частей) или общества в целом. Однако только проходя через эти этапы общество преодолевает развитие путем раскола. На эти стадии, на стадии развития общества преимущественно путем раскола, нет такого автоматизма, который обеспечил бы осуществление всеобщего интереса посредством частного.

В период становления капитализма представления о всеобщей полезности действий "разумного эгоиста" имеют явно утопический, но еще прогрессивный, даже революционный характер. "Теория полезности" - это, по Гегелю, итог философии Просвещения: "... в полезности чистое здравомыслие завершает свою реализацию и есть для себя самого свой предмет".* Согласно этой теории, все рассматривается с точки зрения полезности для человека. Даже разум всего лишь полезное орудие. "Все отдает себя другим, позволяет теперь другим пользоваться собою и есть для них; ... выказывает равнодушие к другому, есть для себя и пользуется со своей стороны другим. - Для человека как для вещи, сознающей это отношение, в этом обнаруживается его сущность и его положение ... Так же, как для человека все полезно, он и сам полезен, и равным образом его определение - сделаться общепользным и общепригодным членом человеческого отряда. В какой мере он заботится о себе, в такой же именно мере он должен отдавать себя другим... где он находится, там его надлежащее место; он извлекает пользу из других, и другие извлекают пользу из него"**.

Постепенное осознание ограниченности этического натурализма в обосновании индивидуализма, приводит классическое мышление к выдвиганию все более отвлеченных, формальных принципов, вершину которых представляет собой кантовский трансцендентальный априоризм. Однако, даже в самых развитых системах классической буржуазной социальной философии сохраняется этот эгоистический утилитаризм выполняющий иллюзорно-гармонизирующую роль. Гегель отмечает, что "чем больше человек расточает и использует для себя, использует все - свое имущество, свое время, свои мысли - для своего удовольствия, тем в большей степени он удовлетворяет потребности других, и никто не может откусить кусок хлеба, не предоставив тем самым хлеб другому. Следовательно, это себялюбивое желание есть самому является заботой о других. Во всем, что человек делает для себя, он способствует реализации целей других таким образом, что и цели других обуславливают работу для него"***.

Из этого идеализированного буржуазного индивида, с его атрибутами - "прирожденными правами", дедуцируется, констатируется представление классической буржуазной социальной философии об обществе. Общество - это агрегат известных изначально оторванных индивидов. При априорном предположении о разорванности общества, поиски единства могут иметь вполне определенный характер. Имеет место попытки обоснования общественной взаимосвязи с помощью некой психологической "общительной

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 312

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 302.

***. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. 1990, С. 414.

склонности", которая познается разумом и превращается в принцип. Дидро, например, отмечает, что "все справедливые и добрые чувства являются единственными подлинными связями, соединяющими людей друг с другом и могущими сделать общество устойчивым"*.

В общем и целом, при рассмотрении общественных отношений, единства общества, классическое буржуазное мышление делает акцент главным образом на сферу политики и права, в результате чего, сама классическая социальная философия сводится к теории политики и права.

Как было отмечено выше, объективная видимость соответствует тому, чтобы одна (или несколько) из форм проявления сущности общества воспринималась в качестве сущности самой по себе. Модель представления о деятельном индивиду, о "разумном эгоисте", о "естественном человеке" и т.д. экстраполируется на понимание общества в целом. "Подобно тому, как у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно также и все потребности гражданского общества - независимо от того, какой класс в данное время господствует, - неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение. Это формальная сторона дела, - отмечает Ф.Энгельс, - которая сама собой разумеется**". У Гоббса, эта аналогия между индивидом и обществом предельно детализирована: правительство рассматривается как олицетворение всего общества. Оно, подобно сознанию в его представлении о человеке, является самым главным и определяющим в государстве.

Этот преимущественно политико-правовой подход к обществу, обусловлен и тем, что при капитализме все сферы общественной жизни выступают в их предельной расчлененности. Политика же и право приобретают наиболее развитую на всем протяжении их истории форму, наивысшую самостоятельность, т.е. при капитализме они становятся "адекватными своему понятию". Политико-правовая сфера жизни общества, становясь при капитализме самостоятельной силой по отношению к обществу, придает объективной видимости специфический характер. "У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно. Поскольку в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива и поскольку при этом следует, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права, постольку теперь кажется, что юридическая форма - это все, а экономическое содержание - ничто! Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий"***. Подобно же правовым кодексам, правовое сознание и правовое представление об обществе

*. Дидро. Общество. // История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. М. 1978. С. 67.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 309-310.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 312.

ве не выходят за рамки рассудочного мышления.

В период же становления капитализма акцентирование внимания на политико-правовой сфере общества обусловлено и специфическим характером борьбы с феодализмом, с выдвиганием специфических политико-правовых требований и с идеологическим обоснованием этих требований. Юридическое мировоззрение становится с необходимостью классическим мировоззрением буржуазии, сохраняя в себе черты своего антипода - феодального мировоззрения. "Это было теологическое мировоззрением, которому придали светский характер - отмечают Ф.Энгельс и К.Каутский. - Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством"*.

Для классической буржуазной социальной философии, подобно человеку, - сущность которого сводится к его сознанию (точнее к волевой стороне его сознания, к "прирожденным правам") - сущность общества сводится к сущности государства, к политико-правовым отношениям. Слабость такого рода обоснования внутренней взаимосвязи общественного целого в известной мере осознается и самими представителями теории естественного права. Порой они прибегают к гарантирующей роли бога, в качестве всеобщего соединяющего разума (от бога - создателя и, следовательно, "собственника" всего сущего у Локка, через "высший разум" просвещения и "монады монад" Лейбница, к абсолютной идее Гегеля). Сам Гегель критикует абстрактный характер исходного принципа теоретиков естественного права, свободу в форме единичного индивидуума: "Это - великое начало, но для того, чтобы дойти до единичного, они должны были установить предпосылки. Всеобщее, согласно им, не есть дух, субстанция целого, а внешняя, рассудочная отрицательная власть, противостоящая единичным людям. Государство не постигнуто в его сущности, а понято только как правовое состояние, т.е. именно как некоторое внешнее отношение между конечными и неконечными. Существуют многие отдельные люди. Вся функция государства имеет, следовательно, своим основным определением, что свобода отдельных людей необходимо должна быть ограничена всеобщей свободой. Они неизменно остаются чем-то неподатливым, отрицательным по отношению друг друга"**. Для Гегеля же государство и право - это не отрицательные, а положительные, имманентные определения общества. Гегель упрекает своих предшественников в непоследовательности и недидалектичности, в том что они внешне-рассудочно подходят к сущности общества. Он же, находясь в рамках того же классического буржуазного мышления, стремится к выявлению внутренней взаимосвязи, исходя из гипостазированной им рассудочной абстракции оторванности воплощенного в государстве и праве всеобщего, сущности. Таким образом, Гегель, при всей его полемике против естественно-правовых представлений, при всем его пафосе снять взгляд отдельного индивида, все же двигается в рамках классического буржуазного, - т.е. правового, - взгляда на общество. В его "Философии права" - представляющей собой итог классического буржуазного социально-философского мышления и, одновременно,

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 496-498.

**.. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 479.

попытку снять буржуазную ограниченность исключительно в рамках буржуазного взгляда - индивид, "робинзонады" разумных эгоистов, просто локализируются в сфере частных интересов, в сфере гражданского общества. Семья и гражданское общество "снимаются" в государстве, абстрактное же право (фактически - природные права просвещения) и моральность - в нравственность. Поэтому Гегель не борется против политико-правового объяснения общества вообще, а только против сведения его к абстрактному принципу договора: "Природа государства этим не объясняется. Права, обязанности государства не устанавливаются произволом индивидуумов, который служил бы здесь принципом, между тем в договоре это происходит именно так, вещь в договоре есть отдельная особенная вещь, и моя воля также определена там как единичная случайная воля. То, посредством чего граждане государства тождественны, - это общее не есть общее произвола, а всеобщее, необходимое в себе и для себя ... их существенная и субстанциальная цель, не зависящая от осуществления единичной цели"*.

Здесь политико-правовой взгляд на общество доводится до логического конца. Государственная власть и право, уже не представляются реализованными или долженствующими проектами индивидов, а, наоборот, индивиды и их воля целиком положены государством и правом. По Гегелю "вся ценность человека, вся его духовная действительность существует исключительно благодаря государству"**.

Философское осмысление выработанной политэкономией категории труда во всемирно-историческом плане, при одновременном сведении его к духовно-абстрактному труду, приводит Гегеля к представлению о последнем в качестве субстанции изначально существующей "родовой сущности" человека, воплощенной в государстве. Возникновение науки об обществе связано с выяснением непосредственного индивида в качестве отличного от средства производства, что стало возможно при становлении капитализма и формально-юридической свободы. Осмысление этого процесса осуществляется в естественно-правовых представлениях нового времени, тогда же начинается и анализ предмета, выявление моментов его внутренних отношений (труда, производства, политики и т.д.).

К формированию науки об обществе относится систематическое рассмотрение предмета на основе одной конкретной формы его субстанции (абстрактно-духовной деятельности), и одной конкретной формы сущности, относящиеся к сфере явления и действительности предмета (государство как воплощение абсолютной идеи, "родовой сущности человека"). Естественно, что в гегелевской социальной философии начало предмета (человека) лишается всякой самостоятельности, единство конструкции устанавливается с позиции изначально фактического отрыва сущности предмета от его бытия. Поэтому человек целиком положен таким образом понятой сущностью общества. Однако до этого переворачивания ролей сторон превращенного и иллюзорного буржуазного представления об обществе, договорной - волевой характер политико-правовых отношений как всеобщих доминирует безраздельно, охватывает все стороны общественной действительности.

При таком подходе к обществу с необходимостью возникает

*. Гегель Г.В.Ф., Философия права. М. 1990. С. 409.

** Гегель Г.В.Ф., Философия истории. Соч. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 21.

противоречие. С одной стороны, мышление стремится познать мир "как он есть", стремится к предельной десубъективизации и де-антропоморфизации познания и знания об обществе. С другой стороны, действительные отношения рассматривают исключительно сначала в качестве желаемых и осуществимых в качестве реализованных или реализуемых волевых проектов, т.е. мир представляется как полностью положенный волей и разумом индивидов (позже - всеобщими волей и разумом). Объективные, и даже материальные отношения представляются в виде проекций актов самопознания и самосознания индивида об рационально понятых потребностях: общественное устройство (государство и право) - это продукт общественного договора, язык - это произвольно выбранные знаки (Гоббс), деньги - это условно выбранные знаки богатства (Локк, физиократы и др.)*. Это противоречие в теории познания отражается в противоположности объективизма ("реализма") и субъективизма, в рассудочно понятых функциях описания и объяснения, и т.д. Это характерная для всего классического буржуазного мышления антиномия, обусловленная, в конечном счете, противоположностью двух типично буржуазных отношений к действительности, созерцания и манипулирования вытекающих из самой сущности капиталистических отношений. Эти отношения взаимно исключают друг друга, одновременно предполагая и воспроизводя друг друга, как пассивная и активная стороны одного единства. Патетическому созерцанию при капитализме предназначена второстепенная и подчиненная роль. Тон задает опирающееся на всеобщую утилизацию манипулирование, хищническое отношение к природе и к обществу, в форме которых исключительно выступает деятельное отношение вообще при капитализме. Для манипулирующего (и манипулируемого) сознания вся действительность выступает в качестве материала, средства, инструмента и т.д. для осуществления эгоистической целесообразности. Несмотря на то, что оно (манипулирующее буржуазное сознание) является лишь продуктом и олицетворением господства вещей, продуктов труда над людьми, оно мнит о себе, что раз-вертываемая им деятельность (в том числе и познавательная деятельность) беспредпосылочна, что само сознание вообще беспредпосылочно. Это представление опирается, в конечном счете, на противопоставление средств труда живому труду, на противоположность умственного и физического труда. Сам характер производства при капитализме, - преимущественно механическое воздействие на предмет производства посредством механических средств производства (капиталистическая технология - это главным образом технология, опирающа-

*. Это представление о деньгах, с одной стороны дедуцируется из естественно-правового взгляда на общество, с другой же стороны представляет собой продукт как критического отношения к меркантилизму, так и достигнутых в это время знаний о производственных отношениях. В этом смысле конвенциональное понимание денег в эпоху становления капитализма играло определенную прогрессивную роль. Имеющая же хождение в наши дни вакханалия по поводу товарно-денежных отношений, трактуемых как "гениальное изобретение" человека - грубая, вульгарно-апологетическая идеология. Инструментальное истолкование тех или иных общественных отношений в качестве "изобретений" - крайняя форма обесчеловеченно, фетишизированного подхода, скрывающего их конкретно-исторический и преходящий характер.

яся на прикладную физику), приводимых в действие главным образом механическим, повторяющимся и т.д. трудом, - способствует выделение цели, знаний, организационной функции и т.д. в их самостоятельности, что, в свою очередь, приводит агентов этого производства к иллюзорному представлению об изначальности, априорности и превичности разума и воли. Целеполагание выступает здесь преимущественно в качестве телеологии, следовательно, для индивида, озвученного этими отношениями, манипулирующая деятельность осуществляется исключительно таким образом, что все ее компоненты, целиком положены субъектом, разумом, волей. Поскольку же вся действительность поддается манипулированию, инструментализм возвышается в ранг всеобщего принципа. Поэтому в классическом просветительском мышлении предполагается полная прозрачность субъектно-объектного отношения, "допускается принципиальная сводимость любой формы человеческой жизнедеятельности к преднамеренным контролируемым поддающимся воспроизведению актом "чистого сознания"*.

Однако, если манипулирование (и созерцание) по мере развития капитализма превращаются в конформистские и апологетические взгляды, то в период становления капитализма (особенно манипулирование которое преобладало тогда над созерцанием) они играли прогрессивную и даже революционную роль. Выявлены классическим буржуазным мышлением беспредпосылочного деятельного субъекта в качестве определяющего и полностью полагающего объект, обусловлено, в конечном счете, тем, что на мануфактурной стадии развития капитализма (опирающегося на ремесленный труд), важную социальную функцию (олицетворение цели, организации и дисциплины производства и т.д.) играет еще индивидуальный капиталист. Оно обусловлено еще и революционно антифеодальной направленностью прогрессивного просвещения, рассматривающего действительность сквозь призму антиномии должного и сущего. Эта дея-

*. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. // Философия и наука. М. 1972. С. 43. В этой интересной и глубокой статье предпринимается серьезная попытка преодолеть ограниченность господствующего и в советской литературе описательно-позитивистского подхода к истории философии. Авторы стремятся выявить внутреннюю взаимосвязь сторон буржуазного философского мышления как специфической конкретно-исторической формы духовного производства. Однако, поскольку философское мышление рассматривается в ней вне связи с конкретным познавательным процессом, авторам не удается выявить состояние и направленность философско-методологического мышления. Буржуазная философия рассматривается там в основном с точки зрения классификации тех или иных черт ее формообразований, которые принадлежат классическому или неклассическому мышлению. При этом категории классичности и неклассичности неявно заимствована из истории физики, что во многом ограничивает их эвристическую и методологическую значимость. Проблематично, например, однозначное включение О. Конта в классику буржуазной философии. В общем и целом классика и современность буржуазной философии рассматриваются в статике, как различные состояния, к описанию (правда, довольно глубокому и аналитическому) которых стремятся авторы. В результате, при всех достижениях этого подхода, закономерность развития буржуазного философского мышления не выявляется в чистом виде.

тельная и беспредпосылочная субъективность, - от субъективно-идеалистического натурализма робинзонад "разумных эгоистов", до объективно-идеалистического абсолютного субъекта, - пронизывает все классическое буржуазное мышление (романтически-созерцательные варианты и антропологизм Фейербаха играют в общем и целом второстепенную и подчиненную роль, находясь принципиально в рамках этого классического мышления). Это беспредпосылочное деятельное начало классического мышления проявляется во всех областях духовного производства эпохи (например, в симфонизме венской теории стоимости, в восхождении фаустовского духа Гете*, и в восхождении субъекта по лестнице формообразований духа феноменологии Гегеля). Сведение многими исследователями марксистского понимания общественной практики и деятельности к этому классическому буржуазному представлению о беспредпосылочной субъективности свидетельствует, по крайней мере, об отсутствии понимания принципиального отличия марксовой методологии.

Таким образом, в классических буржуазных естественно-правовых объяснениях общества имеется закономерное отождествление необходимой природы, сущности государства и права с сущностью общества вообще. Сущность общества сводится к одной из форм ее проявления, к сфере общества, стоящей ближе всего к экономической, материальной жизни общества. При этом наблюдается известное шаблонное применение достигнутого знания об обществе: сфера политики и права "дедуцируется", экстраполируется на сферу экономики, знание о менее глубокой сфере экстраполируется на более глубокую. Специфика же сферы экономики и ее сущности еще не обнаружена. Однако даже когда специфика экономики и ее сущность сама по себе более или менее обнаруживаются в классическом мышлении знания об этой специфике существуют с естественно-правовыми экстраполяциями, ибо последние, во-первых, соответствуют объективной видимости общества при капитализме и на ее основе воспроизводятся, во-вторых, они уже укрепились и укоренились в сознании исследователей, и, в-третьих, выполняют определенную идеологически-апологетическую функцию.

В естественно-правовых представлениях, как уже было отмечено, имеется известное отождествление необходимости, сущности и разумностью. Такой подход к обществу с необходимостью исходит из отрыва существования, случайного, от сущности, от необходимости. Следовательно, специфика конкретно-исторической социально-политической позиции превращается в определенную методологию и социальную философию. Существующее (феодалное общество или его остатки) выступает как действительно лишенное разума, сущности, необходимости. Разум, сущность, необходимость существуют в качестве идеала, в качестве должного (т.е. в качестве идеализированного представления о буржуазном обществе как об абсолютном состоянии). Согласно этому представлению, сущее, существование, должно избавиться от сплошной случайности неразумного и стать разумным, существенным, необходимым. Таким образом, при предположении об отсутствии в наличной действительности, в существующем разуме, сущ-

*. В начале было дело" - эти крылатые слова, вложенные Гете в уста Фауста, отражают общую направленность классического буржуазного мышления. Эта проблематика анализируется в трудах Д. Лукача и К. Козинна.

ности, необходимости (поскольку отрыв первой от второй подразумевается как априорная данность), разум, сущность и необходимость представляются в виде осуществимого и существующего идеала. При последовательном проведении требования об установлении этого идеала получается лишь полное сведение существования, случайного к разуму, к сущности, к необходимости. Тогда необходимость превращается в абсолют, существование случайности отвергается полностью, и выдвигается требование о безраздельном господстве существенного и необходимости в существовании. Этот взгляд соответствует абсолютной трактовке необходимости в механическом детерминизме классического буржуазного мышления (у Галилея, у Бэкона, у Гоббса, у Декарта и особенно у Спинозы). Однако, разум, сущность и необходимость оторванные от их противоположности превращаются в абсолют. Существующая наличная действительность рассматривается тогда как только пассивный, поддающийся манипулированию материал, принимающий определенность извне, полностью полагаемый этим абсолютом. Итак, антифеодалная направленность буржуазных идеологов эпохи становления капитализма воплотившись в метафизическом детерминизме и рационализме, сблизилась со своим антиподом, с религиозным фатализмом, несмотря на то, что эти мыслители стремились выйти за пределы феодального устройства и феодальной идеологии. Здесь обнаруживается также, что "не всякий выход за предел и не всякое нахождение за пределом есть истинное освобождение от него, истинное утверждение; уже само долженствование есть такое несовершенное выхождение за предел, есть вообще абстракция"*, ибо долженствование есть такое выхождение за предел, которое само лишь конечное, ограниченное выхождение.

Поскольку абсолютизированное представление о разумности, сущности и необходимости отождествляются с идеализированным капитализмом, последний выступает в качестве итога прошлого, в качестве абсолютного и вечного надъисторического и внеисторического состояния. Это особенно явно выражено у французских просветителей, ибо "чем большую роль играла борьба с феодализмом, чем менее было развито буржуазное общество, тем более общество, история должны были выступать как скопление случайностей, т.е. акцент (здесь не имеет значения, осознанно или неосознанно) должен был падать на отрыв случайного и т.п. от необходимого и т.п."** История, прошлое (и настоящее по мере сохранения в нем институтов феодализма) - это просто скопление случайностей и нелепостей, вызванных невежеством, неразумностью. Это период глупости и обмана, характеризуемый полной прерывностью. Это просто "дыра", "провал" во времени, это только "времена рабства". Идеализированное представление о буржуазном обществе характеризуется у просветителей понятиями: просвещение, мудрость, добро, прогресс, любовь к знаниям, свободомыслие (у наиболее последовательных - атеизм), "царство разума", счастье. Докапиталистические же общества - это извращения, искусственные, установленные и ненормальные состояния, господство невежества, зла, несчастья, косности и религиозного мракобесия; это деспотические режимы и тирания. Попытки установления взаимосвязи исторического процесса путем фиксирования зависимости поступков от характера воспитания и

* Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. М. 1970. С. 199.

** Вазюлин В.А. Становление метода..., С. 131.

последнего от законов государства (Монтескье, Гельвеций) приводят к логическим кругам взаимной зависимости. История познается с точки зрения "разумной метафизики", т.е. согласно принципам естественно-правовых представлений. И тогда польза истории, "состоит", - по Вольтеру, - "в сравнении законов и нравов чужих стран с собственными",* в извлечении примеров. История не игнорируется полностью, однако сводится к скоплению случайных фактов. При понимании капитализма в качестве абсолютного состояния (пока сущность капиталистических отношений не исследуется сама по себе в чистом виде), прошлое лишается всякой самостоятельности и внутренней необходимости. История - это просто опрокинутое на прошлое представление о настоящем, поэтому историзм просветителей - это просто иллюзорный историзм, фактически же - антиисторизм.

§ 3. Методологические выводы

На стадии собственно возникновения науки познание движется главным образом аналитическим путем, поэтому ему еще не свойственно опосредствование, "оно непосредственный способ передачи понятия, еще не содержащий инобытия, в котором деятельность познания отчуждается (enfaussert) от своей отрицательности"**.

Поскольку предмет анатомируется, он уже не воспринимается в качестве простого, абстрактного тождества, появилась уже рефлексия предмета в себя, и "в ее опосредствовании различие имеется лишь как выступающее в качестве предпосылки в-себе-сущее различие, как разность объекта внутри себя"***.

Аналитическое познание опирается на описание, на эмпирический фундамент знания, на то, что Локк называл "простыми идеями". Однако это уже не непосредственный, практический, а "мыслительный опыт" (Гегель). Аналитически индуктивное познание превращает эмпирический материал в логические определения, поэтому здесь, как отмечает Гегель, каждое полученное таким путем определение непосредственно "и смысл его именно в том, чтобы быть присуще предмету и принадлежать ему само по себе, а потому быть из него постигаемым без субъективного опосредствования"****. Дальнейшее движение познания вперед должно осуществиться путем развития различий, ибо без различий нет движения. "Но так как по принадлежащему ему здесь определению познание чуждо понятию и недиалектично, то оно имеет лишь некоторое данное различие, и его движение вперед совершается исключительно через определения материала"****. Имманентное движение познания вперед, внутренняя определенность познавательного процесса оформляется и проявляется отчетливо по мере того, как выводимые из "мыслительного опыта" определения осмысливаются, подвергаются вторичной мыслительной обработке. На стадии первоначального возникновения науки эта внутренняя определенность познавательного процесса еще только возникает и переплетена с внешней определенностью. В определениях различия предмета фиксируются уже в качестве данных. Следовательно, выведение абстракций и попытки вторич-

*. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, ... С. 13.

** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. М. 1972. С.246.

***. Там же. С. 247.

****. Там же. С. 248.

****. Там же.

ной и т.д. мыслительной переработки этих абстракций, отражение в логических понятиях определенной адекватности и достоверности различия сторон предмета, и даже сущности предмета, в качестве данных, на начальных этапах познания носят отпечаток непосредственного опыта.

Единство сторон познавательного процесса намечается только фактически, при осмыслении достигнутых на данной стадии результатов познания. Познавательные и поисковые операции напоминают здесь мануфактурное разделение труда, подобно разделению научного труда в бэконовском утопическом "доме Соломона". Там это разделение не вытекает из отдельных, но взятых их целостности познавательных процессов - дисциплин (согласно некоторой классификации наук), а из классификации, из расчленения познавательного процесса на отдельные "операции" (существуют собиратели "опытов", "теоретики", ученые разведчики и т.д.).

Ограниченность аналитического подхода отмечается уже мыслителями просвещения. "Мы взвешиваем материю", - пишет Вольтер, - мы ее измеряем, мы ее разлагаем; но как только мы пожелаем ступить шаг за пределы этих грубых операций, мы обнаруживаем в себе бессилие, а перед собой пропасть".* Однако при всей своей ограниченности аналитический подход необходимо господствует на начальных этапах развития науки.

С возникновением науки начинает создаваться возможность поднятия познавательной деятельности от тех обыденных навыков, умений, представлений и т.д., которые ограничивались только поверхностью предмета, и удовлетворяли непосредственные потребности хозяйственной практики (с точки зрения повседневного обихода агента коммерческой деятельности), к собственно научному знанию.

Первоначальное возникновение науки уже создает возможности для углубления во внутренние взаимосвязи предмета, однако эти возможности и их реализация, как было показано выше, еще ограничены. Идея определения сущности начала предмета и самого предмета субстанцией выдвигается как бы эпизодически. Она является продуктом возникновения принципиально нового типа познавательной области и принципиально нового типа постижения этой области, создавая, в свою очередь, принципиально новые возможности углубления познания и преобразования самого познавательного процесса. Однако основной корпус науки опирается здесь главным образом на описание непосредственного. Последнее служит широкой основой, отправным пунктом мыслительных процессов. Познающее мышление отвлекается от разных сторон материала этого описания, которые в поисках существенного считаются несущественными. Путем сравнения (анalogии, индукции) выделяется общее прежде всего в его эмпирически фиксируемом аспекте, т.е. внешним образом. Поэтому и выделяемые внутренние отношения носят отпечаток внешнего, непосредственности, они еще далеки от их выявления в чистом виде. Здесь видятся по Гегелю "пустые абстракции единичности и противоположной ей всеобщности, точно также как абстракции сущности, связанной с несущественным абстракции чего-то несущественного, которое, однако, в то же время необходимо, суть силы, игра которых есть воспринимающий рассудок, часто называемый

*. Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма в двух томах Т. 2. М. 1962. С. 190.

мый здоровым человеческим смыслом"*. Здесь еще переплетены единичность с всеобщностью, несущественное с существенным, непосредственное с опосредствованным, внешнее с внутренним. Однако их различие уже началось, хотя еще имеет поисковый, гипотетический характер. Познающее мышление стремится уже к установлению некоторого единства между эмпирически фиксируемыми фактами, сторонами предмета и т.д., между ними и продуктами процесса выделения абстракций, между выделенными абстракциями. Таким образом, намечается уже тенденция к некоторому синтезу, отражаемая в первоначальных дефинициях.

На стадии первоначального возникновения науки внутренняя и внешняя определенности процесса познания, внутреннее и внешнее науки находятся в отношении конкретного тождества с различием. Эмпирический материал "мыслительного опыта", описание, внешний слой познания и знания внутри познавательного процесса, порождает процесс выделения абстракции, т.е. внутреннее, и взаимодействует с ним. Стороны сущности науки, как специфического способа производства знаний, описание и элементы объяснения в их непосредственном единстве уже возникли, играют ведущую роль в развитии познания, но непосредственно еще не господствуют в их специфическом единстве. Непосредственно еще господствует воздействие материальной общественной практики, "добыча" информации об этой практике эмпирическим путем, воздействие классовой борьбы, отражаемой в морально-политических, правовых и социально-философских воззрениях и т.д., хотя это внешнее воздействие уже модифицируется собственно производством знаний в данной познавательной области, прежде всего путем его включения в "орбиту" возникающих абстракций, понятий и т.д. Но тем не менее господствует унаследованное от донаучной деятельности отношение к предмету.

Возникающее здесь понятие уже отличается от непосредственного созерцания и вместе с тем еще тождественным с ним, несет на себе его неизгладимую печать.

На стадии первоначального возникновения науки образуется и начинает действовать принципиально новый (по отношению к непосредственно практической деятельности и слитого с ней знания) - научный, внутренний источник развития познавательного процесса. Ведущим, главным фактором развития познания с возникновением науки (как качественно и существенно новой формы движения познания предмета) становится внутренний, собственно научный, а не внешний, не непосредственно-практический фактор. Непосредственно-практический фактор, практическая основа познания, практическое отношение к фактам, к предмету и т.д. только начинают преобразовываться возникшим новым познавательным процессом. Научное мышление собственно возникает в данном познавательном процессе именно в этом преобразовании, в процессе осмысления фактов и критического переосмысления донаучного знания.

Е ли на стадии образования предпосылок науки источник развития познания находился - как было показано - в непосредственной практике, на стадии первоначального возникновения науки возникает и специфический научный источник развития и начинает играть ведущую роль. Благодаря возникновению этого принципиально нового внутреннего фактора развития процесса

познания (и как его проявление) образуется взаимодействием между ним и непосредственно практическим (т.е. внешним по отношению к собственно научному фактору) фактором. Это не механическое взаимодействие, это не "разрыв" неподвижных вещей. Идет процесс взаимодействия первого со вторым фактором, частичное превращение внешнего во внутреннее, "интериоризация" научным мышлением непосредственно практического материала, донаучных и полученных другими познавательными процессами знаний.

Специфика политической экономии капитализма, обнаруживаемая уже при ее первоначальном возникновении, заключается, между прочим, и в том, что ее развитие (сознательно или неосознанно) осуществляется на поле пересечения еще двух познавательных процессов: теории и методологии познания (науки о познающем мышлении) и социальной философии (науки об обществе как органическом целом). Каждый из этих трех познавательных процессов имеет свою специфику, свою внутреннюю закономерность, проявляемую и в темпах его развития. Однако, при всем их отличии друг от друга, уже на стадии первоначального возникновения политической экономии обнаруживается их внутреннее единство.

Критическое отношение к предмету - необходимая предпосылка первоначального возникновения науки. Родоначальники классической буржуазной политической экономии стремились к радикальному преобразованию предмета или к его улучшению. Это их стремление выражается прежде всего в их морально-политических позициях. Последние преобразуются в социально-философские взгляды, сводимые в это время к определенным правовым представлениям, к теориям естественного права. Естественно-правовые представления переплетаются с политико-экономическими, взаимно обогащая друг друга.

Воззрения Локка обнаруживают наиболее отчетливо конкрет-ноисторический характер внутреннего единства вышеназванных познавательных процессов. С точки зрения собственно политэкономических знаний воззрения Локка относятся к стадии возникновения науки. С точки зрения же теории познания и социальной философии их влияние распространяется на всю последующую классическую буржуазную политэкономия. Это явление и обусловлено тем, что Локк "представлял новую буржуазию во всех ее формах - промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников ...".*

* Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 13. С. 62.

Г Л А В А III РАССУДОЧНАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОЗНАНИЯ И ЗНАНИЯ КАК ФОРМИРОВАНИЕ НАУКИ

Процесс формирования, созревания политэкономической науки, и, одновременно, завершение классической буржуазной политэкономии хронологически фиксируется между серединой XVIII века и началом XIX века. Формирование науки, представляющее собой огромный интерес с методологической точки зрения, есть качественный скачок в истории науки. Скачкообразный характер процесса развития науки проявляется здесь в образовании различных научных систем.

§ I. Попытка систематизации знания на основе отрицательного определения сущности.

Система Дж. Стюарта

По Марксу, Джемс Стюарт - это "первый британец, выработавший целостную систему буржуазной политической экономии"* . Он "научно воспроизвел" физиократовское (меркантилистское) воззрение на прибавочную стоимость (в форме прибыли) согласно центральному догмату меркантилизма, т.е. как выводимую исключительно из обмена. Эта попытка систематически-рационализированного изложения меркантилизма за 10 лет до появления основного произведения А. Смита, когда уже в середине XVIII в. сложилась физиократическая система во Франции, когда начинается промышленный переворот в Англии, и проводимая уже в той или иной форме в течение более трех столетий меркантилистская экономическая политика становится объектом острой критики, эта попытка представляет собой интерес с точки зрения выявления сложности познавательного процесса.

Несмотря на то, что Джемс Стюарт, в целом сознательно не вышел за рамки ограниченного меркантилистского воззрения, он, в противоположность последнему, не ограничивается простым рассмотрением поверхности явления. Искренне стремясь выявить источник увеличения буржуазного богатства, он, с одной стороны, не разделяет меркантилистские иллюзии, согласно которым субстанция, порождающая сущность предмета, находится только на уровне непосредственности, поверхностных отношений (в неэквивалентном обмене). С другой же стороны, он пытается найти этот источник именно в этих поверхностных отношениях. "Стюарт, с одной стороны, отвергает то представление монетарной и меркантилистской системы, согласно которому продажа товаров выше их стоимости и возникающая отсюда прибыль создают прибавочную стоимость, положительное увеличение богатства; с другой стороны, он остается приверженцем их взгляда, будто прибыль отдельного капиталиста есть не что иное, как этот избыток цены над стоимостью - "прибыль от отчуждения", которая, однако, по его мнению, лишь относительна, так как выигрышу на одной стороне соответствует потеря на другой и поэтому движение прибыли сводится к "колебанию весов богатства между участвующими сторонами"** . Поэтому Стюарт проводит различие между "положительной прибылью" и "относительной прибылью". Первая возника-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 13. С. 44.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26. Ч. 1. С. 11.

от из "увеличения труда, усердия и мастерства"* . Созидание нового богатства в вещественном смысле, новых потребительных стоимостей, он связывает с этой "положительной" прибылью, сфера же господства меркантилистского догмата локализуется им только "относительной прибылью. Тем самым Стюарт фактически приходит к выводу о том, что сфера поверхностных отношений не порождает сущность предмета, ибо он сам понимает, что неэквивалентный обмен между капиталистами - всего лишь "колебание весов", ничего не добавляющее общественному вещественному богатству. Здесь опять обнаруживается специфическое, "субъективное" противоречие процесса познания**. Это противоречие непосредственно является отражением предмета исследования. Это противоречие познающего мышления, субъекта познания, объективно, закономерно и с необходимостью возникающее в процессе познания, когда оно двигается по поверхности, от непосредственности к сущности. В этом смысле "субъективность" этого противоречия не связана с ошибочностью, с произволом и с субъективизмом познающего индивидуального исследователя, а представляет собой закономерное явление. Одна сторона противоречивого утверждения (связанная с "прибылью от отчуждения") не соответствует действительности. Другая же сторона (о невозможности следения источника сущности к поверхности) "адекватно" соответствует действительности. Однако, это соответствие, нельзя представлять механически, как будто адекватное отражение предмета в зрелой теории складывается из суммы "адекватных" сторон противоречивых утверждений процессом познания, которые соответствуют действительному положению дел в предмете. Адекватное отображение внутренней взаимосвязи сторон предмета в зрелой теории требует ряда опосредствований - преобразований, о которых речь пойдет ниже.

Ограниченность меркантилистского воззрения (и вообще ограниченность непосредственно чувственного до научного и обыденного представления) фактически просто констатируется у Стюарта. Внутренние, существенные и закономерные связи определяются у него главным образом отрицательно: источник, порождающий сущность предмета просто не относится к сфере непосредственности, к сфере явления. Однако еще не постигается положительно, в чем именно состоит это внутреннее.

Большой интерес на фоне принципиального антиисторизма буржуазной классической политической экономии, представляют элементы исторического подхода в исследованиях Дженса Стюарта. В его работе имеются обширные исторические экскурсы, в которых центральное место занимает проблематика первоначального накопления капитала, исторического характера товарного производства и обмена. "Его заслуга в понимании капитала, - отмечает К. Маркс, основывается на том, что он показал, каким образом происходит процесс отделения условий производства, как собственности определенного класса, от рабочей силы. Этому процессу возникновения капитала Стюарт уделяет много внимания; правда он еще не понимает этот процесс прямо как процесс возникновения капитала, но все же видит в нем условие существования крупной промышленности. Стюарт рассматривает этот процесс особенно в земледелии и правильно считает, что

*. Там же. С. 9.

** . См.: Вазюлин В. А. Развитие проблемы исторического и логического... С. 138-140.

только благодаря этому процессу отделения, имевшему место в земледелии, и возникла мануфактурная промышленность как таковая". К. Маркс подчеркивал, что Стюарт, "раньше всех других уразумел разделение труда и производство меновых стоимостей как нечто идентичное и, похвально отличаясь от других экономистов, понял это как форму общественного производства и общественного обмена веществ, опосредованную особым историческим процессом"

Таким образом, первая британская попытка систематизации буржуазной политэкономии сопровождается элементами исторического подхода к предмету. Возникновение этих элементов историзма обусловлено главным образом, в конечном счете, уровнем развития предмета, точнее, эмпирической фиксируемостью неравномерности развития предмета в различных регионах, которая указывает на сопоставление не только различных одновременно существующих уровней развития предмета, но и на сопоставление его различных исторических ступеней. Однако, определенность второго мыслительного сопоставления (сравнения) первым, в связи с известным уровнем достигнутого знания о сущности предмета, закономерно сказывается на характере этих элементов историзма. Несмотря на то, что мышление исследователя фиксирует фактически черты первоначального возникновения предмета, последние отождествляются в сознании с условиями существования развитого предмета, предмета вообще. На рассудочном этапе развития познающего мышления, когда на определенном уровне схватываются моменты историчности, преходящего характера предмета, они носят в той или иной мере печать статичности, непосредственной данности. Обнаруживается тенденция сведения прошлого к настоящему (или наоборот). Естественно, обращение Стюарта к современным ему фактам, его наблюдения процессов, происходящих в отсталой и бурной капитализируемой Шотландии, его наблюдения во время многочисленных путешествий на континенте, и их сравнительный анализ, сыграли большую роль в его исследовании связаны и с его специфическим осмыслением достижений прошлого знания, в частности, соотношение достигнутого его предшественниками понимания субстанции в непредвзятом ("меркантилистским") отношении к сфере обращения. В его подходе обнаруживается и тенденция, не к противопоставлению высших и низших уровней, непосредственности и сущности, внешнего и внутреннего в предмете, а к установлению некоторой выводимости сторон и уровней предмета.

Итак, у Стюарта стремление к выявлению сущности отражается в ее негативном фиксировании и сопровождается ретроспективным взглядом на процесс первоначального возникновения предмета. Последний воспринимается в сознании в качестве условия существования предмета. Однако уже эти достижения Стюарта позволяют ему выявить более отчетливо, чем это делают остальные экономисты, различные стороны начала предмета и специфику производящей его субстанции.

Элементы историзма отражаются и в рассмотрении предпосылок предмета. Стюарт разграничивал три ступени товарного обмена: 1) метод, 2) купля-продажа, 3) торговля. Состояние, в котором при этом находятся выявляемые познающим мышлением абстракции, отражается в попытках Стюарта определить сущность

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 45.

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 449-450.

*** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 45.

начала предмета. "В одном месте он определяет реальную стоимость (what a workman can perform in a day рабочим временем, но рядом с этим странным образом фигурируют заработная плата и сырой материал. В другом месте его борьба с вещественным содержанием (подчеркнуто мною. - Д.П.) выступает еще более разительнее. Природный материал содержащийся в товаре, ... он называет его внутренней стоимостью (intrinsic worth), тогда как рабочее время содержащееся в нем, - его потребительной стоимостью (useful value)"*. Незавершенность процесса выделения абстракции выражается в разнонаправленных попытках установления взаимосвязи. С одной стороны Стюарт подходит к определению сущности начала предмета количеством субстанции (не различая при этом четко двойственный характер субстанции), с другой же стороны, он слагает сущность вещей из различных факторов: из количества включенной в них субстанции, из заработной платы и из стоимости сырых материалов (это сложение примет в дальнейшем форму так называемой "теории издержек производства")**. Ограниченность Стюарта в понимании функционирования современного ему предмета, более отчетливо проявляется в его исторических экскурсах. Именно в последних он относительно отчетливо рассматривает специфическую форму субстанции при капитализме. "Стюарт отличается от своих предшественников и тех, кто выступал после него, тем, что он проводит резкое различие между специфически общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, создающим потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение (alienation) создает всеобщий эквивалент (universal equivalent), я называю промышленностью. Труд как промышленность он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Этот труд есть для него буржуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам. Особенно его интересует различие между буржуазным и феодальным трудом"***. Стюарт, констатируя существование товарно-денежных отношений в добуржуазной эпохе, "обстоятельно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежит только буржуазному периоду производства, что, следовательно, характер труда, создающего меновую стоимость, является специфически буржуазным"****. При этом он проводит это принципиальное различие буржуазного характера субстанции настолько последовательно, что отцерегает еще не преобразованное капиталистическими отношениями патриархальное земледелие ("antique agriculture")*****, понимая закономерность разрушения мелкого товарного производства крупным*****.

Его прогрессивная позиция выражается и в том, что он не только понимает исторический характер труда и его стимулирования (если рабство опиралось на насилие, то современные рабочие, - по Стюарту, - "рабы своих потребностей", при все

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 44.

** См.: Либкнехт. История теории стоимости в Англии и учение Маркса. М. 1924. С. 53-54.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 44-45.

****. Там же. С. 45; см.: там же. Т. 23. С. 344.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 45.

*****. Там же. Т. 23. С. 344.

формальной свободе), но, в отличие от реакционера Мальтусам (списавшего, между прочим, у Стюарта свою "теорию о народонаселении" и оправдывающего обнищание рабочих), выступает за расширение потребностей рабочих*.

Специфика подхода Стюарта оказалась плодотворной при рассмотрении денег и денежного обращения. Он остро критикует распространенную в это время количественную теорию денег (Юма и Монтескье) с точки зрения не оторванности, а взаимосвязи стоимостного отношения товаров с "ослепительной денежной реформой"** . Хотя изложение Стюарта "затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена"*** . Особое внимание уделяет Стюарт счетным деньгам. Последние для него - "суть не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости предметов, подлежащих продаже. Счетные деньги совершенно отличны от монетных денег (money coin), представляющих собой цену (в числе реального эквивалента. - Д.П.)... они показатель пропорции"**** . Поэтому, по Стюарту, денежная единица "не может быть закреплена за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара... Деньги только идеальный масштаб с равными делениями"***** .

На примере рассмотрения денег в истории политэкономии можно проследить развитие подхода познающего мышления к исследуемой действительности. От грубого фетишизма абсолютизации непосредственной данности денег (меркантилизм), мышление переходит через первую грубую противоположность (Локк) к абстрактной противоположности этого первоначального взгляда (Юм). От непосредственного качественного подхода мышление переходит к абстрактному количественному подходу. При этом, если сначала мышление ограничивалось абсолютизацией высшей, всеобщей формой проявления сущности начала, постепенно (путем индуктивного сравнения, анализа, отвлечения, абстрагирования) выделяется общее между высшей и низшей формой, между деньгами и товаром, что при рассудочно-аналитическом подходе возможно только путем сведения первых ко второму. Однако, "если уже в последние десятилетия XVIII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товара, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги - товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами"***** . Именно с попытками разрешения этой второй исследовательской задачи связаны и отмеченные Марксом открытия Стюарта в области обращения***** . Естественно, здесь не идет речь о выводимости всеобщей формы прояв-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 365, 662.

** . Там же. Т. 23. С. 57.

*** . Там же. Т. 13. С. 146.

**** . Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 65-66.

***** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 64.

***** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 102.

***** . Там же. Т. 13. С. 146, 147.

ления сущности, о рассмотрении явления на основе познанной сущности в чистом виде, "чего буржуазная политическая экономия даже не пыталась сделать"* . Стюарт как бы возвращается к сфере обращения, на основе критического осмысления достигнутого знания без антимеркантилистских предрассудков. Однако он "ограничивается только проявлением денег в обращении в качестве масштаба цен и в качестве счетных денег"** . И действительно, в сфере обращения товаров деньги как средство обращения служат просто смене, превращению форм друг в друга. "функция, - отмечает В.А.Вазюлин, - оказывается относительно самостоятельной по отношению к функционирующему материалу (золоту). Последний может быть заменен знаком, символом, так как функционирующий материал служит мимолетным средством. Материал оказывается несущественным для действия функции"*** . Следовательно, когда поскольку мышление акцентирует внимание на функцию всеобщего эквивалента сущности начала, как средства обращения, в той или иной мере отлекаясь от предыдущих и от последующей функций, то всеобщий эквивалент сущности выступает в виде "идеальной денежной единицы". Стюарт отсюда не возвращается к грубо фетишизированному взгляду меркантилистов. Он, оставаясь в рамках "конвенционализма" в трактовке происхождения денег, подобно представителям количественной трактовки денег, в определенной мере отвергает абстрактный редукционизм последних. Тем самым он вводит в науку необходимый на данном этапе ее развития рационалистический подход, предполагающий рассмотрение сторон предмета в качестве идеализированных абстрактных объектов, подобно арифметике и геометрии. Однако, "чисто абстрактным выражением пропорции является вообще только сама абстрактная пропорция чисел"**** . Опираясь на понятие "идеальной денежной единицы", "идеального масштаба", мышление - осознанно или неосознанно - предполагает существование многообразия сторон предмета в виде представления о некотором упорядоченном множестве. Предмет представляется тогда (как в классической математике) в виде актуальной данности некоего бесконечного, непрерывного однородного многообразия. То есть, предполагается, что "хотя любое измерение и доказательство состоит из конечного числа обозримых шагов и что никакое бесконечное множество не может быть задано конечным числом, тем не менее при наличии каких-то правил мы можем прервать эту бесконечность и остановиться на каком-то шаге, считая, что она выполнена актуально"***** . В данном случае предположение о наличии этой актуальной бесконечности усиливается тем, что, поскольку наука еще не выявила диалектику процесса снятия простой формы проявления сущности (конечной формы) и развернутой формы проявления сущности (формы "дурной бесконечности") всеобщей формой (формой актуальной бесконечности), последняя не воспринимается как отрицание отрицания, а как данность. Но это уже не данность живого созерцания, а данность абстрактно идеализированного понятия, который оперирует раци-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 57.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 64.

*** . Философские проблемы "Капитала" К.Маркса., М. 1968. С. 58

**** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 64.

***** . Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. N.10. 1990. С. 16.

анализирующий рассудок. Это такая данность, на основе которой формирующееся мыслительное отображение предмета начинает приобретать некую систематичность, на основе которой начинает осуществляться некоторая дедукция, формируются рассуждения и т.д. Такие черты в какой-то мере характерны для всех рассудочных понятий, которыми оперирует познающее мышление на стадии формирования науки. При этом рассудочное мышление с необходимостью ассоциирует такого рода представления о рациональном (количественном, математическом и т.д.) устройстве действительности с устройством рассудка, априорно предполагается некий "изоморфизм" между первым и вторым.

Естественно, что при оперировании такими идеализированными абстрактными объектами как "число", "идеальная денежная единица" и т.д. предмет выступает в его упорядоченности и положенности некоторой невидимой разумной силой с этим, скорее всего, связано плодотворное присвоение Гегелем учения Стюарта об идеальной денежной единице. Гегель, вслед за Стюартом, философски осмыслил "идеальность" денег и трактовал их как "существующую всеобщую ценность вещей и работ"*, как "вещи, которые являются существенно ценностью как таковой",** как "реальное существование всеобщего".*** Влияние Стюарта явно выражено в следующих утверждениях Гегеля: "Внешняя потребность в деньгах состоит в том, чтобы обладать средством обмена, общим масштабом для различных по своей специфике вещей. Рассудочная сторона заключается в том, что вещи, собственниками которых мы являемся, существуют в виде всеобщего. Поэтому деньги служат выражением рассудка...".****

К.Маркс отмечает, что "учение об идеальной денежной единице измерения развитого у сэра Джемса Стюарта с такой полнотой, что его последователи - последователи бессознательные, так как они его не знали; - не находят ни новой формы выражения, ни даже нового примера".*****

Джемс Стюарт, оставаясь сознательно на позициях меркантилизма, фактически решающим образом преодолел его, не осознавая значимости собственных теоретических достижений. В этом смысле, "меркантилистская этикетка" Стюарта соответствует содержанию его исследований таким же образом, как и "феодалская этикетка" соответствовала содержанию физиократии. У него, с одной стороны, господствующая, осуществляемая столетиями и признаваемая высшей, форма знания о предмете представляется непреодолимой, абсолютной, ибо "всякая форма знания в ее сущности представляется, фактически, на деле такой, которую невозможно превзойти пока не выявлено, какова именно новая еще более развитая стадия данной области знания"***. С другой же стороны, фактически, эта старая форма знания уже существенно преодолена. Именно в этом (неосознаваемом или не вполне осознаваемом) преодолении проявляется и специфика "механизма" развития научного мышления. Производство нового знания осуществляется в единстве осмысления новых фактов (сторон, аспектов) исследуемой действительности (предмета) с критическим

*. Гегель Г.В.Ф. Философия права... С. 337.

** . Там же. С. 405.

***. Там же.

****. Там же.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 63.

*****. Вазюлин В.А. Становление метода... С. 56.

осмыслением унаследованного (прошлого) знания. При том, Этот "механизм" производства нового знания не проявляется механическим образом. На рассудочной стадии развития научного мышления о предмете, познающее мышление (в лице того или иного исследователя) отправляется, главным образом, от хаотического представления о месте и роли тех или иных унаследованных знаний в процессе развития науки. И это хаотическое представление закономерно, ибо только на его опирается, и только от него отталкивается рассудочное мышление. С другой стороны (тем более, на этапах, находящихся ближе к стадии возникновения науки), последовательность выдвигаемых взглядов и знаний о предмете не выступает отчетливо в виде движения от низшего к высшему. Поэтому здесь полагание в основу нового исследования выских движений унаследованного знания отнюдь не гарантировано. Более того, поисковый характер отношения к предмету исследования сопровождается поисковым, избирательным характером отношения к старому знанию, в котором немаловажную роль играет конкретно-историческая социально-политическая практика и ее идеологическое обоснование. Переход от одной крайности к другой - что характерно для рассудочного мышления вообще - в оценке унаследованного знания усиливается идеологической полемикой.

В случае Стюарта, следует отметить, что, во-первых, при всей меркантилистской видимости его системы, он отнюдь не опирается исключительно на меркантилистские воззрения. Это доказывается не только тем, что он фактически существенно преодолевает меркантилизм, но и тем, что в этом преодолении он опирается (положительно или отрицательно, критически, полемически) на достижения всей последующей экономической мысли. Ведь проблема труда и стоимости совсем не рассматривалась меркантилистами. Во-первых, известное обращение Стюарта к меркантилизму не является чисто случайным зигзагом в истории науки. В лице Стюарта, научное мышление "сводит свои счета" с предпосылочным знанием о предмете. Необходимо было исчерпать возможности этого старого знания, задача, которую фактически перевыполнил Стюарт своим преодолением меркантилизма (несмотря на субъективное иллюзорное представление исследователя о непреодолимости последнего). Отношение Стюарта даже к главному "фетишу" меркантилизма, к деньгам, коренным образом отличается от меркантилистского, что и подтверждается его высоко оцененными К.Марксом открытиями (существенных определенностей форм денег и общих законов денежного обращения). Непосредственное меркантилистское чувственное схватывание натурального качества денег у Стюарта не просто исчезает, но и заменяется идеализированным абстрактно мыслительным предметом математического характера. Рассудочное отрицание чувственности в понимании денег достигает у Стюарта наиболее развитой формы: вместо натуралистической созерцательности выдвигается сконструированная "чисто"мыслительная абстракция. В этом смысле преодоленная Стюартом количественная теория денег, по характеру и уровню абстракции стоит ближе к меркантилистскому представлению. В этом парадоксе выявляется противоречивость процесса познания в начале формирования науки.

В понимании современного ему (относительно зрелого) предмета Стюарт достигает отрицательного, апофатического определения источника самовозрастания сущности. Существенное, сущность в собственно мыслительной форме выступает здесь чисто негативно, через отрицание несущественного, через фикса

ние того, в чем существенного, сущности нет. Такая форма абстрактно негативного определения сущности - закономерный акт мышления,двигающегося к выявлению сущности в чистом виде.

"Исторические" исследования Стюарта отличаются более глубоким пониманием сущности и субстанции предмета по сравнению с его "логическими" исследованиями. Однако его гениальные догадки об историчности капитализма, об исторической определенности различных эпох общества даже не сопоставляются по существу с описываемыми и объясняемыми им явлениями капитализма, что неосуществимо в целостной форме в рамках рассудочного мышления с характерным для него противопоставлением настоящего и прошлого. Особенно важное значение имеют элементы - историзма в понимании субстанции. С ними связано и углубление подхода Стюарта к сущности начала предмета.

Стюарт, в отличие от других экономистов своего времени, не разделяет иллюзорного представления об идеализированном индивиде становящегося буржуазного общества как об исходном пункте исторического процесса. Наоборот, он стремится представить этого индивида и вообще буржуазное общество в качестве исторически возникающих. Таким образом, "Стюарт, который во многих отношениях находится в оппозиции к XVIII веку и, как аристократ в большей степени стоит на исторической почве, избежал этой ограниченности"*.

Система Стюарта ознаменовывает переломный момент в истории науки, особенно в ее британском направлении. По К.Марксу, "абстрактные категории политической экономии находятся у него еще в процессе отделения от их вещественного содержания и поэтому представляются неустановившимися и колеблющимися"**.

Процесс выделения абстракции аналитическо-индуктивным мышлением с одной стороны еще не завершен, с другой же стороны уже есть. Абстракции, с одной стороны, еще не отделились отчетливо от чувственности, от хаотического представления о целом, но, с другой стороны, они уже возникли и достигли известного уровня отвлеченности (хотя отдельно взятые абстракции находятся на разных уровнях отвлеченности). Именно здесь начинается формирование науки, преобразование возникшим (рассудочным) мышлением чувственности в более или менее систематическом виде. На этом уровне мышление осуществляет качественный и существенный переход к некоторому синтезу, к некоторой дедукции, приобретает некоторую оформленность в виде более или менее устойчивых формообразований. Его дальнейшее движение осуществляется в системах и через системы. Система Стюарта - это первая, построенная на основе еще не "очищенных" от чувственности категорий, британская система. В ней рассудочное мышление уже нашло определенный выход за пределы чувств, осуществило известное отрицание чувственного, оставаясь при этом в некоторой слитности, в некотором тождестве с чувствами. Рассудочное мышление продолжает анализ, разделение, расчленение, но поскольку оно может быть абсолютно абстрактным, абсолютно анализирующим, оно переходит к некоторому синтезу, определяемому главным, аналитическим направлением. Поскольку же анализ, разделение, расчленение и т.д. еще не завершилось, поскольку это синтезирование характеризуется непосредственным тождеством чувственного многообразия созерцания. Синтез здесь не спирается на некоторый исходный принцип, поэтому предмет и

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 18.

** Там же. Т. 13. С. 44.

системе подвергается внешней классификации главным образом созерцательного характера. Тем не менее, даже такая классификация позволяет охватить объект более или менее полно, хотя и с поверхностной, в основном еще чувственной точки зрения, подготавливая тем самым теоретические предпосылки для появления рассудочных систем о предмете на основе уже внутренних связей.

Движение познающего мышления от хаотического представления о целом к абстрактному еще не завершено, абстракции здесь еще "борются" с чувственностью. Тем не менее, результаты процесса познания, полученные знания фиксируются исследователем и излагаются с определенной систематичностью, для которой характерна статика и неподвижность фиксируемых абстракций (состояний абстракций) и наглядных представлений. В этом смысле движение познающего мышления и оформленность достигнутых знаний, метод и система тождественны, постольку, поскольку вторая есть "срез" состояния первого. Однако, поскольку движущееся разлагающее, расчленяющее, анализирующее мышление само выступает в виде расчлененных, относительно обособленных мыслей, находящихся в процессе абстрагирования, в их сосуществовании и слитости с чувственными представлениями, то система здесь выступает в виде скопления отдельных (чувственных, мыслительных и смешанных) познавательных актов, которые в данный момент берутся как результирующие, без различий к их характеру. Таким образом, система играет здесь роль как бы консервирования достигнутого познающим мышлением уровня, выступает прежде всего в статике, в качестве вневременного конструирования этого уровня, и, изложенная в этом виде, представляется приобщающемуся к науке человеку, как продукт со своей этикеткой. Метод же, познающее мышление в действии, представляя именно движение, развитие, углубление знаний, в своем стремлении к завершению рассудочного абстрагирования, выводит за пределы достигнутой системы знаний, преобразовывая тем самым и само себя. При всем влиянии случайных и внешних причин, особенно на начальных ступенях становления науки, закономерность, необходимость магистральный путь развития науки уже есть. Правда, этот путь не может быть отчетливо познан самими исследователями в эпоху становления науки. Такое познание возможно только *post festum* с точки зрения разбитой теории.

Целесообразно остановиться немного на отношении последующих исследователей к Стюарту. К.Маркс писал, что "Стюарт оставался "мертвой собакой" еще в большей степени, чем Спиноза казался Моисею Мендельсону во времена Лессинга"* . Даже Адам Смит "только регистрирует результаты исследований Стюарта как мертвые факты"** , не упоминая об источнике, не говоря уже о вульгаризаторе - реакционере Мальтусе, первое издание работы которого о "народонаселении" "почти целиком списано у Стюарта"*** . Если учесть острую полемику против меркантилизма у Адама Смита и у последующих представителей классической буржуазной политэкономии, игнорирование ими научной деонтологии по отношению к этому последнему "меркантилисту" более или менее объяснимо. По вполне объяснимым соображениям паразитирующим на творчестве настоящих исследователей вульгаризаторы на-

* См. : Всемирная история экономической мысли. Т.1. М. 1987. С.426-427.

уки замалчивали вклад Стюарта. Сложнее обстоит дело с современными историками экономической мысли, которые по-прежнему относятся к нему как "мертвой собаке". О нем, даже в претендующих на марксистский подход трудах по истории экономической мысли, либо совсем не упоминают, либо пишут таким образом и в таком объеме, что в результате в сознании читателя складывается впечатление о полном произволе и "ненормальности" этого "последнего меркантилиста". Например в последнем многотомном издании по истории экономической мысли, "последнему меркантилисту" (именно так характеризует Стюарта Р.М.Нуреев) посвящена всего одна страница, в которой основная информация вытекает из двух отобранных цитат К.Маркса. Согласно автору, Стюарт "вышел за рамки меркантилистской системы" и не относится к классикам буржуазной политэкономии!* Действительно, вне-теоретического, методологического рассмотрения внутренней закономерности истории науки явления типа Стюарта кажутся эмпирическому мышлению совершенно произвольными и случайными (подробнее о подходах к истории науки будет сказано позже). Это такие "явления" которые, нарушая временную, хронологическую последовательность, не укладываются в шаблонные внешние классификации историко-научного "материала"*, демонстрируя своим упрямством, что закономерность становления научного мышления "не идет по учебникам"... Несмотря на усилия "историков", творчество Стюарта остается фактом для историко-научного и методологического исследования требующего не только кое-какого описания, но и теоретического объяснения.

 * Внешняя классификация в указанном выше сочинении стражается в том, что по каким-то странным соображениям страницей, посвященной Стюарту завершается глава о критиках меркантилизма...

§ 2. Попытка определения сторон предмета на основе конкретной формы субстанции. Рас- судочная система на неадекватной основе: Физиократы

Процесс возникновения нового органического целого есть, одновременно, и процесс разложения старого органического целого, в недрах которого образовались предпосылки нового. В этом случае становление нового целого с одной стороны выступает как отрицание старого, в его отличии от старого, с другой же стороны оно переплетено с отрицаемым им целым, выступает в слитости с последним. Именно эта сторона процесса формирования капитализма обуславливает, в конечном счете, систему физиократов и ее специфику.

Физиократия возникла в середине XVIII века во Франции, т.е. во все еще отсталой и главным образом аграрной стране, накануне Великой Французской Буржуазной Революции. Франция тогда переживала поздний этап запоздавшего перехода от феодализма к капитализму. Мануфактурное производство уже распространилось и укрепилось, хотя экономическая политика кольбертизма сильно дискредитировала его. Развитию и распространению физиократической системы способствовал и крах, банкротство финансовой системы Ло, после чего, по словам А.Бланки "одна лишь земельная собственность уцелела в этой буре"*.

Система, созданная физиократами и прежде всего Кенэ является, по К.Марксу, "первой систематической концепцией капиталистического производства"**, существенная заслуга которой состоит в том, что она в пределах буржуазного кругозора дала анализ капитала***. Физиократия выступает как такая переработка знаний, накопленных предшествующим процессом познания, которая приводит к качественно и существенно новому этапу познания. "Родственные физиократам идеи встречаются в фрагментарном виде у предшествовавших им старых писателей, как, например, отчасти в самой Франции у Буагильбера. Но только у физиократов эти идеи становятся системой, означающей новый этап в науке"****. Таким образом, первая научная система, начиная с которой процесс познания переходит к стадии своего формирования, образовалась путем осмысления унаследованного знания, путем систематизации уже возникших фрагментарно абстракций, в связи с дальнейшим углублением познания сущности предмета.

Ключевое значение в исследовании физиократов имеет взгляд на стоимость рабочей силы "как на нечто фиксированное, как на заданную величину, какой она практически и является в каждом определенном случае!****". Поэтому для них "жизненные средства (хлеб и т.д.) придают труду стоимость, а не труд придает стоимость жизненным средствам"*****. Уже здесь действительное ст-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 36.

** . Там же Т. 24. С. 405.

***. Там же. Т. 26. Ч.1. С. 12.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 21-22.

*****. Там же. С. 13.

*****. Там же Т. 48. С. 519. Этот взгляд на "труд", в той или иной форме сопровождает дальнейшее развитие буржуазной политической экономии.

ношение переворачивается, определяющее выступает в качестве определяемого, причина как действие и обратно. Не уяснив себе природы сущности начала предмета, просто фиксируют стоимость этого специфического товара (рабочей силы) в его выражении в цене необходимых жизненных средств, в некоторой сумме-минимум определенных потребительных стоимостей, которая практически довольно долго выступает как данная и неизменная величина, всецело определенная природой. Таким образом, упускается из виду природа субстанции и ее характер, субстанция выступает как заданная изначально, внеисторически.

Физиократы "перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства,"*, т.е. перенесли исследование происхождения сущности предмета из сферы непосредственности, явления в сферу непосредственно сущности. Следует отметить, что это перенесение исследования на уровень сущности предмета не имеет уже эпизодического, фрагментарного характера, а лежит в основе системы их взглядов, превращается в основополагающий принцип. С этим связано и то, что они "совершенно правильно выставляют то фундаментальное положение, что производитель только такой труд, который создает прибавочную стоимость, т.е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта"**. Правда, поскольку физиократы не свели еще сущность начала вообще (безразлично к вещественной форме вещи) к ее простой субстанции, к количеству этой конкретно-исторической субстанции, прибавочная стоимость не выступает у них в виде неоплаченного капиталистом избытка труда. Но так как они уже отличают предмет от всеобщего эквивалента сущности его начала, предмет выступает у них более отчетливо в качестве отношения, в его всеобщности. "Поэтому-то они и рассматривают отношение между наемным трудом и капиталом само по себе; рассматривают его не так, как оно само выступает в качестве момента простого обращения, а, наоборот, рассматривают это отношение как предпосылку простого обращения, которая в качестве таковой постоянно вновь восстанавливает себя из самого обращения. Следовательно, они являются отцами современной политической экономии"***.

Способ изложения предмета у физиократов - отражающий их представление о взаимосвязи сторон предмета - необходимым образом определяется, по К. Марксу, их общим взглядом на природу сущности начала вообще, "которая в их понимании не есть определенный общественный способ существования человеческой деятельности (труда), а состоит из вещества, даваемого землей, природой, и из различных видоизменений этого вещества"****. Это происходит потому, что различие между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы, "ни в одной отрасли производства не выступает так осязательно и бесспорно, как в земледелии, этой первичной отрасли производства. Сумма жизненных средств, потребляемых рабочим из года в год, или масса вещества, потребляемая им, меньше той суммы жизненных средств, которую он производит. В

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 14.

** . Там же.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С. 284.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 14.

промышленности непосредственно не видно вообще ни того, что рабочий производит свои жизненные средства, ни того, что сверх них он производит еще избыток. Процесс здесь опосредован куплей и продажей, различными актами обращения, а для его понимания необходим анализ стоимости вообще^{*}. В земледелии же этот процесс нагляден в его вещественной форме и, в определенной мере, его понимание доступно, даже если сущность начала сводится к бытию начала предмета, а последнее к веществу вообще. Таким образом, у физиократов, "прибавочная стоимость проистекает ... не из труда как такового, а из силы природы, используемой и управляемой трудом, - из земледелия"^{**}. Поэтому для физиократов "земледельческий труд есть единственный производительный труд, так как, по их мнению, это единственный труд, создающий прибавочную стоимость, а земельная рента есть единственная форма прибавочной стоимости, известная им"^{***}. Но, таким образом, у физиократов производительный труд (центральное понятие в их взглядах) обеспечен только благодаря "автоматизму" природы; промышленный же труд выступает у них как непродуцируемый труд, а промышленность вообще - в качестве придатка сельского хозяйства.

Ход мысли у физиократов примерно следующий: они не останавливаются на вещественной форме, на бытии начала предмета, отвлекаются от сферы явления предмета (от обращения) и ищут порождающую причину этих вещественных форм в одной отрасли производства, в земледелии. При этом порождающая причина, субстанция (производительный труд) рассматривается только в одной ее конкретной форме, в форме земледельческого труда. Мышление еще не в состоянии различить конкретную форму субстанции вообще, создающей сущность вещей^{****}. Однако это различие, несмотря на то, что не осознается, фактически уже в первой системе формирования науки имеет место постольку, поскольку мышление в результатах этой субстанции рассматривает в основном количественную сторону, количественные пропорции. Но и в этом рассмотрении мышление еще не отрывается от непосредственности вещей. Стоимость (сущность начала предмета) сводится к потребительной стоимости (к бытию начала), следовательно, к веществу. "Но в то же время в этом веществе физиократы интересуют только количественная сторона ... только количественное отношение потребительных стоимостей друг к другу, только их меновая стоимость, которая в конечном счете сводится к рабочему времени"^{*****}. Итак, несмотря на то, что конкретная форма субстанции еще не отличается сознательно от субстанции вообще, фактически это различие уже имеется в зародышевой форме, поскольку из количественного соотношения вещей выделяется внешне определенное количество, указывающее на внутренне определенное количество и на величину существенного тождества. Соответственно этому взгляду на сущность начала предмета (товара), и сущность специфического товара "рабочая сила" сводится к суммарному потребителю стоимостей, к заработной

*. Там же. С. 14-17.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С. 284.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 17. См.: там же. Т. 46. Ч.1. С. 40.

****. См.: Вазклин В.А. Логика "Капитала" ... С. 126.

***** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 73.

плате, т.к. превращенной форме стоимости рабочей силы в ее вещественной данности. Один из модусов предмета, одна из форм, на которые распадается атрибут предмета, и в которой предмет в целом выступает на поверхности - земельная рента - рассматривается как единственная, всеобщая и определяющая форма существования предмета вообще. Здесь мы имеем дело с характерной на ранних этапах познания предмета экстраполяцией достигнутого мышлением знания. Одна из сторон предмета (земледельческий капитал) и производящая ее конкретная форма субстанции воспринимаются познающим сознанием как предмет вообще, т.е. особенное, специфическое выступает для сознания как всеобщее. Следовательно, первая система науки не постигает поэтапно предмет и сущность предмета (от простого к сложному, от определяющего к определяемому и т.д.). Наоборот, поскольку предпринимаемый ею анализ определяется предыдущим и продолжающимся аналитическим ходом мысли, предмет, его сущность, постигаются сначала именно в их сложной форме, объективная видимость простоты и всеобщности которой усиливается ее исторической первичностью, устойчивостью и осязаемостью, наглядностью ее функционирования. Поэтому, физиократы "рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме... В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент"*.

При историческом подходе к проблеме земельной ренты обнаруживаются две исторические последовательности. Первая: докапиталистическая земельная рента (оброчная, отработочная, и при загнивающем феодализме, с которым имели дело физиократы, - денежная) - промышленный капитал; вторая: промышленный капитал - капиталистическая земельная рента. Первая последовательность (точнее, последовательность: денежная феодальная рента - промышленный капитал) есть последовательность возникновения сущности данного предмета из предыдущего целого, вторая - последовательность преобразования: уже возникшей сущностью сторон ("обломков", "элементов") ранее существовавшего предмета, их превращение ею в свои модусы. Логическая последовательность рассмотрения модуса в зрелой теории о зрелом предмете воссоздает в "чистом" виде вторую из названных исторических последовательностей, которая оказывается прямо противоположной первой, и осуществляется в случае действительности предмета. Рассмотрение же первой последовательности потребовало бы специального исторического - в отличие от логического - рассмотрения возникновения капитализма из него феодализма**. Казалось бы, физиократы занимаются именно этим конкретнo-историческим рассмотрением. Дела обстоит сложнее. Они в известной мере фактически рассматривают вторую последовательность, (поскольку возникшая сущность преобразовала унаследованную основу) в таком виде, что атрибут играет роль модуса и наоборот. Для них именно земельная рента как основная и определяющая форма движения капитала захватывает промышленный капитал в орбиту своего движения и превращает

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 43.

** . О соотношении исторического и логического при рассмотрении атрибута и модусов см.: Вазюлин В.А. "Логика "Капитала"... С. 283-291; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч.1. С. 314-315.

его в форму своего проявления. При этом познающее мышление представляет, что имеет дело исключительно с первой последовательностью, в качестве неизменной данности. Конкретно-историческая объективная видимость, в которой выступает на поверхности предмет в эпоху физиократов, обуславливает возникновение этой двойной иллюзии.

Итак, первая система, возникающая на стадии формирования науки, рассматривает стороны внутренней структуры предмета в последовательности, обратной последовательности рассмотрения сторон предмета в логическом рассмотрении зрелого предмета методом восхождения от абстрактного к конкретному. И это происходит потому, что она: 1) сводит вторую из вышеуказанных последовательностей к первой, 2) переворачивает соотношение атрибута и модуса, и 3) сводит сферу сущности самой по себе к действительности предмета.

К. Маркс перечисляет и другие мотивы, объясняющие точку зрения физиократов: 1. Земельная рента (в качестве "прибавочной стоимости сверх прибавочной стоимости) - это наиболее осязательная и наиболее бросающаяся в глаза форма прибавочной стоимости, и в этом смысле она представляла наиболее подходящую для дальнейшего углубления познания сторону сущностных отношений. 2. При отвлечении от внешней торговли (исключительного объекта меркантилизма), - что необходимо для рассмотрения экономической жизни отдельной страны в "чистом виде" - земледельческий труд составляет "естественную основу" для производства прибавочной стоимости как в отрасли земледелия, так и во всех остальных отраслях. С исторической точки зрения земледельческий труд составляет также широкую "естественную основу" для процесса преобразования всех сторон целого новой возникшей сущностью. Следовательно, эта конкретная (в смысле ее качественно-пространственной чувственной воспринимаемости, а также в отличие от ее количественно-временной определенности) форма субстанции естественно воспринимается как субстанция, порождающая сущность предмета вообще. Это происходит "пока вообще субстанцией стоимости считался определенный конкретный труд, а не абстрактный труд - его мера, рабочее время"*.

3. Производительность в отрасли, служащей исходным базисом для развития капитала, кажется даром природы, производительной силой природы в силу "автоматизма" природы. В промышленности же "это использование сил природы в крупном масштабе появляется только с развитием крупной промышленности"**. Этот взгляд усиливается еще и допущением о некоторой минимальной данности производительности (земледельческого) труда, обслуживающей в качестве "естественного базиса" возможность и необходимость прибавочного труда и прибавочной стоимости, что соответствовало в общем и целом состоянию предмета исследования физиократов. Речь идет об имеющем место в истории становления предмета известном слиянии и "совпадении" двух форм сущности. Исторически сущность предмета возникнув, первоначально наследует предпосылки предшествующего развития, не преобразуя их. Поскольку производство прибавочной стоимости осуществляется тогда при унаследованных, неизменных общественных и технических условиях, производительность труда (особенно в земледелии) выступает как данность. "абсолютная при-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 19.

** Там же.

бавочная стоимость совпадает здесь с относительной"*, и, следовательно, воспринимается познающим сознанием в непосредственно-натуральной, вещественной форме. 4. Физиократия (в противоположность монетарной и меркантилистской "системы") выводит сущность начала предмета (стоимость) и сущность предмета (производство прибавочной стоимости) не из поверхности, не из явления (обращения), а из сущности предмета (из производства). Начинает, следовательно, "по необходимости с той отрасли производства, которую вообще можно мыслить обособленно, независимо от обращения, от обмена, и которая предполагает не обмен между человеком и человеком, а только обмен между человеком и природой"**.

С вышеуказанными обстоятельствами связаны противоречивость и антиисторизм физиократической системы. Она "выступает скорее как буржуазное воспроизведение феодальной системы, господства земельной собственности... феодализм изображается и объясняется здесь *sub specie* буржуазного производства, а земледелие трактуется как та отрасль производства, в которой только и имеет место капиталистическое производство, т.е. производство прибавочной стоимости. В то время как феодализм благодаря этому приобретает буржуазный характер, буржуазное общество принимает феодальную видимость"***. Новая сущность, возникающая в недрах старого общества, относительно укрепившись, постепенно преобразует все стороны целого. Поэтому (особенно у Тюрго), "физиократическая система выступает как выражение нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества"****. Вполне закономерно, что эта система возникает именно во Франции, "в стране преимущественно земледельческой, а не в Англии, стране, где преобладает промышленность, торговля и мореплавание. В Англии взор естественно направлен на процесс обращения, на то, что продукт приобретает стоимость, становится товаром лишь как выражение всеобщего общественного труда, как деньги"*****. В первой британской системе внимание сосредотачивается именно на этой количественной стороне обращения, источник же сущности указан Стюартом в "логическом" плане лишь отрицательно. Но когда центр исследования переносится на сферу сущности предмета, на сферу собственно производства, "то необходимо прежде всего обратится к той отрасли труда, где она (прибавочная стоимость .- Д. П.) выступает наружу независимо от процесса обращения, т.е. к земледелию. Поэтому инициатива в этом отношении была проявлена в стране, где преобдало земледелие"*****. В определенном смысле, в ранних формах научного постижения предмета, образно говоря, сама действительность того времени "диктует" направленность исследования предмета, "приводит" к нужным для углубления познания абстракциям. И в этом выражается обусловленность процесса познания уровнем развития и конкретно-исторической спецификой предмета исследования. С другой же стороны само движение становящегося процесса познания "пробивает себе дорогу" в многообразии наличного созерцания, которое по

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 19.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 20.

***. Там же. С. 20-21.

****. Там же. С. 21.

*****. Там же.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 21.

мере приобретения внутренней определенности все более избирательно относится к этому многообразию, "перемещаясь" для этого даже в географическом пространстве.

Исходным пунктом "берется феодальный земельный собственник, но он выступает как капиталист... В качестве товаровладельца он противостоит свободному рабочему. Другими словами, этот земельный собственник является по существу капиталистом". И это, в известной мере, отражает необходимый процесс отделения работника от земли и от земельной собственности как необходимое условие возникновения предмета. Но поскольку мышление останавливается на этом процессе как на состоянии, как на данности, земельная рента (один из модусов), с одной стороны, отождествляется им и с прилагочной стоимостью вообще (с сущностью предмета), с другой стороны, выводится "в феодальном духе" из природы, а не из общества, из отношения к земле, - что соответствует объективной видимости феодальных отношений, где естественно возникшие отношения еще не полностью преобразованы общественными и "непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства"**. Маркс отмечает, что даже "сам капитал в средние века - в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал, - имеет в виде традиционных орудий ремесла и т.д. этот землевладельческий характер"***. Но и "во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой"****. Поэтому, в земледельческой стране, из-за "традиционной прикованности к вполне определенной работе"***** и связанной с ней "сращенностью ... между определенными индивидами и определенными видами труда",***** историческая определенность субстанции "выступает как природой данное предрасположение"*****.

Однако, физиократы "кроме этого анализа вещественных элементов, из которых состоит капитал, в пределах процесса труда... исследуют те формы, которые капитал принимает в обращении (основной капитал, оборотный капитал, хотя термины, употребляемые физиократами, еще иные), и вообще устанавливают связь между процессом обращения и процессом воспроизводства капитала"*****. Речь идет о знаменитой таблице Кенэ, в которой, на основе физиократического представления о сущности предмета и о порождающей ее причине, предпринимается попытка установления зависимостей между сущностью предмета и сторонами явления и даже действительности предмета. При этом предмет рассматривается как процесс самопорождения. "На самом деле это была попытка представить весь процесс производства капитала как процесс воспроизводства, а обращение - только как форму этого процесса воспроизводства; денежное обращение - только как момент обращения капитала; вместе с тем это была попытка включить в этот процесс воспроиз-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 22-23.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 97.

***. Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 44.

****. Там же.

*****. Там же. С. 47.

*****. Там же С. 41.

*****. Там же.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 26. Ч. 1. С. 12-13.

изводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом, отношение между воспроизводительным и окончательным потреблением, а в обращение капитала включить обращение между производителями и потребителями... это была попытка представить в качестве моментов процесс воспроизводства обращение между... производством сырья и промышленностью, - и все это в одной "Таблице", которая фактически состоит всего лишь из пяти линий, связывающих шесть исходных точек или же точек возврата". В этой попытке, предпринятой в период первого, по сути дела, исследования сущности предмета, в зародышевой форме схвачены внутренние отношения сторон предмета как целого, в их единстве, удивительно глубоко предвосхищаются контуры дальнейшего развития политэкономических исследований. В "таблице" особое внимание уделяется обращению капитала, (явлению предмета): кругообороту капитала (существованию), обороту (явлению), воспроизводству и обращению всего общественного капитала (существенному отношению); Рассматриваются также и моменты процесса капиталистического производства, взятого в целом (действительность предмета). Естественно, выделяемые здесь стороны и отношения предмета не представлены в чистом виде. Этот замысел носит следы односторонности, неопределенности и ограниченности физиократического взгляда на предмет, о которых было сказано выше, что отражается между прочим в упущении из поля зрения тех или иных сторон предмета, например, не рассматривается прибыль, в сводящих и смешивающих искажениях других и т.д. Однако различение отдельных категорий - сторон предмета уже здесь достигает высокого уровня. Кенэ правильно изображает различия между основным и оборотным капиталом (правда еще в терминах: "avances primitives" и "avances annuelles") "как различие, существующее лишь в пределах производительного капитала, т.е. капитала, включенного в непосредственный процесс производства",** относя его только к фермерскому капиталу. Тюрго же распространяет это различие и на область "мануфактуристов". С помощью этих категорий уже в "таблице" фиксируется единство, тождество, постоянство в сменяющих друг друга проявлениях предмета, опережающее во многом последующее развитие познания предмета. Конечно такое отображение предмета характеризуется, среди прочего, общей ограниченностью "табличного метода" в науке. Речь идет, главным образом, о рассудочном членении предмета, о классификации сторон и их отношений в качестве данных, "на одной плоскости". Рассудочное отрицание непосредственности живого созерцания как бы восстанавливает "табличным" образом взаимосвязь достигнутого расчленения сторон предмета, прибегая именно к наглядности, к образности одноплоскостного представления некой "таблицы"; т.е. возникшее мышление, в его рассудочной форме, в форме отрицания чувственности, выставляет здесь достигнутые своей деятельностью результаты (абстракции, категории и т.д.) с помощью именно наглядно-образного схематизма и, в том смысле, с помощью своего антипода, с помощью некоторой чувственной непосредственности. Однако, это уже не первоначальная чувственность процесса познания. Такой способ отображения сторон

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 345,
 **. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 212.

предмета с необходимостью возникает на уровне формирования науки, позволяя рефлексирующему помимо прочего и с помощью образов мышлению уловить моменты переплетения сторон предмета (в данном случае - "переплетение метаморфозов индивидуальных капиталов друг и другом и с общим товарным обращением".* Реальная возможность такого приема в истории науки создается с возникновением системообразующей деятельности рассудочного мышления, т.е. главным образом на стадии формирования науки. Конкретно-исторические формы реализаций этой возможности, создаваемой из внутренней определенности познавательного процесса, и характер этих реализаций, во многом зависят от индивидуальных способностей конкретного исследователя, что, в данном случае, подчеркивает "гениальную смелость доктора Кенэ" ** на фоне даже последующего развития познания. Гениальность того или иного исследования выражается в том, каким образом и в какой степени он развивает науку, оптимальным образом используя закономерные возможности конкретно-исторической теоретико-познавательной ситуации в рамках которой он включается в исследовательную деятельность. Гениальность Кенэ выражается еще и в том, что его "таблица" не ограничивается лишь "сухим" и неподвижно рассудочным отображением сторон предмета. В ней намечаются в зародышевой форме еще и некоторые элементы второго отрицания процесса познания, разумно-мыслительного отображения предмета. Это выражается, между прочим, в следовании исходным принципам и достигнутым абстракциям, в стремлении отображения некоторого опосредования сторон и процессов (обращение как момент), в отображении самодвижения процесса в качестве самопорождения (даже термин "воспроизводство" вводится в научный оборот именно Кенэ) и т.д. "Эта попытка, сделанная во второй трети XVIII века, в период детства политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия" *** . Поэтому, по Марксу, в произведениях Кенэ находят свое подтверждение "всемирно-историческая революционная сила и размах" французского духа. Однако, эта гениальная идея настолько опередила свое время, что оставалась фактически вне поля зрения современников и последующих крупных экономистов, вызывая у них даже иронию **** . Даже Адам Смит, не смотря на воспринятые им у физиократов воззрения, дает их достижениям "до нескромности скромную оценку" ***** . Новое знание, а тем более революционизирующие науку идеи, воспринимается в основном скептически. В силу определенного консерватизма, первая реакция на новое знание, заключается в поспешной его квалификации, в его сведении к той или иной разновидности уже известного старого знания (как это имело место в безоговорочном отнесении Стюарта к меркантилистам, как это имеет место до сих пор, с интерпретацией Маркса как всего лишь разновидности рикардизма или гегельянства и т.д.). Скептическое отношение к новому знанию, новому направ-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 50.

** . Там же.

*** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч.1. С. 345.

**** . Там же.

***** . Там же. С. 346.

лению в науке, новой школе, когда "наука лишена общепонятности и кажется находящейся в эзотерическом владении нескольких отдельных лиц"* выражается и в ее игнорировании, в своеобразном "заговоре молчания" так называемого научного сообщества. Обычно же, "первая реакция знания, когда оно сталкивается с чем-то ранее ему не известным, состоит в такого рода враждебном приеме, который оно оказывает, имея в виду спасти свободу и собственное воззрение, защитить собственный авторитет от чужого (ибо в этом облике предстает то, что сейчас впервые воспринято), - а также с целью скрыть тот ложный стыд, который будто бы заключается в том, что чему-то обучались"**. Только К. Маркс дает объективную оценку этому великому замыслу, этому великому открытию доктора Кенэ***.

"Табличный" способ отображения сторон предмета, при всей его ограниченности, играет на стадии формирования науки большую эвристическую роль. Значительную роль играет этот способ и при изложении тех или иных сторон в качестве подчиненного момента в контексте целостного отображения предмета в развитой теории, а также в педагогических целях, при популяризации тех или иных научных положений. Однако, если познающий субъект ограничивается лишь этим способом, или тем более когда последний (аналогично современным тенденциям буржуазной вульгарной политической экономии) провозглашается "единственно научным", тождественным научности вообще методом, тогда речь идет, как минимум, о принципиальной ограниченности мышления рамками рассудочной наглядности схематизма.

Если "таблица" Кенэ представляет собой первый рассудочный синтез в истории науки политической экономии капитализма, то второй синтез (осуществленный почти одновременно с первой британской системой) физиократии осуществил Тюрго. Его "Размышления о создании и распределении богатств" изложенные в виде 100 тезисов, своего рода экономических теорем. Здесь, по К. Марксу, "физиократическая система приняла наиболее развитый вид. Местами у него "чистый дар природы" представлен даже как прибавочный труд, а с другой стороны, существующая для рабочего необходимость отдавать то, что превышает потребную для жизни заработную плату, объясняется отделением работника от условий труда, которые противостоят ему как собственность класса, превратившего их в предмет купли-продажи"****. До теоремы 31 включительно, Тюрго излагает физиократические воззрения, проявляя элементы более глубокого анализа капиталистических отношений, так как он "выводит прибавочную стоимость не просто из обмена товара на товар, а из того обмена, который в пределах самого производства происходит между собственниками, условий труда и рабочими"*****. В следующих 17 теоремах ограниченность физиократического натурализма в истолковании начала предмета и его сущности доводится Тюрго до своего "логического" конца, до субъективизма. Меновая стоимость и цена товара ставятся им в прямую зависимость от соотношения потребностей и от интенсивности индиви-

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа ... С. 6-7.

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа ... С. 31.

***. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 404-405 и др.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1, С. 25.

*****. Там же. С. 29.

дуальных желаний агентов товарного обмена. Здесь отчетливо отражается ограниченность французского направления политэкономического мышления. В этом антиподе грубого натурализма и субъективного психологизма найдет с конца XIX века "операционный базис" целое направление вульгарной политической экономии ("теория" предельной полезности).

Далее, Тюрго конкретизирует сформулированное уже у Кенэ физиократическое представление о классовой структуре общества. Если по Кенэ общество состоит из трех классов граждан: "производительный класс" (земледельцы), "класс земельных собственников" и "бесплодный класс" (все прочие),* то Тюрго уточняет это членение, разделяя последний из названных классов на "предпринимателей - мануфактуристов", "хозяев-фабрикантов" и на простых ремесленников, которые не имеют ничего, кроме своих рук".** Тюрго дополняет критерии членения общества, частично преодолевая физиократический предрассудок о принципиальном разграничении промышленности и земледелия, подготавливая тем самым предпосылки для сосредоточения внимания экономического мышления на отношении к средствам производства, как главному критерию классового расчленения общества.

Тюрго проявляет элементы более глубокого анализа капиталистических отношений. Хотя он не раскрыл тайну прибавочной стоимости, он в известной мере осознавал специфически буржуазный, товарно-денежный характер капиталистической собственности в отличие от феодальной. Ему "все же было ясно то, что прибавочная стоимость есть "такое богатство, которым он" (владелец богатства) "может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает"***. Если Кенэ толковал собственно капитал как полностью положенный земельной рентой элемент, его носителей как "бесплодный класс" и совсем не рассматривал прибыль, то Тюрго в своих "Размышлениях" идет даже на нарушение физиократической иерархии в последовательности рассмотрения сторон предмета, излагая сначала положения о промышленном капитале. При этом предмет рассматривается в качестве обладающего способностью к самовозрастанию. Однако тенденции к преодолению ограниченности физиократических взглядов сосуществуют у Тюрго с традиционно физиократическими представлениями. Так, наряду с элементами понимания определяющей и всеобщей роли атрибута (прибыли) по отношению к модусу (земельной ренте), в том же произведении излагается и прямо противоположный взгляд об определяющей и основной роли модуса. Эта противоречивость не осознается исследователем.

Особый интерес с методологической точки зрения представляет способ изложения системы у Тюрго. Аналитическое мышление от стадии формирования науки для систематизации достигнутых знаний прибегает к методу изложения и постановки вопросов так называемых аналитических наук. С помощью такого аксиоматически-дедуктивного способа изложения достигается определенная форма систематизаций знаний внешним по отношению к предмету (к органическому

*. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М. 1960. С. 350.

** Тюрго А.Ф.М. Избранные экономические произведения. М. 1961. С. 129.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 543.

целому) способом, придающим положениям некоторую видимость логической последовательности и доказательности. Гегель отмечает, что "так как определенность предмета и отношений есть положенная определенность, то дальнейшие действия над ними также совершенно аналитичны, и в аналитической науке имеются поэтому не столько доказуемые положения, сколько задачи. Аналитическое положение содержит задачу уже как решенную самое по себе, и совершенно внешнее различие, присущее тем двум сторонам, которые она полагает равными друг другу, столь не-существенно, что такое положение должно было бы показаться тривиальным тождеством",* поскольку каждая задача "заклучает в себе содержание и указывает на определенное действие, которое должно быть произведено над этим содержанием"**. Если в математических и математизированных науках аксиометрическая система и формальнологическое дедуцирование выступают в качестве единственно возможной и достаточной формы систематизации и доказательства соответствующей характеру абстрактно-идеализированных предметов и отношений которым они оперируют, то в науке, предмет которой - органическое целое, такой метод исследования и изложения навязывается предмету извне. Это происходит потому, что такой метод принципиально не способен отобразить внутреннюю органическую взаимосвязь и развитие предмета. С помощью такого метода познающее и систематизирующее результаты познания мышление подгоняет эти результаты, под формально-логическую связь, относясь к ним как к чисто пассивным, данным и поддающимся такого рода систематизации. Поэтому такой метод принимает в науке об органическом целом главным образом демонстративный характер. Изложение "материала" осуществляется аналитически - демонстративным образом, путем развертывания очевидностей. Роль последних могут играть описываемые чувственные представления о предмете, рассудочно-мыслительные абстракции и становящиеся абстракции, еще не освобожденные от чувственной вещественности. Ко всему этому "материалу" рассудочное мышление относится одинаково, как к собственным идеальным конструкциям, как к полю приложения единственной признаваемой рассудком формы рационализации: формально-логического дедуцирования. Но это отношение противоречиво. С одной стороны, представляется, что эти результаты, этот "материал" суть чисто мыслительные конструкции (безразлично к уровню их очищенности от вещественного содержания). С другой же стороны они представляются очевидностями, т.е. фактически отождествляются со своим антиподом, с чувственной непосредственностью как данные. Поэтому и устанавливаемая между ними связь - формальна и непосредственна. Однако, рассудочное мышление стремится (пока оно развертывает и развивает закономерное направление науки) к достижению некоторого причинно-следственного объяснения, которое сводится им к аналитически исчерпывающему проявлению содержания понятий (состояния понятий) и представлений. Состояние достигнутых на этой стадии (субстанции) знаний придает этому изложению демонстративный характер, в котором переплетаются догадки о реальной связи фрагментарно выступающих знаний с интуицией (со-зерцате-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3... С. 250.

** . Там же. С. 251.

представляется непосредственной. И это закономерный способ перехода развивающегося познания к рассудочному синтезу, ибо "анализ становится синтетическим, если он приходит к таким определениям, которые уже не положены самими задачами. Но всеобщий переход от аналитического к синтетическому познанию вызывается необходимостью перехода от формы непосредственности к опосредствованию, от абстрактного тождества к различию. Аналитическое познание не идет в своей деятельности дальше определений вообще, поскольку они соотносятся с самими собой; но в силу их определенности их природа по существу своему такова, что они соотносятся с чем-то иным... если аналитическое познание и переходит к таким отношениям, которые суть не данный извне материал, а определения мысли, оно все же остается аналитическим, поскольку для него и эти отношения суть данные"*.

Рассудочная систематизация путем формально-дискуссивного дедуцирования фрагментарно данных положений сталкивается и с определенным "сопротивлением" "материала". Экономические "теоремы" Тюрго часто не отличаются от аксиом или от лаконично комментируемых афоризмов - постулатов, "обосновываемых" и представляемых в качестве принципов. Система, способ изложения у Тюрго отражает в определенной мере и состояние процесса познания, и форму движения познания на данной, субстадии, метод познания, поскольку в нем (в способе изложения) отражаются разные направления поисков (приводящих к сосуществованию взаимно исключаемых утверждений), состояние процесса очищения абстракции от их вещественного содержания и т.д. Тюрго стремится представить излагаемые им положения в качестве выводимости, пронизанных, положенных основными физиократическими принципами, что у него получается далеко не всегда. Однако эта систематизация стремится к охватыванию всех сторон предмета, даже если включение некоторых сторон (напр., прибыли) в рассмотрение приводит к противоречиям с основными принципами.

Здесь опытно-индуктивное, аналитическое познание переплетается с рассудочно-дедуктивным конструированием. Для последнего эталоном выступает аксиоматическая система геометрии. Именно такой метод стремился применить для изложения своих философских взглядов Спиноза (почт' за сто лет до основного труда Тюрго), который был убежден, что с помощью этого метода ум человека развивает дедуктивный процесс выводного знания, "как бы неким духовным автоматом"**. Однако, подобно автору "Этики", Тюрго вынужден был часто прерывать "геометрический способ" изложения различными отступлениями.

Как и во всех социальных теориях, исторические представления физиократов определяются их представлениями о структуре современного им общества. Феодальная видимость системы физиократов приводит их к некоторым отличным от своих современников-просветителей взглядам на историю. Они в феодальном духе провозглашают естественным и вечным общественное состояние людей, отказываясь от традиционнопросветительского понятия эстетического состояния (до общественного состояния). В отличие от просветителей, и прежде всего от Руссо, физиократы четко различают общество и государство, рассматривая законы первого как независимые от воли человека и второе как исторически возникшее и зависимое от воли и действия людей. Их "есте-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. ... С. 253-254.

**., Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. М. 1957. Т. 1. С. 349.

"естественное право" - это физиократически понятое хозяйственное право, это "право человека на вещи, пригодные для его пользования"*. Общественные законы установлены, по Кенэ, природой ("творцом"). Это "физические законы, которые устанавливают естественный порядок, наиболее выгодный для человеческого рода, и с точностью определяют естественное право всех людей, являются вечными, неизменными и несомненно лучшими законами, которые только могут существовать"**. Таким образом, физиократы относятся к капиталистической форме производства как к вечной и естественной. "Для них - отмечает К. Маркс, - буржуазные формы производства с необходимостью принимают вид естественных форм производства. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т.д. Это материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества"***. и в этом, несмотря на указанные выше отличия от просветителей, заключается внутреннее единство физиократии с просвещением, на которые указывал и Ф. Энгельс: "То, что было сказано нами о просветителях, применимо и к тогдашним экономистам. Новая наука была для них выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних исторически определенных отношений"****.

Именно это единство сблизило физиократов с энциклопедистами, что отражалось и в практических делах. Кенэ написал ряд статей для знаменитой "Энциклопедии" ("Фуермеры", "Зерно", "Население" и "Налоги"), хотя соответствующие феодальной видности религиозность и аристократизм, заставили его прекратить сотрудничество с "Энциклопедией". Однако, взаимное влияние физиократии и просвещения ощутимо и в других статьях "Энциклопедии". "Существуют только два истинных богатства, - отмечает Дидро в физиократическом духе, - человек и земля. Человек ничего не стоит без земли, а земля ничего не стоит без человека"*****. Но существовало и своего рода разделение труда между философами-просветителями и экономистами-физиократами. Французское Просвещение уделяет особое внимание политико-правовой проблематике; выработывая концепцию естественного права, "свободного и равноправного" частного лица гражданина как политико-юридического воплощения гражданского общества, т.е. абстракцию

*. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М. 1960. С. 379.

** Там же. С. 512.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1, с. 12.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 155.

*****. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. М. 1978. С. 87.

homo politicus . Среди "прирожденных прав" этого лица центральное место занимает свобода. Физиократы, с другой стороны, но в общем, в том же духе, вырабатывают понятие производящего человека, абстракцию homo oeconomicus , получившую последовательное раскрытие в английской политэкономической мысли. В основе этой абстракции лежит не свобода а личная собственность, из которой выводится прежде всего свобода конкуренции и антимеркантилистский лозунг: " laissez faire, laissez passer ". Дополнительность этих подходов, в рамках единого направления классического буржуазного мышления, позволяет нам рассматривать физиократию в качестве экономического направления французского Просвещения.

Возрастающее общественное неравенство выдвигается физиократами в качестве признака развитости общества. Выступая против равенства в качестве "естественного права", Кенэ прибегает к остроумной метафоре: "право на все походит на право каждой ласточки на всех летающих по воздуху мошек"*.

Тюрго выдвигает идею постепенного развития общества, выделяя стадии этого развития в соответствии с характером вещественных предметов удовлетворения потребностей, с характером производства и, наконец, - с характером собственности. От примитивной стадии людей, пытающихся растительной пищей и связанных кровными, патриархально-семейными связями, общество переходит ко второй стадии, к другой форме собирательства, к рыболовству и охоте ("к уменьшению живых существ"). Только на третьей стадии, на стадии развития скотоводства и пастушеского образа жизни, появляется классовое неравенство и усиливаются возникшие уже при охоте элементы власти. На последней стадии возникает земледелие, образующее основание "прочных и долговечных государств"** . Государство опирается на земельную собственность. Таким образом, физиократы, выделив вещественные формы существования капитализированного сельского хозяйства и вещество природы в качестве основной формы "естественного богатства", в отрыве от их конкретно-исторических общественных условий, воспринимают их в качестве внеисторических моментов, определяющих структуры любого общества. Даже при обращении к истории, в прошлом они "фиксируют" главным образом те или иные черты выделенных ими моментов структуры настоящего. Прошлое полностью положено настоящим, так как его стадиям приписываются, на них проецируются, экстраполируются те или иные черты знаний о настоящем. Прошлое, в этом смысле, конструируется умозрительно на основе представлений об идеализированном настоящем, как поступательное движение к этому настоящему, с изрядной дозой воображения.

Непосредственно относятся и к физиократии некоторые глубокие замечания Гегеля о французской философии, отождествляемой им с остроумием. Физиократия "берет извне готовыми явления и восприятия и рассуждает о них ... ставит себе целью сведения действий человека к его так называемым естественным влечениям; "в себе" (в данном случае сущность предмета. - Д.П.) носит форму чего-то природного, будет ли называться это природное эгоизмом, своекорыстием или благожелательной склонностью. Это учение требует, чтобы мы жили согласно природе;

*. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М. 1960. С. 333.

** . См.: Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М. 1937. С. 84.

но это "природа" не идет дальше общих выражений и изображений ...".* Положительное учение физиократов, как и просветителей, опирается на непосредственно ясные, убедительные истины человеческого здравого смысла. "Французы, + обобщает Гегель, - как бы бессовестно все прямо так и решили и систематически держались одной определенной мысли, - физиократической системы; ... Их метод заключается в том, чтобы развить свой взгляд, исходя из представления, из сердца"**.

Как отмечал К.Маркс, "историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей"***. На стадии формирования науки преобладает ход познания от сложного к простому, от чувственного конкретного к абстрактному, господствует индукция, анализ и т.д., в результате которых выделяются некоторые простые, абстрактно-всеобщие отношения. "Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего - труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т.д., - к государству, международному обмену и мировому рынку"****. Были в первой британской системе не выделялось еще положительно одно-единственное отношение - основа дедуцирования, то у физиократов систематизация, рассудочная дедукция осуществляется на основе одной конкретной формы субстанции и соответствующей ей формы сущности. Хотя у физиократов категории, лежащие в основе систематизации, более устойчивы и фиксированы, в них еще отражается "борьба" рассудочного абстрагирования с чувственностью, с вещественным содержанием. Поэтому они выступают как промежуточные состояния на пути к абстрактной всеобщности в чистом виде. "Содержание понятия есть поэтому нечто данное и случайное"*****, отмечает Гегель, поскольку познающее мышление занято поисками того, "какие определения содержания из тех многообразных качеств, которыми предмет обладает во внешнем наличном бытии, отбираются для понятия и должны составлять его моменты"*****. Неопределенность рассудочного мышления при этом его отборе возникает из-за отсутствия четко выделенного принципа, на основании которого выяснилось бы, "какие стороны предмета должны рассматриваться как принадлежащие к его понятийному определению и какие - как принадлежащие лишь к внешней реальности"*****, т.е. выяснилось бы какое свойство, сторона и т.д. из многообразия предмета играет существенную, определяющую роль, и вообще какова взаимосвязь сторон и свойств. "Но для этого еще нет никакого критерия, кроме самого наличного бытия. - Существенность свойства для дефиниции, в которой свойство должно быть положено как простая, неразвитая определенность, - это его всеобщность. Но всеобщность в наличном бытии

*. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. кн. 3-я. Соч. Т. XI. М.Л. 1935. С. 384-385.

** . Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. М.Л. 1935. С. 386.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 43.

****. Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

*****. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 256.

*****. Там же.

*****. Там же. С. 256-257.

чисто эмпирическая"*, - заявляет довольно категорично Гегель. И действительно, познающее мышление выделяет всеобщность субстанции, как простейшую, проистекающую "из сравнения с другими конкретными целыми и потому не выходящую за пределы того, что присуще им всем"**. В результате этого рассудочного сравнительного анализа (в прошлом и настоящем) выявляется некий "целостный облик", эмпирически представленный в качестве общей основы. Задача рефлексии познающего мышления заключается в том, чтобы "объединить его в простое определение мысли и постичь простой характер такой целокупности"***. Однако подтверждение правильности, адекватности этих мыслительных операций окончательно достигается лишь с точки зрения зрелой, разумной теории, где определенность всеобщности обосновывается доказательно посредством диалектической выводимости определенной в системе категорий. Пока же познающий рассудок стремится к постижению предмета, не отдавая себе отчет в характере и роли предпринимаемых им познавательных операций. "Дефиниция... долженствуя схватить простую определенность предмета (а это схватывание должно быть чем-то непосредственным), может пользоваться для этой цели лишь одним из непосредственных так называемых свойств предмета - некоторым определением чувственного наличного бытия или представления; изолирование этого определения посредством абстракции составляет тогда простоту, а для установления всеобщности и существенности понятий указывают на эмпирическую всеобщность, на факт сохранения свойства при изменившихся обстоятельствах и на рефлексию, ищущую определение понятия во внешнем наличном бытии и в представлении..."****. Несмотря на ограниченность этих поисков рассудочного мышления - на которой акцентирует внимание Гегель - реальный познавательный процесс продолжается. Воспринимаемое чувственно, но выделенное мыслительным путем, всеобщее оказывается фактически особенным, обладающим некоторой всеобщностью. Достигнутое на данном этапе познания всеобщее выступает как предпосылка для членения предмета. Эту достигнутую здесь всеобщность "следует отныне принимать за объективную основу и на этой основе членение оказывается дизъюнкцией всеобщего как чего-то первого"*****. Тем самым осуществляется переход к качественно новой ступени познания, устанавливается некоторая связь между достигнутыми знаниями (дефинициями, представлениями и т.д.), которые до того выступали как единичные в их фрагментарном многообразии. Поэтому на стадии формирования науки ("движение от всеобщего к особенному составляет основу и возможность синтетической науки, некоторой системы и систематического познания"*****). Первое требование к этой системе заключается в том, "чтобы в начале предмет рассматривался в форме чего-то всеобщего"*****, в основе которого лежит нечто простое, выделенное из чувственно конкретного.

Итак, физиократическая система опирается в своем членении, в своей дедукции на определенное понимание всеобщности,

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 258.

** Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 257-258.

*** Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. С. 258.

**** Там же. С. 258-259.

***** Там же. С. 262.

†††† Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. ...С. 262.

††††† Там же.

на выделенной особенной форме субстанции и сущности предмета. В самом основании членения и систематизации, в самом выделенном здесь всеобщем переплетено внешнее с внутренним, чувственно наглядное с мысленно абстрактным¹, непосредственно данное с опосредованным, описание с объяснением, ибо речь идет о рассудочной системе на основе еще не завершенной, не отделенной от непосредственности, абстракции. Но это уже абстракция, положительно определяющая сущность предмета, что позволяет познающему мышлению проникнуть в определенной мере во внутренние взаимосвязи предмета. Таким образом, углубление познания в процессе восхождения от чувственно конкретного к мысленно абстрактному приводит к выявлению одной, наиболее доступной для понимания стороне сущности и субстанции предмета. На основе этого, помимо продолжающегося анализа, индукции, и в рамках аналитического мышления, уже предпринимается весьма плодотворная попытка синтеза, дедукции, установления некоторой взаимосвязи сторон предмета, главным образом путем экстраполяции, знаний о внешне исторически понятой стороне, лежащей в основе этой рассудочной системы*. В результате этого ряд сторон предмета упускается из виду, другие же стороны "освещаются" таким образом, что помимо более глубокого изучения искажается их специфика. Однако эти экстраполяции закономерны и необходимы в процессе познания, поскольку выявляют обстоятельные возможности нового знания и одновременно его ограниченность. Последняя, как правило, не осознается исследователями на данном этапе познания.

У физиократов достигнуто не просто количественное экстенсивное расширение знаний. Речь идет о качественно новой ступени познания, о возникновении уже специфического способа преобразования знаний на основе — хотя еще не полностью освобожденной от чувственного, но все же — рассудочно-мыслительной абстракции. В результате этой незавершенности абстрактной всеобщности исходной абстракции создается рассудочная система на основе неадекватной себе абстракции. Но все же, это первая зародышевая форма рассудочного восхождения от простого, от абстрактного, у установлению некоторого целого в мышлении. В этом смысле познающее мышление уже развивается интенсивно, его количественные изменения приводят к качественному преобразованию достигнутых фрагментарных знаний, к новому качеству знания. Однако, эта принципиально новая форма развития науки еще не способна ни к полному преобразованию унаследованного знания, ни к исчерпывающему и адекватному объяснению сторон предмета. Действительно, при всей их антимеркантилистской направленности, физиократы допускали в своих взглядах и меркантилистские представления. Например: "у физиократов промышленная прибыль рассматривается как прибыль от отчуждения, т.е. она объясняется меркантилистически"^{**}. Состояние же их абстракции и соответствующих ему систематизация, приводят к закономерным противоречиям.

При формировании науки движение познания от поверхности, явления к сущности продолжается, познание углубляется и, одновременно, это первое движение только на основе некоторого понимания сущности предмета предпринимается попытки объясне-

*. См.: об этом: Вазюлин В.А. Развитие проблемы исторического и логического... М. 1964. С. 155-158.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 390.

ния различных (потенциально - всех известных) сторон поверхности и явления. Уже возникшее новое качество способа познания, способа производства знаний начинает из себя преобразовывать унаследованное знание в связи с рассмотрением новых фактов (сторон, аспектов, отношений предмета). "Тогда в познании необходимо присутствуют огрубления, заключающиеся в сведении сущности к явлениям и явлений к сущности"*.

С этими обстоятельствами связаны отмеченные противоречия физиократов с гносеологической точки зрения. Маркс же акцентирует внимание и на другого рода противоречиях, в определенной мере отражаемых у физиократов. Речь идет о специфических противоречиях исследуемого физиократами формирующегося предмета, рассмотрение которых необходимо в данном процессе познания в силу темпов и характера развития предмета науки. "Все это - противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы"**.

Здесь имеет место специфическое переплетение закономерных противоречий ранних ступеней познания, формирования науки о предмете с собственными противоречиями предмета исследования на стадии его формирования. Поэтому выявляется, "с одной стороны, субъективное противоречие представления, с другой - объективное противоречие предмета; само представление полностью содержит элементы этого противоречия. А именно то, что оно, во-первых, само делает, - это противоречие, состоящее в том, что оно хочет, с одной стороны, придерживаться восприятия и иметь перед собой налично сущие вещи (*Dinge des Daseins*), с другой - приписывает тому, что недоступно восприятию, тому, что определено рефлексией, чувственное существование (*Dasein*); ***. И эти "налично сущие вещи" восприятия выступают с точки зрения их объективной видимости, специфической, для зрелой стадии развития. Здесь К.Маркс для иллюстрации проводит аналогию с генезисом философии на основе религии: "подобно тому как философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой индивидуализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере"****. Следует отметить, что при всей взаимосвязи и переплетенности этих различного рода противоречий, необходимо их рассмотрение в их относительной самостоятельности. Сводимость противоречий истории познания лишь к противоречивости истории предмета характерна для механистического, редуцирующего взгляда на познание.

Рассмотрение роли физиократов приводит к отличию даже к противоположности между системой взглядов с точки зрения собственно познания и знания, а системы тех же взглядов, с точки зрения сознания с точки зрения общественного существования этого знания, через общественные отношения, в качестве формы идеального отображения взаимоотношения людей как самосознающих субъектов. Противоречивость физиократии приводит к иллю-

*. Вазюлин В.А. Становление метода... С. 152.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 23.

***. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М. 1971. С. 131.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 23.

торным представлениям о ее характере и роли как самих создателей этих взглядов, так и называемое научное сообщество, всегда готовое принять на веру любое заявление, заверенное удостоверением личности: "этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши ученые-педанты верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства"*.

Научный подход к истории науки и вообще к науке требует четкого выявления фактического характера исследования и его фактической роли в отличие от представлений самоотчетов и номенклатуры субъективных взглядов самих исследователей и их интерпретаторов. Сами физиократы, не отдавая себе отчета, не осознавая действительного смысла их учения, превознося земельную собственность, фактически способствовали ее экономическому отрицанию и утверждению капиталистических отношений. Это отчетливо видно в проводившихся на основе физиократических представлений о производительном труде налоговой политике и государственном вмешательстве. Благодаря своей иллюзорной идеологической функциональности, эта научная система распространилась и среди людей, классовая принадлежность и материальные интересы которых прямо противоречили ее объективной направленности. Это происходило вследствие ее "феодальной видимости", соответствующей "аристократическому тону" эпохи Просвещения**. В общем и целом, физиократы различными способами теоретически и практически подготавливали французскую революцию. Тюрго же - в смысле прямого влияния - является одним из отцов французской революции***. Poleмический дух эпохи и идеологическая направленность физиократии, в основном способствует развитию науки. Пока что классовость, партийность буржуазного взгляда на общество не противоречат познанию сущности общества. Однако, с возникновением первой системы, с одной стороны, создаются уже и возможности ее истолкования в прямо апологетических целях. Прусский реакционер Шмальц рассматривает и защищает доходы земельного собственника как происходящие из природы. Определенное влияние физиократии заметно и в утопическом сочинении Фихте о "Замкнутом торговом государстве".

С другой стороны, критические замечания на основе эмпирических фактов появляются относительно рано (в 1771 году у Верри), главным образом, против рассмотрения земледелия как единственной производительной отрасли.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 405; ср.: там же. Т. 45. Ч. 1. С. 285-286.

** . Этим иллюзорным эффектом идеологической функции социальных взглядов пользуются в широком масштабе манипуляторы социальными отношениями особенно в политической сфере. Например, достаточно любому политикану заявить о своей приверженности марксизму или с своим "демократизме", "радикализме" и т.д., чтобы "блестящая суть дела" публики восприняла эти заявления как истинную правду...

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 346.

§ 3. Проблема соотношения экзотерического и эзотерического. Двоиственность системы А.Смита

Следующий крупный шаг в формировании политической экономии совершается А.Смитом. Физиократы на континенте отражали тот период в истории Франции, когда капиталистическая мануфактура и капитализированное крупное земледелие укрепились в экономической жизни. А.Смит же выступает в Англии со своими исследованиями в период расцвета мануфактуры, накануне промышленного переворота, когда, после завершения процесса первоначального накопления, страна вступает в стадию свободной конкуренции. Он был свидетелем только начала промышленного переворота. Это точка зрения более или менее адекватно отражает и обобщает мануфактурный период развития капитализма, период начала производства машин мануфактурным трудом, т.е. тот период, в который противоречие в сущности предмета находится на уровне противоположности, когда новая сущность продолжает преобразование унаследованной основы. Тогда, новое качество только начинает создавать адекватную себе основу, адекватный зрелому капитализму материально-технический базис находится в начале своего образования.

В это время научное мышление в политэкономических исследованиях продолжает первое свое движение, восхождение от чувственно конкретного к мысленно-абстрактному посредством рассудочного анализа и индукции. Однако уже была предпринята попытка в Британии систематически представить достигнутые знания о предмете на основе главным образом отрицательного определения сущности. На континенте же (в развитой форме у Тюрго, почти одновременно со Стюартом) была создана первая рассудочная система на основе одной конкретной формы субстанции и сущности. Так, помимо анализа, индукции, с возникновением первых систем, формирование науки осуществляется и противоположным движением, синтезом, дедукцией. Принятие за основу систематизации одной конкретной формы субстанции представляет собой необходимый и закономерный шаг, своего рода промежуточное звено в процессе углубления познания, позволяющее познающему мышлению перейти в дальнейшем к абстракции субстанции вообще, безотносительно к какой-либо ее вещественной форме.

Согласно К.Марксу, "огромным шагом вперед Адама Смита явилось то, что он отбросил всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это - продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, осуществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени скатывается назад к физиократической системе"*.

При всей ограниченности осуществления этого перехода, у Адама Смита познающее мышление совершает существенный шаг в углублении познания, открывающий новые методологические возможности: от одной конкретной формы субстанции мышление приходит у лишенной всякой чувственно-определяемой определенности субстанции вообще,

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 40.

создающей сущность вещей.

Однако, этот закономерный шаг познающего мышления предполагает достижение предметом определенного уровня зрелости. "Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых уже не является господствующим над всеми остальными. Таким образом, наиболее общие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме"* . Поэтому достижение этой рассудочной абстракции не представляет собой только продукт мыслительных усилий и созерцания. Для ее выделения необходимо завершение процесса отделения производителя от условий его труда (завершение возникновения предмета), ибо до этого непосредственно общественной формой субстанции являлась ее натуральная форма, ее особенность, а не ее всеобщность, поскольку имелась известная "сращенность" между определенными индивидами и определенными видами труда. Безразличие к определенной форме субстанции "соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным"** , т.е. предполагает коренное изменение характера общественной материальной практики, позволяющее категории труда вообще стать "практически истинной". Именно тогда становится возможным не только отрицательное определение сущности вещей и производящей ее субстанции, и не просто фиксирование одной ее конкретной формы, слитой с ее вещественным содержанием, с ее полезностью. "Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду"*** , отмечает Маркс воспроизводя этот переход мышления в чистом виде.

А.Смит, совершив свое великое открытие, сталкивается в своем исследовании с большими трудностями, во многом связанными с применимостью этого открытия (в данной его форме и на данном уровне развития науки). Он колебался между различными определениями сущности начала: 1) определением стоимости товаров количеством труда, затраченного на их производство, 2) определением ее тем количеством живого труда, на которое может быть куплен товар, и 3) определением ее в качестве слагаемой из доходов - заработной платы, прибыли и ренты. Адам Смит берет за исходную точку товар и обмен товаров и "обнаруживает (так ему представляется дело), что в обмене между капиталом и наемным трудом, между трудом овеществленным и трудом живым, общий закон тотчас же теряет силу и товары (потому что и труд является товаром, поскольку он покупается и продается) обмениваются уже не в соответствии с представленными в них количествами труда... И противоречие это оставалось необъяснимым, пока капитал противопоставляется прямо труду, а не рабочей силе"**** . Здесь А.Смит "нащупывает наступающий раз-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. 1. С. 41.

** . Там же.

*** . Там же. Т. 23. С. 46.

**** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. 1. С. 46-47.

ры; ... чувствует, что ... закон (стоимости... Д.П.), в порождаемых им результатах, фактически нарушается; ... что ... вместе с обособлением условий труда, противостоящих теперь труду, происходит поворот, кажущееся (и фактическое по своему результату) превращение закона стоимости в его противоположность". С одной стороны, он чувствует и подчеркивает это противоречие, с другой стороны, это противоречие "сбивает его с толку" даже при рассмотрении общего закона в его применении к простому обмену товаров.

А.Смит смешивает уровни рассмотрения. Он фактически старается распространить законы менее развитой ступени развития предмета на более развитую, законы простого товарного обращения на обмен между трудом и капиталом. На уровне обращения стороны предмета выступают как данность, вещи выступают как результаты, оторванные от порождающего их процесса. Таким образом субстанция, воспринимаемая исследователем как товар, непосредственно противопоставляется другому "товару" - капиталу. В результате этого мышление оказывается не в состоянии уяснить себе суть дела. К.Маркс отмечает в связи с этим: "Тогда обстоятельство, что А.Смит за меру стоимости принимал еще и стоимость труда ... привело к нарушению хода его мысли ... лишило вообще его сочинение всякого единства и явилось даже причиной того, что большое количество вопросов выпало из круга его исследования"**. Познательное мышление, с одной стороны выявляет внутренние связи предмета, с другой же стороны сталкивается с обиденными представлениями, "замыкается" на заместованиях из обыденной очевидности, из фактического обихода иллюзорных псевдопонятий, "желтых логарифмах" типа "стоимости труда", "цены труда" и т.д. "На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии"***.

Со свойственной для него двойственностью А.Смит подходит и к проблеме прибавочной стоимости (сущности предмета). С одной стороны, прибавочная стоимость (в форме прибыли, т.е. атрибута) объясняется как плата капиталисту за его "риск". С другой же стороны, он улавливает истинное происхождение прибавочной стоимости, поскольку "прибыль капиталиста происходит из того, что он, не оплатив часть содержащегося в товаре труда, тем не менее продает ее"****, не нарушая закон стоимости. Таким образом, А.Смит сводит прибыль к присвоению чужого неоплаченного труда и при этом отстаивает свою позицию, опровергая ложный апологетический взгляд относительно "труда по надзору и управлению"*****. К.Маркс отмечает превосходство А.Смита над Д.Рикардо, которое "состоит в энергичном подчеркивании того обстоятельства, что этот переворот (присвоение овеществленным трудом не оплаченной части живого труда Д.П.) наступает вместе с возникновением капиталистического произ-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 62.

**., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 48.

***. Там же. Т. 23. С. 550.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 53.

*****. Там же. С. 55.

водства"* . В этом смысле у А.Смита обнаруживаются элементы историзма.

В системе А.Смита достигается более глубокое понимание сущности предмета, мышление ближе подходит к ее выявлению в чистом виде он "прибавочную стоимость, т.е. прибавочный труд, - избыток выполненного и овеществленного в товаре труда над оплаченным трудом, следовательно над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате, - ... понимает как всеобщую категорию, по отношению к которой прибыль в собственном смысле слова и земельная рента составляет только ее ответвления. При этом, однако, он прибавочную стоимость как таковую не отделил в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте"**. Этим совершается еще один существенный шаг в развитии политэкономической мысли. Сущность предмета (производство прибавочной стоимости) уже не сводится у одной из ее превращенных форм (к модусу), а принимает всеобщий характер среди других производных от нее категорий. Формы, в которых движение предмета в целом выступает на поверхности (атрибут и модусы), начинают рассматриваться как ответвления этой всеобщей категории. Однако постольку, поскольку сущность предмета еще не выделяется в "чистом виде", невозможно установить единство сущности и явления.

А.Смит распространяет понятие прибавочной стоимости на все отрасли общественного производства, преодолевая тем самым ограниченный взгляд физиократов. У него сущность начала предмета (стоимость) создается субстанцией вообще (трудом вообще) - в каких бы непосредственных вещей она ни была представлена - создается исключительно только количеством необходимой субстанции (вернее, количественной стороной субстанции). Следовательно, прибавочная стоимость (сущность предмета) в любой ее форме (атрибута или модусов) есть та часть этого труда, которую собственники вещественных условий труда присваивают себе в процессе обмена с живым трудом.

Однако А.Смит, "хотя он по сути дела и рассматривает прибавочную стоимость, не представляет ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм, то в дальнейшем он уже прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью"***. Сложная система взаимосвязи развивающегося органического целого может быть адекватно отображена только в диалектической системе субординированных категорий, т.е. в целостности мыслительного отображения сложной системы опосредований. Ограниченность и двойственность метода А.Смита приводят к искажению последовательности опосредствований, что отражается в системе и во взаимосвязи, которую он устанавливает между категориями. С этим связан ряд глубоких заблуждений, которые сохраняются в той или иной мере у всех последующих экономистов. Но эти заблуждения опираются явно обнаруживаемый уже у А.Смита вульгарный элемент, когда, например, у него "прибыль объясняется уже не приростом прибавочной стоимости, а "интересом" капиталиста. А это пошло и нелепо"****.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 55.

** . Там же, С. 56.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 64.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 66.

К. Маркс обращает внимание "на странный" ход мыслей в книге А. Смита: "сперва он исследует стоимость товара и местами определяет ее правильно, до такой степени правильно, что перед ним в общих чертах вырисовывается источник прибавочной стоимости и ее особых форм, - из стоимости товара он и выводит заработную плату и прибыль"* . Здесь намечается стремление познающего мышления к некоторому синтезу, к дедуцированию, намечаются моменты восхождения от абстрактного к конкретному на основе (и по мере понимания) субстанции вообще, создающей сущность вещей.

Ограниченность и вообще характер этого рассудочного восхождения от абстрактного к конкретному обусловлены прежде всего характером абстракции, лежащей в основе этой системы, пониманием субстанции вообще. По А. Смигу "Труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем уравнивать между собой стоимости различных товаров во все времена и во всех местах"**. Сама эта дефиниция указывает на породивший ее процесс. Речь идет об индуктивно-аналитическом абстрагировании. Мышление шло от подлежащей дефиниции единичности объекта как непосредственного представления многообразия к выделению первоначальных дефиниций (сначала отрицательных, потом уже положительных), фиксирующих постижение всеобщего в особенном, т. е. еще не полностью отрицающих чувственность (у физикратов). От них абстрагирующее мышление продвигается в своем отрицании непосредственности, несущественного и переходит к результату анализа, к определению отрицающей единичности и особенности рассудочной всеобщности. "Высший и последний результат этого анализа", - отмечает Гегель, - "абстрактная высшая сущность, иначе говоря абстрактное субъективное тождество и в противоположность ему - разность"***. А. Смит своей дефиницией субстанции завершает начатый возникновением науки процесс рассудочного абстрагирования. Он приходит к определению субстанции классическим аристотелевско-лократовским способом абстрагирования: путем отвлечения от ненужного для исследования на данном этапе, от непосредственного, от несущественного. В рамках рассудочного мышления происходит отвлечение от всякой определенности, в трудах, как он выступает в эмпирически фиксируемой действительности, в многообразии форм капиталистического мануфактурного производства. Это многообразие было сначала расчленено, чтобы его стороны, формы и т. д. были отображены в качестве отдельных, изолированных, единичных. Эта операция была проведена для того, чтобы рассудочное мышление смогло мысленно обобщить эти отдельные, единичные и т. д. Поэтому, общим выступает тогда одинаковое в этих отдельных и обособленных. Следовательно, это обобщение осуществляется противоречиво: "С одной стороны выделение одинаковости предметов есть выделение общего, но, с другой стороны, это общее изолированных предметов, а значит, такое общее, которое предстает для сознания мыслящего человека как существующее в самих реальных предметах в непосредственном тождестве с отдельным"****. Тогда в рассудочном мышле-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 66.

** . Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. 1962. С. 42-43.

***. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. ... С. 288.

****. Диалектика процесса в природе // 1985. С. 17.

нии возникают два сосуществующих отображения общего: общее непосредственно отождествляется с особенным, с отдельным, с единичным (то тождество о котором говорил Гегель), в их нерасчлененности, и общее изолируется от особенного, от отдельного и единичного, т.е. оказывается существующим как отдельное и т.д. В обоих случаях отрицание, рассудочное абстрагирование определено, положено отрицаемым, чувственной непосредственностью. Эта специфика рассудочного абстрагирования впервые была осмыслена диалектически у Гегеля. Эта противоречивость, обнаруживаемая в чистом виде в понимании основных категорий политической экономии, которыми оперирует А.Смит, характеризует, в той или иной мере, в том или ином виде, деятельность мышления на стадии формирования науки. Отвлечение от конкретной формы труда с необходимостью приводит А.Смита к отвлечению от всякой конкретно-исторической формы, какую принимает субстанция. Отвлечение, отрицание непосредственности оборачивается утверждением наличной данности. Следовательно, А.Смит, как и вся классическая буржуазная политэкономия, принципиально не в состоянии даже поставить вопрос: "почему субстанция вообще принимает в своих продуктах, результатах именно форму сущности вещей и величины сущности вещей?"*. Поскольку и предмет, и порождающая его субстанция выступают здесь как единичные в их данности, невозможно определить особенности существования сущности на данной ступени развития предмета, историческую форму сущности. Особенная стадия развития предмета воспринимается как вечная, следовательно, исследователь с необходимостью упускает из виду особенности формы сущности на рассматриваемой стадии. "В таком случае исторически определенная форма сущности предстанет безразличной и внешней по отношению к природе вещи"**. А.Смит определяет субстанцию как "мерило" сущности начала предмета, применимое "во все времена и во всех местах". Труд у него выступает исключительно с количественной стороны, безразлично к какой либо пространственно-временной определенности. Следовательно, в его мышлении возникает представление, что исторически определенная форма сущности безразлична и внешняя по отношению к природе вещи. Сущность, в качестве сущности вещей, выступает у него как изначально присущая обществу. Поэтому, если исследование и изложение начинается прямо с сущности, оно изначально страдает антиисторизмом. Если сущность, всеобщее отрывается от поверхности, от особенного и от единичного, то сама эта сущность, это всеобщее прилагается как поверхность, как данность, т.е. как неизменная. Теоретическая конструкция в этом случае стремится к замыканию в самой себе***. Здесь с особой ясностью видно внутреннее единство методологии, познавательного отношения к предмету, с практическим отношением к предмету, с социальной позицией в конечном счете. Однако рассматриваемая здесь рассудочная методология А.Смита - это необходимая и закономерная форма движения познающего мышления данного типа становления науки.

*. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" ... С. 127.

** Там же. С. 128.

*** В этом смысле, следует отметить, что мышление типа Гегеля при Э.Р.Ильенкова еще не освобождено от рассудочности и ограниченности, что, между прочим, означает и в области философии рассудочной трактовке связи рассудка и разума.

Было бы нелепо свести метод познания Смита к апологетической выдумке, представить его систему в качестве всецело и непосредственно определяемой классовым интересом.

Итак, в связи с указанными выше обстоятельствами, А.Смит "оголождает товарное производство вообще с капиталистическим товарным производством"*. Рассудочная ограниченность понимания субстанции Смитом проявляется во всей системе его взглядов. При всей гениальности его открытия, Смит не удалось представить труд именно в качестве субстанции, в качестве порождающей причины в ее процессуальности. У Смита "труд вообще является источником стоимостей, точно также как и источником богатства, но прибавочную стоимость труд создает, собственно говоря, тоже лишь постольку, поскольку при разделении труда избыток выступает в такой же мере как естественный дар общества, как результат данной от природы силы общества, в какой у физиократов этот избыток выступает как дар земли. Отсюда то значение, которое А.Смит придает разделению труда"**. С другой стороны, и в связи с этим, "хотя Смит и рассматривает труд как нечто создающее стоимости, но самый труд он понимает как потребительную стоимость, как для-себя-сущую производительность, как человеческую природную силу в общем (это отличает его от физиократов), - а не как наемный труд, не в его специфическом определении формы в рамках противоположности капиталу"***. Субстанция, в этом смысле, это изначально принадлежащая вещь и потенция одновременно. Разделение труда - это тоже данное естественное и волевое одновременно отношение, продукт "склонности к обмену" и предпосылки обмена. Это такое отношение, которое способствует увеличению изначально данных "производительных сил труда". Такое понимание труда и разделения труда - не чисто мыслительный плод. "Обстоятельство, что всякая перемена в величине получаемого рабочим эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости, или цены его неизменного (в длительное время) рабочего дня, уже утвердилась в "ходячие формы мышления"****, и привело А.Смита, рассматривавшего рабочий день как величину постоянную, к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна...*****. С другой же стороны перед взором исследователя витает образ индивидуального ремесленного работника, приводящего в действие ручные орудия труда. "Насколько А.Смит все еще был связан с младенческой эпохой крупной промышленности, видно из того, что машины выступают у него всего лишь как следствие разделения труда, а рабочие еще делают механические открытия, для того чтобы облегчить и сократить свой труд"*****. Поэтому мануфактурное разделение труда, формальное (и в этом смысле всевозможное) подчинение ремесленного труда мануфактурному капиталу, привели А.Смита к рассмотрению этого разделения труда как данного.

Примечательно, что разделение труда внутри мануфактуры, конкретно-исторические отношения между людьми по поводу их производительного отношения к природе, разделение труда в уз-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 437.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46 Ч.1. С. 286.

***. Там же.

****. Там же. Т. 23. С. 252.

*****. Там же. С. 551.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. Ч.1. С. 320.

ком смысле, как данное, экстраполируется Смитом на все общество. Все общество представляется им в виде гигантской мануфактуры. В этой экстраполяции проявляется ограниченность рассудочного понимания соотношения единичного, особенного и общего, всеобщего. В этом понимании установление взаимосвязи возможно исключительно либо путем экстраполяции, либо путем сведения (первая выступает обратной стороной второго). В этом заключается гносеологический корень рассудочных экстраполяций сведений. То же самое происходит при анализе Смитом структуры капитала: Смит не проводит различия между точкой зрения отдельного, индивидуального капиталиста и точкой зрения общества в целом.

Исходя из вышеуказанного понимания труда и разделения труда, производительные силы закономерно отождествляются с производственными отношениями последние сводятся к веществу, к техническим средствам, к инструментам. У А. Смита "средства производства с самого начала являются "капиталом", труд с самого начала - наемным трудом"*. Подобно сущности предмета, сущность общества вообще понимается как тождество. Рассудочное мышление склонно сводить процессы и отношения к вещам, к вещественной непосредственности, или (что одно и то же) к экстраполяции вещественно непосредственного представления на процессы и отношения.

Сущность начала предмета рассматривается у Смита после анализа всеобщей формы ее проявления (денег), как результат субстанции (вернее как результат того понимания разделения труда как данности, о котором шла речь выше), во все времена. Однако у А. Смита с наибольшей четкостью разграничивается потребительная стоимость (value in use), связанная с полезностью (utility), и меновая стоимость (value in exchange). Из этого разграничения первого и второго факторов элементарной формы предмета вытекает и имеющее место у Смита фактическое различие конкретной формы субстанции, производящей непосредственность вещей, и субстанции вообще, создающей сущность вещей. Однако это различие, хотя фактически оно имеет место, не проводится мышлением сознательно, что приводит к непоследовательностям и противоречиям. А. Смит сосредоточивает свое внимание в основном на меновой стоимости, на количественной мере сущности начала, на величине сущности в новых меновых пропорциях. И вообще на стадии формирования науки мышление все больше стремится к рассмотрению безразличных к качеству количественных изменений в предмете.

При рассмотрении всеобщей формы проявления сущности А. Смит, как было отмечено при рассмотрении Стюарта, не проявил особую оригинальность. Правда, он преодолевает представления о деньгах продуктах изобразительности или договора, сохраняя при этом инструментальное представление о деньгах как о технических орудиях.

Примечательно, что А. Смит в рамках указанного понимания разделения труда рассматривает и соотношение простого и сложного труда в их данности, стремясь свести количественно второй к первому. Мышление, при тогдашнем понимании субстанции сущности вещей, принципиально не в состоянии даже поставить вопрос о противоречивом развитии характера субстанции. Впервые эта выходящая далеко за рамки сугубо экономического исследования (поскольку она связана с историческим развитием различных отношений вообще) проблема была поставлена Л. Парсонсом.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 24. С. 437

когда в "Капитале", поскольку товар рассматривается в качестве бытия капитала, ее отображение доводится до уровня противоположности*. При рассмотрении субстанции как данной и неизменной, естественно, товарно-денежные отношения выступают как вечные естественные отношения между людьми.

В этой работе уделяется большое внимание пониманию субстанции в истории науки, ибо эта центральная категория политической экономии выступает в качестве основной во всей научной политической экономии, своего рода "моделью" становления научных понятий. Как отмечал К.Маркс, "этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии"**.

Итак, А.Смит, при всем своем стремлении к рассудочному восхождению от абстрактного к конкретному, столкнувшись с противоречиями, покидает это направление и подходит к делу с противоположной стороны - "что ближе к эмпирической видимости и к обыденному представлению"***. Теперь он уже пытается, наоборот, "вывести стоимость товаров (из которой он уже вывел заработную плату и прибыль) из сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты"****. Таким образом, "всюду, где Смит дает действительный анализ, он применяет правильное определение стоимости"*****, и на основе этого определения стремится к установлению внутренних зависимостей сторон предмета. Как только он вступает на противоположный путь, голый эмпиризм приводит его к эклектическим и нелепым последствиям, к заблуждению. "Эти блуждания Адама, его противоречия, его отклонения от предмета доказывают, что он здесь попал в тупик и что он неизбежно должен был запутаться, когда скоро заработная плата, прибыль и рента превратились у него в конституируемые составные части меновой стоимости или совокупной цены продукта"*****. Вместо того, чтобы установить внутреннюю причинную зависимость отношений предмета на основе субстанции, он "вступает на противоположный путь и, предполагая как нечто данное цены заработной платы, прибыли и земельной ренты, пытается определить их как самостоятельные величины и получить из их сложения цену товара...*****", т.е. берет вещи "в той превратной форме, в которой они проявляются в конкуренции"*****. Таким образом, у А.Смита сосуществуют два подхода, две методологические направленности: внутренняя, "эзотерическая" и внешняя, "экзотерическая". Противоречивость этих направленностей хотя и не осознается, но фактически, интуитивно ощущается мышлением исследователя. Но в общем и целом исследователю кажется, что система, созданная на основе этой двойственной методологии, целостная.

К.Маркс рассматривает это состояние науки и ее методологии как необходимую, закономерную ступень в историческом развитии способа исследования. "У А.Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания, так что

*. См. об этом Вазюлин В.А. Логика "Капитала"... С. 80-86.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 50.

***. Там же. Т. 26. Ч.1. С. 72.

****. Там же. С. 73.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 409.

*****+. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 79.

*****+. Там же. Т. 26. Ч. II. С. 110-111.

*****+. Там же. С. 111.

Сей мог изложить ее плоско-систематически в школьном учебнике... Сам Смит с большой наивностью движется в большом противоречии. С одной стороны он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает про и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, - оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат. У Смита это имеет свое оправдание (за исключением отдельных специальных исследований - о деньгах), так как его задача была в действительности двойной. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился: отчасти - впервые описать проявляющиеся внешне образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти - найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т.е. отчасти - впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же, - выступающий как столь же правомерный без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, - выражает внешне проявляющуюся связь**.

На стадии формирования науки анализ, индукция, разложение, расчленение предмета продолжается, хотя уже возникло и обратное движение, синтез, дедукция, установление некоторого единства и т.д. Первое движение осуществляется в его относительной самостоятельности от второго. Но это именно относительная самостоятельность, ибо сам продолжающийся анализ уже начинает преобразовываться, становится в определенной мере синтетическим (более избирательным и т.д.), синтез же положен анализом и совершается аналитическими рассудочными понятиями. Однако, поскольку речь идет о рассудочном анализе и синтезе, оба направления познающего мышления осуществляется преимущественно в их различии. Аналитическое извлечение абстракции, это "непосредственное отношение понятия с объектом; тождество есть поэтому то определение, которое это познание признает своим, и это познание есть лишь схватывание того, что есть"**. Первый шаг аналитического познания - это первоначальное включение непосредственности сторон предмета в поле действия познающего мышления, в корпусе науки. Рассудочное синтетическое познание стремится уже не к простому "схватыванию", а к "постижению того, что есть, в понятиях, т.е. в

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 177-178.

**.. Гегель Г.В.Ф. Наука логики... Т. 3... С. 254.

схватыванию многообразия определений в их единстве. Оно есть поэтому вторая посылка умозаключения, в которой оказывается соотнесенным разное как таковое. Его цель поэтому - необходимость вообще^{*}. Соединение разного, различных моментов, сторон и т.д. в рассудочном мышлении, с одной стороны устанавливает некоторое отношение, в котором эти стороны (в силу их оторванности) столь же соотнесены друг с другом, сколь и безразличны друг другу, т.е. устанавливаемая связь - это внешняя связь. С другой же стороны эти различные моменты соединены мысленно, в мышлении, мышление же - опосредованно. Но речь идет на данном этапе о рассудочном мышлении, в рамках которого "поскольку синтетическое познание прежде всего переходит от абстрактного тождества к отношению или от бытия к рефлексии, постольку понятие познает в своем предмете вовсе не абсолютную рефлексию понятия; ... синтетическое познание хотя и имеет своим содержанием также определение понятия и хотя объект в них положен, однако эти определения находятся еще в отношении друг к другу или в непосредственном единстве, а потому не в том единстве, благодаря которому понятие существует как субъект"^{**}. Поэтому определения рассудочного синтеза, рассудочные отношения еще внешни себе, лишены "в себе и для себя определенности" единичности чувственно-конкретного, "единичность объекта есть еще некоторое данное содержание"^{***}. Следовательно рассудочное мышление, в качестве первого отличия чувственности, - формально. Выявляемая им взаимосвязь, закономерность, необходимость и т.д. еще внешне, и формальные, поэтому устанавливаемая ими дедукция еще не имманентна, вернее, ее имманентность и ее объяснительная возможность - это еще формальная, абстрактная возможность. Поэтому и конструируемые рассудочным синтезом отображения предмета имеют скорее всего характер догадок или в лучшем случае (по мере завершения формирования науки) научных гипотез, и в этом смысле достигаемое ими объяснение предмета - формальное, внешнее по отношению к предмету, ибо его определения еще не суть самоопределения. В этом смысле, рассудочное познание "еще не определяющее познание. И точно так же оно находит положения и законы и доказывает их необходимость, но не как необходимость сути дела самой по себе, т.е. не как необходимость из понятия, а как необходимость познания,двигающегося в данных определениях, в различиях явления и познающего для себя то или иное положение как единство и отношение, иначе говоря, познающего из явления его содержание"^{****}.

Из вышеизложенного следует, что величайшее достижение становления науки, - открытая классической буржуазной политэкономией и в абстрактно-всеобщей форме сформулированная Смитом, - трудовая "теория" стоимости, до стадии зрелости науки - это все еще научная гипотеза. Только в зрелой теории, в разумном отображении органического целого эта гениальная научная гипотеза превращается уже в научно доказанную теорию.

Однако, гипотетический характер открываемых рассудком абстрактных отношений устанавливается только *post festum*, ретроспективным рассмотрением уже с позиции развитой теории, с

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики... Т. 3... С. 254.

**., Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3..., С. 254-255.

***. Там же. С. 255.

****. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. ..., С. 255.

позиции разума. Для мышления же действующего и познающего в рамках рассудка всеобщность достигнутых абстракций налично существующая, поэтому - оно вполне закономерно - стремится с их помощью (и в том виде, в котором они имеются в наличии на данном этапе познания) достичь исчерпывающего объяснения потенциально всех сторон предмета. Но при проведении этой операции, при стремлении мышления к дедуцированию из положенного в основу рассмотрения предмета принципа, вследствие абстрактности и формализма последнего, фрагментарность и разнородность достигнутых знаний превращается в противоречивость поисков объяснений.

Состояние науки, познавательная ситуация у А.Смита, как показал К.Маркс, ставит перед познающим мышлением двойную задачу. Эта задача впервые в истории философско-методологического мышления была осмысленна с сознательно разумных позиций у Гегеля: "Дело познания может ... состоять ли здесь лишь в том, чтобы, с одной стороны, упорядочить найденное в эмпирическом материале особенное, а с другой - посредством сравнения найти и его всеобщие определения"* . Описание, экзотерическое (хотя эта познавательная ситуация не характеризуется Гегелем в своей субъективной ломке терминами, используемыми Марксом)** , "предназначено для представления и принимает в себя это дальнейшее, принадлежащее к реальности содержание. Дефиниция же сводит это богатство многообразных определений созерцаемого наличного бытия к простейшим моментам"*** .

Поскольку познающий рассудок осуществляет мыслительное отображение сторон предмета, достигаемое путем преодоления, отрицания чувств, путем отвлечения от поверхностных, случайных, несущественных сторон чувственно данного, поскольку он проникает во внутреннее, в сущность, в необходимость отображаемого предмета. Но поскольку в ходе в результате этого отрицательного, этого отвлечения остаются, сохраняются в непосредственно чувственном виде как и то другие стороны созерцания, не переработанные рассудочным мышлением, поскольку мышление на данной стадии существует как еще позитивно не преобразовавшее, адекватно своей (мыслительной) основе, чувственные данные, эмпирический материал, поскольку это мышление еще не "очищено" от чувственности, постольку выделяемые внутреннее, существенное, необходимое представлены здесь в непосредственной тождественности со своими антиподами: с внешним, с несущественным, со случайным. При этом внешнее, несущественное, случайное и т.д. рассматриваются исключительно как характерные для отрицаемой стороны процесса восхождения, для чувственного конкретного. внутреннее и внешнее, сущность и несущественное, необходимость и случайность и т.д. различаются рассудочным мышлением главным образом негативно, в их отрицании, в их оторванности и противоположности друг другу, по своему позитивному содержанию, извлекаемому здесь из чувственного многообразия целого, эти категорий еще представляются в их слитости**** . И вообще рассудочное

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики Т.3. . . . , С. 265.

** . Там же. С. 256.

*** . Термины экзотерический и эзотерический используются Гегелем в "Феноменологии духа" метафизически, в их традиционном таинственно-религиозном смысле. См.: например: Феноменология духа. М., 1959. С. 6-7.

**** . См. об этом: Диалектика процесса познания. М. 1985. С. 178-179.

мышление в чистом виде, т.е. познающее мышление, по мере того как процесс познания приближается к завершению своего формирования (ибо тогда познающее мышление приближается к рассудку, в качестве результирующего отрицания чувственности в чистом виде), склонно к отрыву парных категорий друг от друга, к абсолютизации одной из них, а затем к противопоставлению гипостазированной абсолютизированной стороны отрицаемой ею стороне, ко сведению второй к первой, или (что фактически одно и то же) к экстраполяции первой на вторую. И тогда отрыв противоположностей друг от друга оборачивается фактически их тождеством на основе отрицаемой стороны.

Для рассудочного мышления, выделенные абстракции, рассудочные понятия выступают как просто рядоположенные с чувствами, с эмпирическим материалом. Мысленное, абстракции - это просто не чувства наряду с чувствами. Мысли в качестве абстрактного отрицания чувств - пустые, формальные мысли, они просто отрицания чувств. В результате этого отрицания упускается из виду и движение от чувства к мыслям и вместе с тем - движение в самой исследуемой действительности, ибо абстракции выступают здесь исключительно как данные результаты, от процесса порождения которых отвлекаются. Поэтому абсолютного отрыва мышления от чувств, в рамках этого первого, простого отрицания чувств фактически нет, ибо связь, движение фиксируются отрицательно: степень абстрактности мысли - обратно пропорциональна ее близости к эмпирическим данным и извлекаемому из последних содержанию. Это отражается в формально-логическом законе обратного отношения объема и содержания понятия. Рассудочное понятие выступает здесь как чистая форма с определенной емкостью, с объемом, в который вмещается содержание, состоящее из суммы отдельно взятых элементов, сторон, признаков и т.д. "Следовательно, мысли для рассудочно мыслящего человека в качестве мыслей пусты, их позитивное содержание образуют чувства. Работа мысли отрицательная, она заключается в устранении, отвлечении от "части" чувственных данных и сохранении "части" также чувственных данных"*.

По мере созревания науки все более отчетливо выступает отличие чувственного и мыслительного познания. Второе, в качестве рассудочного мышления, все более отчетливо выступает как отрицание чувственного, как переработка, преобразование чувственного, как образование мыслей, абстракций, отличных от чувств. Но это незавершенное, неполное преобразование "вследствие чего мысли не вполне отличаются от чувств, чувства (та "часть" чувственных данных, которая сохраняется после отвлечения) представляются непосредственно тождественными мыслям"**.

Рассудочное мышление, абстрагируясь, отделяет мысли от чувств, извлекая отдельные абстракции, и разделяет, расчленяет собираемые им эмпирические данные (совокупность становящихся абстракций и отдельных расчлененных эмпирических данных сосуществуют в их фрагментарности в познающем мышлении. Но на стадии формирования науки, помимо продолжающегося процесса извлечения отдельных абстракций, помимо этой первичной формы мыслительного преобразования чувственного, возникает и вторая форма: рассудочное синтезирова-

*. Диалектика процесса познания. М. 1985. С. 186.

** Там же.

ние. Но этот синтез положен первым, аналитическим процессом, и осуществляется, воспроизводя ограниченность аналитического познания. Однако этот синтез есть более высокая, нежели первая, форма преобразованного чувственного. Это уже преобразование чувственного познающим мышлением на основе мыслительного знания. Это тем самым и процесс некоторого преобразования мышлением самого мыслительного. Характер этой второй, синтезирующей формы преобразования познания определяется состоянием науки вообще и состоянием исходных абстракций. У физиократов исходные абстракции не отделились еще от чувственного, расчленение же эмпирического материала не было завершено. Поэтому их синтез главным образом характер непосредственного тождества. При этом, эмпирическое описание, хотя и отличалось от теоретического, от объяснения, все же сохраняли свою слитость, непосредственное тождество с ними. У А. Смита исходная абстракция получает известную завершенность в рамках рассудочного мышления, она отделена от чувств. Однако расчленение первичного эмпирического материала еще не завершено. Преимущественно экстенсивное познание, схватывание эмпирической данности путем экзотерическим, описанием, пока оно не достигло своих пределов, пока не исчерпало свою функцию, продолжается. Поэтому, попытка синтеза у Смита, поскольку она проводится на уже расчлененном материале, устанавливает внешнюю связь различных сторон. Поскольку же сталкивается с еще не преобразованным материалом опыта, поскольку сопоставляется с продолжающимся процессом схватывания, включения в корпус науки сырого эмпирического материала, постольку его синтез принимает ту или иную форму непосредственного тождества на основе вытекающих из объективной видимости предмета "ходячих форм мышления". Речь идет, по сути дела, о сосуществовании в одной системе двух неоднородных направлений познающего мышления, двух синтезирования.

Перед познающим мышлением существует совокупность фрагментарного материала, мыслительного и чувственного, среди которой выделяется лежащая в основе систематизации абстракция: "с одной стороны, всеобщая среда многих существующих материй, а с другой стороны, рефлексированное в себя "одно", в котором их самостоятельность уничтожена. Первая есть растворение самостоятельности вещи или пассивность, которая есть бытие для иного, второе не есть для-себя-бытие"* . Это то, что Гегель называет в своей "Феноменологии" "сила и игра сил". Деятельность познающего мышления приводит к тому, что "самостоятельно установленные материи переходят непосредственно в свое единство, а их единство непосредственно переходит в развертывание, и это последнее в свою очередь - назад, в сведение"**. Познающий и систематизирующий рассудок вносит порядок в эту фрагментарность, устанавливая взаимосвязь отличного от чувственного, "сверхчувственного мира". Мышление обнаруживает в предмете некоторое всеобщее различие, которое "выражено в законе, как в постоянном образе изменчивого явления. Таким образом, сверхчувственный мир есть покоящееся царство законов, хотя и находящееся по ту сторону воспринимаемого мира (ибо в последнем закон проявляется только благодаря постоянному изменению), но в нем точно так же наличествующее и составляющее его непосредственное спокойное отображение"***. В этом своем

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология . . . , С. 72.

** . Там же, С. 73.

***. Там же, С. 81.

виде, закон стоимости у Смита - "лишь первая истина рассудка и не заполняет явления. Закон ... налицо, но ... при всегда иных обстоятельствах он имеет всегда иную действительность"* , ибо "недостает ему видимо, того, что в нем самом имеется, правда, различие, но как различие всеобщее, неопределенное. Поскольку же он есть не закон вообще, и некоторый закон, у него есть определенность"**. Применение этого закона при переходе от предпосылок, от начала предмета (от простого товарного обращения) к сущности предмета, обнаруженный закон не выполняет объяснительную функцию. А.Смит интуитивно чувствует имеющее место противоречие, но он не в состоянии его осмыслить. Мышление, обнаружив противоречие, сразу же, как бы по Канту, "сбивается с толку"***. Вместо того, чтобы перейти к рассмотрению сути противоречия, подобно Канту, "познание неудовлетворительности рассудочных определений отступает к чувственному существованию, ошибочно полагая, что в нем оно найдет устойчивость и согласие"****. А поскольку рассудочное мышление формально, оно "возводит себе в закон тождество, низводит противоречивое содержание, которое оно имеет перед собой, в сферу представления, в пространство и время, в которых противоречивые [моменты] удерживаются вне друг друга в рядоположенности и последовательности и таким образом выступают перед сознанием без взаимного соприкосновения"*****. И действительно, А.Смит приходит к выводу, что применимость закона стоимости имеет место в прошлом капитализма. Для последнего же он конструирует некоторый второй "закон", и даже третий. Но эти поиски Смита осуществляются в рамках внешнего, поверхностного, экзотерического подхода. Однако фиксирование Смитом факта "нарушения" закона при капитализме, приводит его к проявлению некоторых элементов историзма.

По мере того, как А.Смит, проводит свое восхождение от абстрактного к конкретному, он стремится представить каждую сторону, каждую сферу проявления сущности в качестве целиком положенной общей сущностью. Столкнувшись же с противоречием на этом пути, он стремится уже представить "упрямую" часть предмета в качестве самостоятельной, оторванных своеобразных сфер, имеющих свою сущность (свой закон и т.д.), которая совершенно самостоятельна по отношению к общей сущности, оторвана от нее. В результате, на этом втором пути сознания сущность отождествляется с поверхностью, внимание акцентируется главным образом на поверхности, на всеобщей связи, и стороны представляются как внешне соприкасающиеся.

Система А.Смита представляет огромный интерес для методологического исследования потому, что в ней отражается фактически вся противоречивость и все многообразие процесса восхождения от чувственного конкретного к абстрактному, уже включающего в себе и моменты обратного движения познающего мышления: от абстрактного к конкретному. Основное противоречие восхождения от живого созерцания к абстрактному и рассудочного мышления - противоречие чувственного и мысленного (рассудочного) - поднимается у А.Смита

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 81.

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 81.

***. Кант И. критика чистого разума. Соч. в 6-ти тт. Т.3.М.1964. С. 400.

****. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. I. М. 1970. С. 99.

*****, Там же. Т. 3. С. 301.

на более высокий уровень, принимает форму различных направлений, поисков мышления, сводимых к двум противоположным подходам: к экзотерическому и эзотерическому. Эти подходы осознаются исследователем как равноценные, рядоположенные, "преспокойно уживаются один подле другого", в их безразличии друг к другу. Противоположные направления мышления осознаются на уровне категории разности. Фактически же соотношение этих подходов уже местами достигает уровня противоположности, где эти подходы выступают в качестве положительного и отрицательного, полагая друг друга в своей взаимной исключаемости. Опирающееся на чувственность экзотерическое по-прежнему логически играет роль тождества процесса познания, процесса производства знаний. Но ему противостоит уже эзотерическое, т.е. такой способ производства знаний, который является преимущественно мыслительным и связан с экзотерическим отрицательно (одновременно предполагает и исключает последнее). Следовательно, фактически налицо уже отношение между экзотерическим и изотерическим подходами, не просто разность, безразличие тождества и различия друг к другу, а противоположность, т.е. моменты одного отрицательного единства.

В противоположности экзотерического и эзотерического выражаются собирательно различные аспекты становления науки, отражаемые в категориях: чувственное и мысленное, рациональное (рассудочное); непосредственное и опосредованное; эмпирическое и теоретическое; обыденное (ходячие формы "мышления" на основе превращенных форм объективной видимости) и научное; внешнее (но уже включаемое в корпус науки) и внутреннее (собственно научное); описание и объяснение. Последние категории отражают две основные познавательные функции науки. На рассудочной ступени развития научного мышления объяснение еще определяется описанием эмпирических данных, и вытекающих из него установлением внешней связи фрагментарно разделенных, и тождеством непосредственностей. Поэтому рассудочное мышление четко не различает описание и объяснение, принимая описание за вполне достаточное и полное объяснение. Предпринимаемое описание "приписывание предикатов предметам", "предикатирование" * не отличается от выделенных рассудочных абстракций. Отличие экзотерического и эзотерического, описания и объяснения устанавливается сознательно только с позиции развитой теории, с позиций отрицания рассудочного объяснения и систематизации.

Целесообразно остановиться на одной проблеме, связанной с философским осмыслением противоречивости становления научного мышления. Поскольку познающее мышление отправляется, отталкивается от реально существующего чувственно воспринимаемого предмета, постольку создается впечатление, что получаемые определения извлекаются исключительно из последнего, что познающий субъект пассивно собирает из предмета эти определения. Поскольку же познающий рассудок вносит порядок в хаотическое представление, систематизирует и т.д., постольку создается впечатление об изначальной и первичной активности познающего субъекта, предмет же воспринимается в качестве пассивного. На основе этих представлений создаются философские взгляды сенсуализма, эмпиризма, "реализма" и субъективного идеализма. Однако, "столь же односторонне представ-

* См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М. 1974. С. 136-137.

лять себе анализ так, как будто в предмете нет ничего такого, что не было бы вложено в него, сколь односторонне полагать, будто получающиеся определения только извлекаются из него. Первое представление, как известно, отстаивается субъективным идеализмом, понимающим деятельность познания в анализе исключительно за одностороннее полагание, по ту сторону которого остается скрытой вещь-в-себе; второе представление принадлежит так называемому реализму, который понимает субъективное понятие как пустое тождество, принимающее в себя определения мысли извне".* Однако, как доказал уже Гегель, аналитическое познание, превращение данного эмпирического материала в рассудочные определения, есть одновременно и то и другое, "есть полагание, которое столь же непосредственно определяет себя как предположение; поэтому благодаря моменту предположения логическое может казаться чем-то готовым в предмете, так же как благодаря моменту полагания оно может казаться продуктом чисто субъективной деятельности".** Классики буржуазной экономической мысли, особенно Смит и Рикардо, сознательно опирались на метафизические представления философии здравого смысла, сенсуализма Локка и Юма. И поскольку экономическое мышление занято экзотерическим подходом к предмету - оно выходит за рамки этого "реализма". Однако, в отличие от теоретико-познавательных воззрений механицизма, экономисты занимались исследованием конкретного предмета, органического целого, и поскольку их исследование закономерно, оно приближалось к выявлению тех или иных моментов логики самого предмета. Сам характер предмета и познавательная ситуация в науке направляли метод. ход исследования. Поскольку наука на стадии своего формирования развивалась и экзотерическим путем, фактическое исследование выходило за рамки сознательно взятого в основу сенсуализма и "реализма". На мой взгляд, уже у А.Смита наблюдается такое фактическое частичное преобладание "реализма", и проявляются элементы более высокой методологии, моменты которой были обобщены и философски осмыслены самостоятельно на континенте в системах трансцендентального субъективного идеализма и априоризма. Столкнувшись с противоречием, систематизирующий рассудок оставляет скрытую вещь-в-себе, сущность предмета - при всем его гениальном приближении к ее выявлению в чистом виде, - и прибегает к экзотерическому шаблонному методу классификации. Сконструированная система в целом выступает как продукт чисто субъективной деятельности рассудка, охватывающей так или иначе почти все стороны предмета. При всей противоречивости системы, видимость ее всеохватывающей целостности, подобно кантовской философии, служит для целых поколений последующих экономистов "подушкой для лености мысли, успокаивающийся на том, что все уже доказано и решено"***.

Действительность метода Смита отражается на всей его системе, в том числе и в архитектонике его основного произведения, состоящего из пяти книг. В первой книге рассматривается (после разделения труда) сущность начала и сущность самого предмета в конкретных формах атрибута (прибыли) и модуса (земельной ренты). Во второй рассматривается предмет (капитал) и его основание (накопление). Остальная часть произведения пос

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3... С. 247.

** Там же. С. 248.

***. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. ... С. 116.

вящена вопросам экономической истории Европы, истории экономической мысли и государственным финансам. А.Смит фиксирует три основных класса буржуазного общества на основе их доходов ("источников дохода"). Хотя фактически у него имеются элементы более глубокого объединения классового расчленения общества, здесь преобладает результирующий критерий распределения, доход, в результате которого классы выступают как внеисторические.

Несмотря на элементы историзма у А.Смита, в его системе господствует антиисторизм, поскольку: а) прошлое лишается всякой самостоятельности, в) в прошлом фиксируются только те или иные черты данности настоящего, и с) прошлое фактически конструируется умозрительно.

Интерес представляет отношение А.Смита к старому, унаследованному знанию. Сам способ, выявления им субстанции вообще указывает на его преемственную связь со всеми предшествующими ему мыслителями, которые отстаивали и развивали трудовые представления о стоимости. Характерна полемика А.Смита против меркантилистской политики с позиции принципа свободной торговли ("free trade"). Меркантилистские взгляды на рассматриваются в породившем их конкретно-историческом контексте, а трактуются как сугубо иррациональные и вредные заблуждения. Преодоление меркантилистов рассматривается как сугубо идеологический процесс, как "чистая победа мысли", по выражению Ф.Энгельса, "как достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий"*.

С этим полемическим интересом А.Смита связаны, видимо, и отмеченное выше отношение к Стюарту, и отграниченная трактовка денег. Преемственность характеризовала и его отношение к физиократам, особенно в области экономической политики, хотя он иронически относился к знаменитой таблице Кенэ. Поэтому, вместе с ограниченностью физиократов, Смит отбрасывает и их гениальные достижения, в результате чего "в своем изображении процесса воспроизводства, а следовательно и накопления, во многих отношениях не только как не сделал шаг вперед, но сделал даже существенный шаг назад по сравнению со своими предшественниками, особенно с физиократами**". Несмотря на уверенность Смита в его превосходстве над физиократами, при определении оптимальных сфер приложения капитала он, вопреки собственным принципам, выступает за капиталовложения в сельское хозяйство, считая его наиболее выгодной отраслью производства. Этот факт показывает, что хотя сознательно старое знание преодолено, фактически оно проявляет устойчивость, оказывается неполностью преобразованным и в частном случае действует в качестве автоматизма. С этим связана трактовка Смитом накопления капитала бережливостью и воздержанием капиталиста. С этим связано и то, что его благосклонность к производительному рабочему "распространяется у него вплоть до быка, как производительного рабочего"***. Смит выступает с позиции буржуазии лишь постольку, поскольку ее деятельность способствует накоплению капитала и развитию производства. Его прогрессивная позиция проявляется в его борьбе против угнетения колоний и в его отношении к рабочему классу. Хотя согласно его концепции состояние рабочего класса выступает скорее всего естественное

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 82-84.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 604.

*** Там же. Т. 49. С. 494.

состояние, и этот класс представляется главным образом как объект, как пассивная часть общества, он выступает за повышение заработной платы, даже если это потребует (вопреки принципу) вмешательства государства. Он описывает отрицательные последствия однобокого механического разделения труда. А.Смит беспощадно борется с "непроизводительными", "бездеятельными" слоями общества, к которым причисляет и "писателей всякого рода"*, т.е. и самого себя! (эту проблематику впоследствии развивает Гегель).

А.Смит сам был философом, и даже самым знаменитым из философов Шотландской школы. У этих философов, по Гегелю, "мы находим в общем одну и ту же почву, один и тот же круг размышления, а именно, стремления создать априорную философию (подчеркнуто мною.- Д.П.), но не искать ее спекулятивным образом. Общим представлением, лежащим в основании их принципа, является человеческий здравый смысл; к нему они прибавили благожелательные склонности, симпатию, моральное чувство, и, исходящие таких оснований, они писали превосходные произведения о морали"**. Социальная философия принимает форму априорной этики, в которой развиваются выдвинутые Гельвецием идеи о своеобразно интересе, о естественном стремлении каждого к индивидуальной выгоде, ограничиваемом только таким же стремлением других людей. Деятельность этих атомов управляется "невидимой рукой", "естественным порядком" в условиях, идеальных для свободной личности, в условиях свободной конкуренции. Эти идеи со своей революционно-антифеодалной направленностью, обосновывают в то же время идею о существовании объективных закономерностей в общественной жизни. Только с точки зрения развитой теории и обнаруживается, что "когда говорят, что в рамках свободной конкуренции индивиды, руководствуясь только своими частными интересами, осуществляют общественный или, точнее, всеобщий интерес, то это означает лишь то, что в условиях капиталистического производства они давят друг на друга и что поэтому их взаимный антагонизм сам есть лишь воссоздание тех условий, при которых имеет место это взаимодействие... Утверждение, что свободная конкуренция равносильна конечной форме производительных сил, а потому и человеческой свободы, сводится к тому, что господство буржуазии означает конец всемирной истории - несомненно, приятная мысль для позавчерашних выскочек"***.

Особый интерес представляет попытка Аттила Агга продемонстрировать внутреннее единство антиномичности трансцендентальной философии И.Канта с антиномичностью экономической системы А.Смита, опирающихся на общий для них антиисторический антропологизм. Первой антиномии Канта (о конечности и бесконечности мира в пространстве и времени) соответствует антиномия между элементами историзма и концептуальным антиисторизмом учения Смита. Вторая антиномия Канта (о констатации и отрицании строения мира из простых частей) соответствует фундаментальной антиномии смитовской теории стоимости, противоположности субстанции вообще и конкретной форме субстанции, представления о внутреннем единстве предмета и поверхностной констатации фрагментарности его частей и т.д. и т.п., но прежде

*. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. С. 381.

** . Смит А. Исследования о природе... С. 245.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 156.

всего эзотерического и экзотерического. Третья антиномия Канта (о столкновении свободы и естественной необходимости) у Смита выражается как антиномия свободы абстрактного индивида - творца и необходимости конкретного классового индивида, производящего прибавочную стоимость, "труда именно как проклятия"*, труда по внешнему принуждению (см. формальное подчинение труда в мануфактуре). Четвертой антиномии Канта (установление и отрицание существования бога) соответствуют взгляды Смита на экономическую роль государства (от обожествления государства у ранних буржуазных мыслителей, через смитовское сведение роли государства к минимальному вмешательству, классическое мышление как бы опять обожествляет государство, но уже как внутреннее воплощение человеческого рода в немецкой классической философии). Интересно с этой точки зрения сопоставление структуры четырех основных форм отчуждения (в "Экономическо-философских рукописях 1844 г. К.Маркса) с антиномиями, идущими от Канта и Смита**.

Философско-методологические и политэкономические осмысления структуры отчужденных капиталистических отношений укрепляет повседневными представлениями противоречивость единого классического буржуазного мышления, являющегося главным образом рассудочным.

Итак, как показал К.Маркс, А.Смит, по мере того, как он развивает свое исследование в рамках магистральной, закономерной, естественно-исторической линии на стадии ее формирования, развивая ее тем самым по этой линии, с необходимостью должен был столкнуться с противоположностью экзотерического и эзотерического. Из этой противоположности вытекает и двойственность его метода и соответственно его системы. В этой системе эзотерический подход занимает преобладающее место***.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 109.

** . См.: Агг Атилла. Мир человека как субъекта общественного производства. М. 1984. С. 89-93.

***. См.: Маркс К., Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 117.

§ 4. Эзотерическое завершение рассудочной систематизации знания. Система Давида Рикардо

Если Смит был теоретиком в основном завершающего этапа мануфактурного периода капитализма, то Д.Рикардо был уже свидетелем завершения промышленного переворота, периода развития крупной промышленности, производства машин машинами. Речь идет о завершении становления капитализма и о переходе к его зрелой стадии, к его развитию на адекватной себе основе.

Его главный труд появился в 1817 г., и он умер в 1823, т.е. за два года до первого циклического кризиса капиталистического производства.

Уже было отмечено, что у А.Смита наука приобрела известную завершенность, представляющую возможности для ее плоско-систематического изложения (у Сея). Это означает, что, в общем, все основные стороны предмета уже "познаны" либо экзотерическим способом, либо эзотерическим. Поэтому "в период между Смитом и Рикардо появляются лишь исследования по отдельным вопросам - о производительном и непроизводительном труде, о деньгах, о теории народонаселения, о земельной собственности и о налогах"* . Преемники А.Смита, так или иначе, относились к системе последнего как к своей основе "независимо от того, примыкают ли они к эзотерической или к экзотерической части его произведения, или же, как это имеет место почти всегда, смешивают ту и другую"** . Таким образом, имело место своего рода количественное накопление специальных исследований по частным вопросам, которые не противопоставлялись учению Смита как системы, а разворачивали как бы в рамках последней. Это типичный процесс главным образом эволюционного развития науки. "Но вот наконец, среди них (преемников. - Д.П.) появляется Рикардо и кричит науке: "Стой! Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы - для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса - есть определение стоимости рабочим временем. Из этого Рикардо исходит и заставляет науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, - отношения производства и обмена, соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а стало быть, также и сами эти представления - соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В этом именно состоит великое историческое значение Рикардо для науки..."*** .

Д.Рикардо исходит непосредственно из трудовой теории стоимости А.Смита. "... Труд является основой двойкой стоимости и ... относительное количество его определяет (почти исключительно) относительную стоимость товаров ..."**** . Он со-

*.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 178.

*** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 178.

**** . Рикардо Д. Т. 1. М. 1955. С. 40.

сем не рассматривает характер субстанции, не углубляется в познание субстанции вообще, фактически берет ее в готовом виде от А.Смита. Его интересует прежде всего сущность начала. Подобно Фихте, который начал свою систему с того, что являлось основным в эзотерическом подходе Смита, но не было до конца. Начало системы Рикардо "получилось отчасти на основании того соображения, что из первого истинного должно быть выведено все дальнейшее, а отчасти из потребности в том, чтобы первое истинное было чем-то известным и, более того, чем-то непосредственно достоверным"* . Конечно, эта непосредственная достоверность снимается ретроспективным взглядом на историю абстракции трудовой теории стоимости. Но все же в системе Рикардо это начало не осмысливается исторически (поскольку такое осмысление предполагает специальное рассмотрение, помимо предмета и самих средств и способов познания, самой истории метода познания, что в рамках рассудочного мышления фактически невозможно), а применяется именно как начальное данное в его непосредственной достоверности, именно как результат, в отрыве от породившего его процесса.

Мы видели, что А.Смит уже нащупывает противоречие между простым товарным производством и капиталистическим. Он понимает, что "на наемный труд закон стоимости не распространяется. Значит, этот закон вообще не господствует над капиталистическим производством. Здесь - противоречие** , вследствие которого А.Смит приходит к утверждению, "что-де со времени возникновения капиталистического производства стоимость товаров определяется не тем трудом, которым они распоряжаются, - определяется, стало быть, стоимостью труда*** . По мере того, как А.Смит ощущает возникающее здесь противоречие, он вынужден изменять эзотерический подход экзотерическим, представляя фактически переход от предпосылок, от начала предмета к собственно предмету, "к его сущности как переход к чему-то принципиально не познаваемому эзотерически, к какой-то "вещи в себе". Догадка о существовании противоречия заставляет его ограничиться "миром явлений" предмета и лишает его систему связного единства.

Рикардо, наоборот, "отнюдь не разрешил той проблемы, которая составляет внутреннюю основу противоречия А.Смита**** , и не только не разрешает ее, "но даже и не улавливает ее у А.Смита***** . Естественно, принципиального разрешения названного противоречия здесь не может быть, поскольку субстанция как таковая, как вещь, прямо противопоставляется другой "вещи" - капиталу. В результате этого Д.Рикардо принципиально не в состоянии "понять специфическое различие между товаром и капиталом***** , т.е. мышление принципиально не в состоянии отличить бытие, непосредственность предмета от сущности предмета. Однако, отсутствие даже догадки о реальной проблеме у Д.Рикардо приводит его к выводу, что сбивающее Смита с толку противоречие не является противоречием самой действительности, а есть сугубо субъективное противоречие, противоречие-не-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1...С. 133.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 438.

*** . Там же. С. 439.

**** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 433.

***** . Там же. С. 439.

***** . Там же С. 445.

ственность в мышлении предыдущего исследователя, который просто не довел понимание до конца. Стало быть, "это недоеденное до конца понимание приводит к ошибочному взгляду будто именно разум впадает в противоречие с собой; оно не признает, что противоречие как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка и ее устранение"* . Отсутствие даже догадки о реальной проблеме у Д.Рикардо приводит его к осуществлению следующего необходимого и закономерного шага политэкономического мышления. Он без никаких сомнений и колебаний последовательно берет закон стоимости и применяет его непосредственно в том же виде, без промежуточных звеньев, к сторонам более развитой ступени развития предмета.

Итак, Д.Рикардо на основе выделенного у Смита простейшего отношения проводит до конца начатую, но прерванную Смитом эзотерическую систематизацию. Он продолжает эзотерическую направленность мышления Смита, и в этом смысле возникший уже у Смита метод (эзотерическая сторона двойственного метода) выводит за рамки двойственной системы Смита. Но поскольку это именно сторона старого метода, метод у Рикардо выступает уже как отличный от смитовского метода. Подобно Канту Смит занимался "познаванием", моментом которого служило и первоначальное включение эмпирического материала в поле науки. Подобно Фихте Рикардо на основе результатов "познавания" предыдущего исследователя (в результате которого все стороны предмета в общем и целом включены в "поле отсчета" науки) выясняет имеющееся в наличии знание, результат. Как и Фихте, Рикардо исходит в своем убеждении из убеждения, что наука "должна начать совершенно безусловным, совершенно достоверным"** . В качестве абсолютно первого основоположения системы начало не нуждается в доказательстве или в определении, оно не выводится, а берется как само по себе достоверное. Хотя исходное простейшее отношение у Рикардо "в себе есть нечто синтетическое, все же эта связь есть для аналитического познания в такой же мере лишь нечто данное, как и всякая другая связь его материала, и потому не относится к его специфическим задачам. Определяют ли вообще такого рода связь как нечто априорное или апостериорное, это здесь безразлично, поскольку ее понимают как найденную в наличии или (и так говорят) как факт сознания: с определением "целое" связано определение "часть" и так далее"*** . Исходное основоположение, результат истории познания предмета, берется рассудком как "факт сознания" наряду с другими "фактами" - знаниями о тех или иных сторонах и отношениях предмета. Это то, что в абстрактной форме было выражено как *codice* картезианства или как самосознание в трансцендентальном идеализме. И действительно, результаты процесса абсолютизации в отрыве от породившего их процесса, от их генетической связи с чувственностью, выступают как исходные принципы активности мышления. В истории науки о мышлении фиксирование этих "фактов сознания" играет роль признания объективного существования мыслительных формований (категорий, абстракций, понятий и т.д.) и одновременно признания, в той или иной мере, невозможности выведения этих формований из индивидуального опыта (что по отношению к логическим катего-

*: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. ... С. 99.

** . Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. ... С. 464.

*** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3... , С. 249.

риям было сделано впервые в истории Кантом). Рикардо не осмысливает это положение, но фактически (ибо логика развития исследования заставляет его действовать таким образом), именно так "обосновывает" свое начало и свою систему. И в этом смысле опережает гносеологический индивидуализм взятой им сознательно в основу сенсуалистической традиции. Он не осмысливает свою методологию, но своим исследованием, фактически, конкретным исследованием конкретного предмета приходит к познавательной ситуации, аналогичной той, которая осмысливается немецкой трансцендентальной философией, на основе обобщения естественных наук и истории философии. Более того, в некотором смысле, опять-таки не осмысливая фактические достижения своей методологии, своим конкретным исследованием моментами он подобно Фихте опережает Кантовскую методологию. Фихте как попытка более последовательного проведения трансцендентального идеализма "признал ничтожность сохраненного еще критической философией призрака "вещи в себе", этой абстрактной, оторванной от всякого содержания тени, и он поставил себе целью окончательно его уничтожить. Кроме того, эта философия положила начало попытке дать разуму развернуть свои определения из самого себя. Но субъективная позиция этой попытки не позволила завершить ее".* Вещью в себе оставалась у Смита не исследованная эзотерическим путем часть собственно предмета (капитализма). Последовательным применением эзотерического Рикардо стремится к преодолению методологического "дуализма" Смита. С этой точки зрения, методологический "дуализм" Смита оказывается моментом для исследующего перехода политэкономического мышления к методологическому "монизму" Рикардо. Этот процесс не осмысливается мышлением исследователя, фактически осуществляющих его. Он осмысливается великими диалектиками немецкой классической философии. Именно Кант и вслед за ним Фихте впервые осмысливали философски рассудок в качестве первой ступени мышления и пограничную разуму. В отличие от других классиков буржуазной философии, которые в общем и целом не выходили за рамки рассудочного мышления, великие диалектики осмысливали рассудок и эту познавательную ситуацию с позиции разума (хотя еще не развитого). Однако и с позиции разума, осуществляемое исследование мышления (рассудка и разума) в своем становлении проходит свою рассудочную ступень. С этой точки зрения, с точки зрения уровня науки о познающем мышлении, Кант и за ним Фихте, осуществляли переход к стадии формирования науки о мышлении. Главным образом каталогизировали, систематизировали, фиксировали, описывали моменты и стороны исследуемого процесса и систематизировали их по преимуществу внешним образом, на основе отрицательного определения сущности мышления, категорий, мыслительных формообразований: они есть ("факты сознания", априорные формы и т.д.), и они просто не являются результатами индивидуального опыта (как до этого полагала сенсуалистическая традиция). Закономерность и необходимость перехода познающего мышления к развитому мышлению, к осмыслению противоречий, к разуму, фиксируется, но в трансцендентальной философии не рассматривается специально, положительно. Сущность познающего мышления в ее логическом аспекте, внутренняя взаимосвязь логических категорий, не выявляются в чистом виде, а просто нащупывается и определяется главным образом отрицательно: это то, что выходит за пределы рассудка. К этой проблематике стремилось своим фактическим ис-

ледованием классическое буржуазное политэкономическое мышление. Однако при всем своем приближении к ней буржуазное политэкономическое мышление не было способно к сознательному осмыслению познавательной ситуации, в рамках которой завершилось формирование науки. Это потребовало бы именно разумного диалектического отношения к познанию (и к рассудку), впервые пробивающего себе дорогу у великих диалектиков немецкой классической философии.

Однако вернемся собственно к характеру исходных, произведенных рассудочным мышлением абстракцией. В качестве просто данных "фактов сознания", непосредственно достоверных, они выступают в силу их объективной видимости, в силу обнаружения их сущности именно посредством их непосредственной данности, когда отвлекаются от их прошлого и будущего. А рассудочное мышление именно в таком виде воспринимает абстракции и оперирует ими. Этими обстоятельствами с точки зрения внутренней определенности познавательной ситуации обусловлен и метод Рикардо.

Согласно К.Марксу, "метод Рикардо состоит в следующем: Рикардо исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем исследует, противоречат ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или в какой мере они модифицируют его. С первого же взгляда очевидна как историческая правомерность такого метода, его научная необходимость в истории политической экономии, так и, вместе с тем, его научная недостаточность, - недостаточность, которая не только проявляется в способе изложения (со стороны формы), но и ведет к ошибочным выводам, так как этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом. Категорически этот способ исследования был правомерен и необходим"*.

С помощью этого метода Д.Рикардо, в противоположность А.Смиту, "следуя по существу эзотерическому учению А.Смита против экзотерического А.Смита, последовательнее и острее развивает свою теорию стоимости и прибавочной стоимости"**. Этим методом исследования обусловлена и архитектоника его книги. "Таким образом, все произведение Рикардо содержится в его первых двух главах. В них развитые буржуазные производственные отношения, а стало быть также и развитые категории политической экономии поставлены на очную ставку с их принципом, с определением стоимости, и подвергнуты допросу на предмет выяснения того, в какой мере они непосредственно соответствуют этому принципу, или для выяснения того, как обстоит дело с теми кажущимися отклонениями, которые они вносят в стоимостное отношение товаров"***. В этих главах его книги содержится и критика предшествующей политической экономии, экзотерического подхода и выявляется основной закон, выдвинутый ее развитием. Но "высокое теоретическое наслаждение" и удовлетворение, которое доставляют эти две первые главы "благодаря их оригинальности, единству основного воззрения, простоте, концентрированности, глубине, новизне и многообъемлющей

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 177.

** Там же. Т. 24. С. 247.

*** Там же. Т. 26. С. 181-182.

сжатости изложения, неизбежно исчезает при дальнейшем чтении книги. Местами и здесь нас пленяет оригинальность отдельных рассуждений. Но в целом изложение вызывает утомление и скуку. Дальнейший ход изложения уже не является дальнейшим развитием мысли. Там, где изложение не заключается в монотонном формальном применении одних и тех же принципов к разнородному, по внешним признакам притяннутому материалу или в полемическом отстаивании этих принципов, оно только содержит либо повторения, либо дополнения". В изложении системы ярко отражается метод исследования Д.Рикардо. Сам он пошел сознательно на такой способ изложения. В одном из писем Мальтусу он говорит: "Моя цель заключалась в разъяснении принципов, и, чтобы показать действие этих принципов, я придумывал яркие примеры".

Задача зрелой науки состоит именно в том, чтобы от простейшего отношения перейти к целостному рассмотрению сторон предмета, прослеживая его внутреннюю опосредованную взаимосвязь. "Следовательно, если бы захотели сразу "объяснить" все явления, кажущимися противоречащими закону, то пришлось бы дать науку раньше науки", говорит К.Маркс, подобно критикующему Фихте Гегелю, и отмечает, что таким образом всевозможные категории, которые должны были быть выведены, у Рикардо предполагаются данными, чтобы доказать их адекватность основополагающему принципу. Поэтому Рикардо, подобно Фихте, "как бы выпаливая из пистолета", прямо начинает с внутреннего принципа, придавая своему изложению характер некоторого интеллектуального созерцания. Поэтому дальнейшее изложение "есть, однако, не что иное как только повторение одного первоначального акта анализа, а именно повторное определение того, что уже принято в абстрактную форму понятия как чего-то конкретного, а затем анализ этого конкретного, и потом вновь определение вытекающего из анализа абстрактного как чего-то конкретного и т.д. - Но определения мысли кажутся содержащими в самих себе также некоторый переход". И в этом именно заключается формализм проводимой Рикардо дедукции. Отражаемые в категориях отношение, стороны и т.д. предмета для формализма рассудка суть "столь готовые отношения, что одно определение находят как нечто наличное существенно связанным с другим".

Мысленное расчленение сторон предмета в общем и целом завершено. Однако и эта завершающая фактический становление науки систематизация, положена анализом. Между изначально данными расчлененными сторонами уже не устанавливается некоторое единство на основе непосредственного чувственного тождества. Устанавливаемое здесь рассудком единство принимает характер внешней связи различных, в их непосредственности. Чувственная непосредственность в известной мере уже преодолена. Д.Рикардо в отличие от А.Смита "сознательно абстрагируется от формы конкуренции, от видимости, создаваемой конку-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46 ч. II. С. 182.

** . Рикардо Д. Соч. Т. V. С. 105.

*** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 461.

**** . См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. I. ... с 125; его же: Феноменология ... С. 14.

***** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. I. ... С. 124

***** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. ... С. 248.

***** . Там же. Т. 3. С. 249.

ренцией, чтобы рассмотреть законы как таковые"* . Однако "его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он проводит абстракцию недостаточно далеко, недостаточно полно, так что, когда он, например, рассматривает стоимость товара, он уже с самого начала поддается определяющему влиянию также и всякого рода конкретных отношений"* . Следовательно, в результате рассудочного абстрагирования, отрицания чувственности, даже в этой наиболее развитой рассудочной системе остается определенная "часть" чувственных данных, отвлекающих познающее мышление своей непосредственностью. С другой стороны, ограниченность абстракции Рикардо заключается в том, что "он форму проявления понимает как непосредственное, прямое подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает развития этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она - абстракция формальная, ложная сама по себе"***, заключает категорию К.Маркс. Вторым моментом ограниченности абстракции Рикардо, о котором говорит Маркс, как показано выше, обусловлен характером абстракций, которыми оперирует здесь систематизирующий рассудок. Более того, если внутреннее, сущность (начала) берется в качестве непосредственного - а это происходит всегда, если сущность предмета не выделяется в чистом виде - то рассмотрение соотношения этого с остальными сторонами предмета (безразлично, принадлежат эти стороны бытию, сущности, явлению или действительности предмета), закономерно принимает характер внешней связи, т.е. сведения или (и) экстраполяции. Тогда, несмотря на то что в качестве основоположения берется внутреннее отношение, и несмотря на субъективное стремление исследователя выявить именно внутреннюю взаимосвязь, отличную от поверхности, сущность, внутреннее, опосредованное с необходимостью выступают как данные, поверхностные, непосредственные. Этот объективный закон познания в той или иной форме проявления на стадии формирования науки. Поэтому речь не может идти о "ложности" приема того или иного индивидуального исследователя при обнаружении этого переворачивания положения дел в мысленном отображении предмета на стадии частных случаев, Д.Рикардо, как и все классики, стоит на высоте своей эпохи, включается в магистральное, в закономерное направление развития науки, оптимально используя объективные возможности, предоставляемые ему конкретно-исторической познавательной ситуацией. Поэтому он и развивает, революционизирует науку. Ограниченность его метода, это, главным образом, исторически обусловленная ограниченность, результат состояния науки и предмета в конечном счете. Упрекать Рикардо за эту его ограниченность (если исходя из внутренней закономерности развития науки, а не из посторонних соображений) можно и нужно только с точки зрения развивающейся на своей собственной основе науке, которая еще не оформилась в зрелом виде. Тогда мышление относится к историко-научному материалу главным образом критически, с точки зрения пригодности или непригодности тех или иных достижений становления науки именно для создаваемой зрелой теории. Именно с этой точки зрения К.Маркс

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 111.

** . Там же; об этом и: там же. С. 181.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 111.

упрекает здесь метод Рикардо, что, между прочим, еще раз указывает на двойственный характер рукописи "Теории прибавочной стоимости" (в качестве исследования истории науки, но с точки зрения завершения развитой теории). Поэтому эти утверждения К.Маркса с необходимостью противоречат его там же изложенным высказываниям о необходимости и правомерности метода Рикардо.

Поскольку Рикардо не различает начало предмета и сам предмет, постольку ранняя стадия предмета, его предпосылка не различается со зрелой стадией развития предмета. Правда, он интуитивно догадывается, что осуществление закона стоимости зависит от определенных исторических предпосылок, что "для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т.е. современное буржуазное общество. В остальном Рикардо рассматривает буржуазную форму труда, как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного раба как и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1917 году"*.

В системе Рикардо рассудочное отрицание чувственности доводится до предела. Существенное, внутреннее, закономерное в предмете, в их предельной очищенности от несущественности, внешности и т.д. чувственности, превращаются в чистые формы. Действительно, выявляемые здесь мышлением отношения, общественные, производственные отношения капитализма представляются как чистые от их вещественного содержания, и безразличны к последнему. Рикардо, больше других экономистов понимает, "что меновую стоимость вещей надо рассматривать как всего лишь выражение, специфическую общественную форму производственной деятельности людей, нечто отличное от вещей и их применения как вещей в производственном или непроизводственном потреблении"**.

Хотя Рикардо исходит из сущности начала, поскольку выступает у него исключительно как данная (как и предмет, капитал), в его дальнейшем исследовании оказывается в плену отрицаемого содержания чувственности, в его вещественном, натуральном виде. Общественные отношения оказываются у него фактически чисто формальными опосредствованиями своего вещественного существования. Хотя Рикардо и исходит из меновой стоимости, определенные экономические формы обмена сами по себе не играют в его политической экономии совершенно никакой роли, а все время говорится лишь о распределении совокупного продукта и земли между тремя классиками, как будто в понятии богатства, основанного на меновой стоимости, речь идет только о потребительской стоимости, а меновая стоимость является всего лишь церемониальной формой (подчеркнуто мною. - Д.П.), которая у Рикардо исчезает точно также, как в обмене исчезают деньги в качестве средства обращения. Поэтому для того, чтобы показать значение истинных законов политической экономии, Рикардо любит ссылаться на это отношение денег как на нечто всего лишь формальное. Этим объясняется также

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 46-47.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 185.

слабость его теории самих денег"* . Отношение к внутренней взаимосвязи предмета как к только лишь общественным отношениям внутренне связано с рассудочным формализмом в методологии и с необходимостью оборачивается антиисторизмом. Общественные производственные отношения воспринимаются здесь как всего лишь пустые, абстрактные "церемониальные формы", в которых выступает в своем вечном движении естественное (т.е. природное, в отличие от общественного) содержание: обмен вещества между человеком и природой. Предмет, капиталистические отношения выступают как вечные естественные формы богатства, вещества. Предмет в этом случае не может быть представлен как процесс, ибо отсутствует внутренний источник саморазвития. Соотносясь исключительно с собою, непосредственно данная в этом подходе сущность предмета замыкается в себе. Источник развития таким образом понятого предмета может быть только внешним: либо естественным (сугубо природным), либо идеальным (разумом, абсолютной идеей и т.д.). "Грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей и определения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как природные свойства вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их"**. Поэтому, буржуазные экономисты "не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антогонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба"***. Политическая экономия своим завершением ее становления пришла к такому же идеалистическому и антиисторическому представлению об обществе, как и классическая буржуазная социальная философия (даже в лице ее лучшего представителя - Гегеля). "Самовозрастание стоимости, процесс образования прибавочной стоимости есть общественный процесс, процесс отношения людей друг к другу. Но было бы гегельянщиной сказать, что это только и исключительно отношение людей друг к другу"****. Отношения людей друг к другу рассматриваются в развитой теории как такие, через которые и в которых "преломляется" отношение людей к природе. Формально-рассудочная же оторванность общественных отношений от отношений к природе, от вещественного приводит закономерно к установлению внешней связи между оторванными сторонами, сводя (и экстраполируя) одни к другим (на другие).

Формализм развитого рассудочного мышления о предмете сопровождается чисто количественным переходом к предмету. Поскольку рассудок есть абстрактное отрицание вещественного содержания чувственности, от него отпадает качественная определенность вообще, так как последняя сводится им исключительно к отрицаемой непосредственности созерцания. Тем самым представление, охарактеризованное выше при рассмотрении "идеальной денежной единицы" у Стюарта, экстраполируется теперь на рас-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 287-288.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 198.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 622.

****. Вазюлин В.А. Система категорий диалектической логики. 1971. С. 608.

мнение всех сторон, предмета в целом (хотя при рассмотрении всеобщей формы проявления сущности начала Рикардо, поскольку он прибегает к некоторому варианту количественной теории денег, уступает Стюарту). Помимо "церемониальных форм", чисто количественные изменения усиливает, в свою очередь, иллюзию вечности капитализма. Последний может лишь количественно эволюционировать. Качественный переход для этого рассудка немислим. "Трудность для такого стремящегося к пониманию рассудка заключается в качественном переходе того или другого, нечто в свое иное вообще и в свою противоположность; чтобы избежать этой трудности, он обманывает себя представлением о тождестве и об изменении как о безразличном, внешнем изменении количественного"*.

С этим связано и понимание Рикардо времени как чистого количества (т.е. как у абсолютного идеализма), проявляемое при рассмотрении субстанции. Для Рикардо рабочее время - это данная, неизменная, постоянная величина. С таким пониманием количества и времени внутренне связано и одностороннее сведение у Рикардо сущности предмета только к ее относительной форме, трактуемой, опять-таки, чисто количественно (он рассматривает только относительную прибавочную стоимость**).

Вследствие указанной выше ограниченности мышления, Рикардо не в состоянии отличить последовательно и сознательно конкретную форму субстанции, производящую непосредственность вещи от субстанции вообще, создающей сущность вещи (хотя это различие фактически проводится, поскольку его интересует количественная сторона дела). Это приводит Рикардо к тому, что "он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы "Стоимость и богатство и их отличительные свойства" вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж.Б.Сей. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем***, т.е. приходит к определению сущности другой "вещи", в этом случае труда.

Для выявления специфики зрелой стадии предмета в отличие от его предпосылок, и сущности предмета в отличие от его бытия, необходимо было последовательно экстраполировать выявленный уже Смитом закон менее развитой стадии (бытия) непосредственно на все стороны собственно (зрелого) предмета. Эта экстраполяция частично выполнялась в системе Смита, в ходе его эзотерического рассмотрения предмета, отрицательно ограничиваемого и искажаемого со существующим и преобладающим там эзотерическим подходом. Д. Рикардо доводит эту экстраполяцию эзотерического до ее логического конца. Исчерпывая фактически возможности применения эзотерического подхода (как сугубо рассудочного подхода) Рикардо предоставил возможность последующему развитию политэкономического мышления обнаружить как достижения, так и принципиальную ограниченность этого подхода и вместе с тем всей классической буржуазной политэкономии, итогом которой выступала его система. Ограниченность этого подхода приводит к противоречиям, которые самим исследователем не осознаются. Противоречивость и неясность "усугубляются

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. С. 467.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 26. Ч. II. С. 448.

***. Там же. Т. 23. С. 90, примеч.

тем - в особенности если изложение не строго последовательно, а более добросовестно. (а именно так стоит дело у Рикардо.-Д.П.), - что в явлении повсюду обнаруживаются следы и обстоятельства, указывающие на многое и часто на совершенно иное, чем то, что содержится в принципах. Наконец, путаница становится еще большей, когда смешивают рефлектированные и чисто гипотетические определения с непосредственными определениями самого явления, когда их излагают так, как будто они взяты из непосредственного опыта"*.

У Рикардо рассудочное мышление в политэкономии капитализма достигает своего апогея. Между исходным принципом и экономическими категориями не устанавливаются отношения выводимости, а просто внешние отношения сравнительного сопоставления и сводимости. Непосредственность внешним образом заменяет последовательность опосредований, превращая последние в данность. Этим самым достигает своего апогея и рассудочное применение метода формального и внешнего по отношению к предмету.

Однако, в системе Рикардо достигается наиболее последовательное и глубокое объяснение предмета буржуазной политэкономией. Глубина и проницательность рассудочной абстракции превращают эту систему в глазах обывателя того времени в "мир наизнанку". "Хотя и ограниченный этим буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономику, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической проницательностью, что лорд Брум мог о нем сказать: "Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты"**.

С этой научной заслугой тесно связано то, что "Рикардо вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов - так, как ее показывает внутренняя связь, - и что в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития"***. Поэтому реакционер Кэри обвиняет Рикардо в приверженности коммунизму ...

Рикардо рассматривает капиталистический способ производства "как самый высший для производства вообще, ... и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет производства для производства, и он прав... Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только научно честной, и научно обязательной для его позиции. Но поэтому для Рикардо и совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих"****. И если его точка зрения соответствует в целом интересам промышленной буржуазии, "то это лишь потому, что ее интересы совпадают - и лишь в той мере, в какой они совпадают, - с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же беспощадно выступает против буржуазии, как в других случаях - против пролетариата и аристократии"*****. Методологическая прямолинейность Рикардо внутренне связана с его научной чест-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. ... С. 89-90.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 47.

***. Там же. Т. 26. Ч. II. С. 179.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 123.

*****. Там же. С. 124.

ностью и с его прогрессивной социальной позицией.

Его вера в прогресс капиталистического общества связана и с тем, что он сам "ничего не знал о кризисах в собственном смысле слова..."*, т.е. он не мог осознать глубокие неразрешимые противоречия капитализма.

В своей социально-политической деятельности Д.Рикардо выступает как радикальный либерал, против препятствий развития капитализма. Поэтому он теоретически приходит "к отрицанию частной земельной собственности, которую ему хотелось бы превратить в форме государственной собственности в общую собственность класса буржуазии, капитала. Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности - на одну форму частной собственности на условия труда - было бы очень опасно и для другой формы"**. Кроме того, он сам в конце своей успешной предпринимательской деятельности стал земельным собственником. И этим самым "буржуа сам себя территориализировал"***.

Совпадение открыто признанной им самим партийности с коренными интересами общества того периода обеспечивали исследованию Д.Рикардо высокие научные достоинства и соответствующие личностные и научные качества. Последовательность, "методологический монизм" Д.Рикардо - редкое явление в науке. Однако при всем этом, в его исследовании имеют место и непоследовательности. Например, в своей теории цены издержек неосознанно на основе заимствованного от А.Смита отождествления стоимости и цены издержек или "естественной цены" он приходит именно к "экзотерическим" положениям. Несмотря на то, что Д.Рикардо опровергает этот ошибочный взгляд А.Смита, последнему "удалось, однако снова поймать его на удочку при помощи "естественной цены"****. Хотя сознательно исследователь отвергает экзотерический подход, но в частном вопросе само по себе появление термина из арсенала "ходячих мыслительных форм", дезориентирует его в последовательном применении эзотерического подхода. Эта "псевдорациональная" форма, в силу ее устойчивости в повседневности, как первичное образование сознания, отвлекает его от им же самим поставленного принципа. Но научное беспристрастие и любовь к истине заставляют Рикардо в других случаях отказаться от принятых им положений, убедившись впоследствии в их неверности*****.

Получившая заверченный вид в системе Рикардо категория труда, приобретает в рамках единого классического буржуазного мышления и философский смысл. Гегель воспринял, обобщил и развил взгляды буржуазных экономистов на труд как исходную для объяснения экономических явлений категорию*****. Однако он истолковал эту категорию извращенно, сводя ее к духовно-абстрактному труду. Подобно буржуазных экономистов такой стороной являлась способность труда увели-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 553.

** . Там же. С. 39.

***. Там же.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 235.

*****. См.: Там же. Т. 23. С. 448.

*****. См.: Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М. 1987.

чивать богатство (специфически-капиталистическое богатство сливалось в их сознании с богатством человеческого общества вообще), у Гегеля - способность абстрактного труда созидать "родовую сущность" человека. Подобно буржуазным экономистам, Гегель не понял антагонистического характера труда при капитализме, при наличии частной собственности"* . Труд метафизически отождествляется им с процессами опредмечивания и распределенности, и только. Таким образом, неисторически подходу к делу, он отождествляет исторически переходящий антагонистический характер труда, отчуждение с трудом вообще, с опредмечиванием. Гегель, в отличие от экономистов, ставит вопрос об устранении, о снятии отчуждения, которое, однако, идеалистически и метафизически понимается им как исключительно мыслительный процесс, как упразднение предметности как таковой, т.е. уход от реальности. Развиваемые Гегелем собственно экономические взгляды, своей оригинальностью занимающие важное место в формировании науки, требуют специального рассмотрения, выходящего далеко за рамки настоящей работы.

Целесообразно напомнить об еще одном, характерном для классической буржуазной политэкономии, от Локка до Рикардо, противоречии на которое обращает внимание К.Маркс. Речь идет о противоречии между всеобщим юридическим представлением о "заработанной" мелкобуржуазной собственности, и фактическим политэкономическим исследованием, в котором эта форма собственности уничтожается, поскольку рассматриваются развитие капиталистические отношения. Оно покоится на сохранении формального юридического отношения товаропроизводителей и при развитии капитализма внутренне связано с антиисторизмом. "У всех этих писателей мы находим двойное: 1) Экономически они против покоящейся на труде собственности, доказывают преимущества экспроприации масс и капиталистического способа производства. 2) Идеологически и юридически идеология частной собственности, покоящейся на труде, переносится без дальнейших колебаний на собственность, покоящуюся на экспроприации непосредственных производителей"**. .

Итак, в система Д.Рикардо рассудочный эзотерический подход доводится до своего логического конца, фактически завершая стадию формирования науки политической экономии капитализма. Основное противоречие всего становления науки, противоречие между чувственностью и рассудочным мышлением, достигает уровня противоположности: чувственное, вещественное вытесняется почти полностью своим антиподом в виде рассудочного эзотерического подхода. Однако прогнанная абстрактным, первым отрицанием в дверь, вещественность вошла в окно и победитель в борьбе, рассудок, оказался у нее в плену. Побежденная сторона противоречия устанавливает косвенно свое новое господство. Неопосредственное тождество чувств и мышления почти исчезло в последней системе, однако отчасти сохранилось в указанном соотношении абстрактного формализма рассудка и грубого эмпиризма.

*. Разюлин В.А. Марксов анализ "механизма" социальной обусловленности логики Гегеля. // филос. науки. 1971. №2. С. 127.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 136.

§ 5. Подытоживание существенных достижений классической буржуазной политэкономии и подготовка предпосылок перехода к разумному сознанию

Первая попытка рассудочного восхождения от абстрактного к конкретному, несмотря на ее неудачу (фактическую, но неосознаваемую самим ее создателем) подняла теоретическое объяснение на высокий уровень. Однако характер созданной этой попыткой системы не позволял четко отличить ее радикальные выводы от абстрактных и формальных абсолютизаций. Последние представители классического направления буржуазной экономической мысли акцентируют свое внимание именно на выявлении этих полученных эзотерическим подходом результатов формирования науки.

По К.Марксу, "история современной политической экономии заканчивается Рикардо и Сисмонди - двумя антиподами, из которых один говорит по-английски, а другой по-французски, - подобно тому как начинается она в конце XVIII века Петти и Буагельбером"* . И действительно, специфика национальной традиции, проникающая и в экономическое мышление, приводит Сисмонди к ретроградной критике развитого предмета и последствий его развития. Сисмонди "нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагельбер - на деньги. Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы, и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сомнение"** . Те экономисты, которые подобно Рикардо, отождествляли сущность капиталистического общества с сущностью общества вообще (т.е. отождествляли самовозрастание стоимости со способом производства в широком смысле, с общественным способом производства вообще), обращают внимание только на развитие производительных сил (ибо конкретно исторические производственные отношения представляются лишь "церемониальными формами" последних) и "на рост промышленного населения и рассматривают предложение безотносительно к спросу - поняли положительную сущность капитала правильнее и глубже, чем те экономисты, которые, подобно Сисмонди, подчеркивают пределы потребления и существующего круга эквивалентов, хотя Сисмонди глубже понял ограниченность основанного на капитале производства, его отрицательную односторонность. Рикардо больше понял универсальную тенденцию капиталистического производства, Сисмонди - его специфическую ограниченность"*** . С этой точки зрения Сисмонди акцентирует внимание на том, что само развитие предмета противоречиво и чувствует, что это саморазвитие сталкивается с пределом, порожденным им самим, что возникающие из него противоречия должны привести предмет к гибели. Однако, поскольку суть и характер этих противоречий не выявляются в чистом виде, а схватываются интуитивно, и поскольку это схватывание осуществляется с позиции мелкого товарного производства, постольку предмет и теория о нем подвергаются внешней критике, исходящей из предпосылок: как первого так и

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 3.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 47.

*** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 388.

второй в качестве данных. "Вот почему ему (Сисмонди.-Д.П.) хотелось бы путем обычая, закона и т.д. установить внешние пределы для производства, которые однако именно потому, что они являются всего лишь внешними и искусственными пределами, неизбежно были бы опрокинуты капиталом"* . Он сам не различает самодвижения сущности предмета и самодвижение сущности общества вообще. Не понимает, что производство как самоцель, и развитие производительных сил осуществляются при капитализме всего лишь постольку, поскольку способствуют самовозрастанию стоимости. Это иллюзорное представление (соответствующее объективной видимости самого предмета, поскольку оно не различается сознанием от общества вообще), приводит его к отказу от прогресса вообще. Но поскольку не выявлена в чистом виде сущность этого прогресса, сознание стремится к установлению внешних искусственных границ, стремится обуздать неконтролируемые последствия. Так как и предмет, и теория о нем воспринимаются в их данности, то схематизируемые противоречия не представляются неразрешаемыми; а всего лишь выделяются их "хорошие" и "дурные" стороны. Критика с позиции экономического романтизма принимает характер долженствования, сводится к морализаторству. Выдвигается требование "ограничить" и "устранить" "дурные" стороны, "дурные" последствия самодвижения предмета, сохраняя при этом "хорошие". Эта традиция французской общественной мысли доведена до абсурда в карикатурном социализме Прудона, воспроизводится в различных формах до наших дней.

Но у Сисмонди романтическая критика капитализма приобретает (помимо ее методологического значения) и философский, этический смысл. По сути дела ставится вопрос об "издержках" прогресса человечества в условиях антагонизма, о соотношении частных, особенных и всеобщих интересов на заключительной субстадии формирования общества. Сама по себе постановка этого вопроса подрывает иллюзии о якобы гармоничном развитии всеобщего интереса, слагаемого из эгоистических атомарных своекорыстных стремлений агентов капиталистического общества. И в этом заключается его значительный вклад в социально-философскую и этическую мысль. Однако Сисмонди фиксирует названную противоречивость как данную, и, исходя из ее неизменности как предпосылки, он противопоставляет господствующему частному интересу другой частный интерес (воспринимаемый как всеобщий), который при этом не является антиподом первого (он не осознает социальную роль рабочего класса и отстаивает интересы мелкобуржуазных слоев).

На тех этапах истории общества, когда его развитие происходит преимущественно путем раскола общества на противоположные и противоречащие части со своими противоположными и противоречащими интересами, развитие осуществляется в ущерб интересам, через ущемление и отрицание интереса одной части (частей) общества другой. В моральном отношении непосредственно и ближайшим образом господствует зло (частный интерес в ущерб общечеловеческого), и только таким образом общество продвигается к осуществлению высшего добра, интереса единого человечества**. До достижения зрелого уровня развития, подлин-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 388.

** . См. об этом: Вазюлин В.А. Логика истории... С. 169

но человеческой истории, люди в той или иной степени, с необходимостью выступают как средства, а не как самоцель. Утверждения об обратном, о непосредственном господстве общечеловеческих интересов при существовании острых антагонизмов, фактически играют роль грубой реакционной апологетики господствующих классов, противоречащей именно продвижению общечеловеческого интереса, за которое якобы ратуют. Поэтому К. Маркс, отдавая должное вкладу Сисмонди, отмечает: "Если противопоставить этой цели (производства ради производства. - Д.П.) благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит, утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть задержано ради обеспечения блага отдельных индивидов ... (Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые затушевывают этот антагонизм, отрицают его). При таком подходе к вопросу остается непонятным то, что это развитие способностей рода "человек", хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадает с развитием каждого отдельного индивида; что стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву"*.

Итак, у Сисмонди морализующий абстрактный гуманизм фактически принимает характер ретроградной и реакционной утопии. И эта социальная позиция внутренне связана с породившей и обосновывающей ее методологией.

Если в лице Д. Рикардо, рассудочное мышление как внешняя рефлексия сопоставляет различные определения одинаковости и неодинаковости, и отрицательного соотношения к рефлексированности различных определений в себя, имея в виду лишь их, а не их переход, "который составляет суть и содержит противоречие", то остроумная рефлексия, в лице Сисмонди, "состроит в схватывании и высказывании противоречия"**.

Тем самым Сисмонди, и с этой точки зрения "говорит по-французски", поскольку французская философия выступает как само остроумие. Однако остроумное мышление дальше интуитивного схватывания противоречий не идет. Однако, при всей его ограниченности, Сисмонди своей загадкой о противоречивости буржуазного общества "делает эпоху в политической экономии"***.

Если завершение формирования науки, особенно у Рикардо, акцентировало внимание на понимании предмета как данного. что и привело к представлению о предмете как об абсолютном, внеисторическом, вслед за ней появляется ряд сочинений, авторы которых "овладевают вскрытыми Рикардо и другими политикоэкономными тайнами капиталистического производства для того, чтобы с позиции промышленного пролетариата выступить против капиталистического производства"****.

Таким образом, появляется такое критическое отношение к предмету, которое выступает уже с позиции класса - антипода господствующей буржуазии. Хотя эти новые позиции еще не осмыслены теоретически, отличаются существенно от господствующих до сих пор в политэкономии буржуазных или мелкобуржуазных позиций.

Помимо сведения сущности начала предмета к субстанции,

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 123.

** . Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. ... С. 67-68.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 245, 268.

****. Там же. С. 246.

буржуазная политэкономия подошла к выяснению сущности предмета (сводя представленную в прибавочном продукте прибавочную стоимость к прибавочному труду). "По сути дела это было сказано уже Д.Смитом и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в абсолютной форме"* . Именно пролетарскому анонимному автору памфлета принадлежит четкое фиксирование этого вытекающего из классической буржуазной политэкономии (и фактически, в скрытом виде имеющегося у нее) вывода. Памфлет - это полемический протест против уже осуществляемой апологетической идеологической функции достижений политэкономии, т.е. он направлен прежде всего против определенного использования достижений науки не в качестве знания, а в качестве главным образом формы общественного познания. "Это - протест против тех ложных причин, которым политикоэкономы приписывали тогдашнюю нужду и "национальные трудности"** . Поэтому сформулированное в нем более четкое понимание сущности предмета не повлекло за собой общей критики всей системы экономических категорий в целом. "Автор, напротив, стоит на почве рикардонской системы и только последовательно делает тот вывод, который содержится в самой этой системе, и выдвигает его в интересах рабочего класса против капитала"*** . Тем самым автор памфлета опережает унаследованное политэкономическое знание поскольку, во-первых, сводит сущность предмета к прибавочному количеству субстанции (безотносительно к форме этой сущности), а во-вторых, хотя и смешивает прибавочную стоимость процентом на капитал), он вместе с тем подчеркивает, что под этим модусом он понимает общую форму прибавочного количества субстанции в отличие от ее особых форм (атрибута и модусов). Но терминологическая неточность, отражающая ограниченность категориального понимания сущности, приводит автора к путанице, так что "в остальном автор находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников"**** .

Будучи всецело ограничены "горизонтом капиталистического производства", классики буржуазной политэкономии рассматривали сущность предмета фактически как тождество. Правда, в этом тождестве фактически фиксировалось и различие, однако, в связи с отсутствием сознательного понимания двойственного характера субстанции, внимание акцентировалось именно на тождестве. Сущность же как противоречивое единство не рассматривалась. Момент противоречивости, хотя и фактически фиксировался, но сознательно в предмете не выделялся. Таким образом, "объявляя в одно и то же время единственным источником богатства, с одной стороны, труд в абсолютном смысле этого слова (ибо для них наемный труд и труд тождественны), а с другой стороны, в таком же абсолютном смысле капитал, нищету рабочего и богатство того, кто не работает, они постоянно движутся в абсолютных противоречиях, совершенно не подозревая этого"**** . Эти противоречия "получили теоретически неткое ,

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 246.

** . Там же. С. 262.

***. Там же.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 262.

*****. Там же.

хотя и неосознанное выражение в теории Рикардо"*, который, наивно и непосредственно выражает понимание сущности как тождества в формулировке: "труд, или капитал". В этой нестрогой дизъюнкции оба члена берутся в их данности, как непосредственно фиксируемые вещи (ибо именно так представляются сознательно труд и капитал), т.е. как синонимы. Однако, противоречая самим себе, классики фактически отображали и противоречивость сущности. Поэтому "те умы, которые стали на сторону пролетариата, ухватились за теоретически уже обработанное для них противоречие"**. Они сосредотачивают внимание именно на игнорируемой стороне представляемой в виде тождества сущности предмета: "Капитал есть околпачивание рабочего - и больше ничего. Труд есть все. Таково и в самом деле, последнее слово всех тех сочинений, которые защищают пролетарские интересы с точки зрения Рикардо, исходя из его собственных предпосылок"***. Однако это перемещение акцента с одной стороны противоречия (из капитала) на другую (на труд), при всей его важности в истории науки, не выводит за рамки существующего высшего теоретического постижения предмета, и тем более приводит мышление к историзму. Это невозможно, пока не преобразуется коренным образом познающее мышление, его метод, средства и способы познания. Пока субстанция воспринимается как постоянная величина, как вещь. Капитал также не понимается как отношение и как процесс. Поэтому эти пролетарские критики капитализма и теории о нем "разделяют - хотя и с противоположного полюса, - ограниченность политико-экономов, смешивая антагонистическую форму этого развития с самим его содержанием. Одни хотят увековечить этот антагонизм ради его плодов. Другие готовы, чтобы избавиться от антагонизма, пожертвовать теми плодами (удобствами, машинами, наукой и т.д. - Д.П.), которые выросли в рамках этой антагонистической формы"****. И эта ограниченность характеризует даже самых значительных среди них, как например Годскина. Однако, это перенесение акцента на противоположный полюс по-прежнему представляемого как тождества противоречия сущности предмета, означает более глубокое понимание сущности, уже потому, что расшатало иерархию гармонизирующего представления о предмете рассудка, что и создавало предпосылки для целостного пересмотра этого представления. Более того, выбор именно полюса труда создает предпосылки для пересмотра предмета именно с точки зрения труда, пролетариата, для теоретического осмысления социального положения и призвания последнего, и тем самым для перехода к принципиально высшей, разумной методологии.

Вклад пролетарских экономистов не ограничивается изложенными выше достижениями. Рейнстон определяет точнее характер относительной формы сущности предмета (относительной прибавочной стоимости) в связи с характером, и резко констатирует факт отчуждения при капитализме; "увеличение производительной силы труда увеличивает только чужое господствующее над трудом богатство, капитал"*****. Годскин доказывает неприменимость

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 262.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. III. С. 265

***. Там же. С. 269.

****. Там же. С. 270.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 275.

ность, паразитический характер капитала в противоположность труду. Он же обнаруживает, что действия конкретно-исторической формы субстанции "приписываются вещи ("оборотному капиталу". - Д.П.)..., само отношение фантастически представляется в вещном образе"* . Здесь пролетарская критика теории и предмета заходит слишком далеко, что в качестве догадки нащупывает факт переворачивания действительного положения дел в сознании на основе объективной видимости, на основе выявления сущности на поверхности в виде непосредственной . Однако фиксирование этого факта имеет здесь эпизодический характер и ограничивается частным случаем. Более того, состояние теории (природа понятий, которыми еще оперируют и т.д.) не позволяет всеобщее теоретическое объяснение этого факта. Поэтому "Годскин считает это чисто субъективной иллюзией, за которой скрываются мошенничество и интересы эксплуатирующих классов. Он не видит того, как этот способ представления проистекает из самого реального отношения, не видит, что не последнее есть выражение первого, наоборот"**. Познающее мышление, обнаруживая противоречие в предмете и в теории о нем, поскольку оно действует, исходя из предпосылок унаследованной теории, трактует противоречие как чисто субъективное явление. А если Годскин исходит из предпосылок классического буржуазного мышления, то вполне естественно, что он в духе просветительской традиции объясняет обнаруженное им противоречие как злоумышленный обман. Однако при всей его ограниченности, обнаруженный им факт создает предпосылки для всеобщего объяснения наукой товарного фетишизма и объективной видимости вообще.

Последующий существенный шаг в развитии политического мышления, и одновременно в процессе демифологизации представленного как абсолютный капиталистического способа производства, осуществляется двумя последними представителями классической буржуазной политэкономии: Рамсеем и Джонсом.

Рамсей уже фиксирует более отчетливо конкретно-исторический характер субстанции, и следовательно, сущности предмета: "Как раз ту функцию капитала, которая делает его капиталом, - авансирование заработной платы, - Рамсей объявляет случайной функцией, вызванной лишь нищетой основной массы народа и безразличной для процесса производства как такового. В этой ограниченной форме Рамсей отрицает необходимость капиталистического способа производства"***. Сущность и субстанция понимаются как общественные (а не вещественные) отношения, исходя из результирующей и наиболее поверхностной их стороны, главным образом распределения, из соотношения "оборотного капитала" и "заработной платы". Существование иных жизненных условий не заставляло бы часть населения играть роль наемных работников у другой ее части, у работодателей - владельцев средств воспроизводства. "Итак, здесь мы подошли к тому пункту, где сама политическая экономия, на основании своего анализа, объявляет капиталистическую форму производства, а потому и капитал, не абсолютным, а лишь "случайным", историческим

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 306.

** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 307.

***. Там же. С. 444.

условием производства"* . Здесь понимание непосредственно сущности предмета значительно углубляется, однако исследователь не в состоянии на основе этого нового понимания сущности преобразовать унаследованную теорию.

Далее Рамсей приходит к выводу о полной зависимости модусов от атрибута и в конце концов об их бесполезности: "процент, в отличие от промышленной прибыли, равно как и земельная рента . . . являются такими наростами, которые оно могло бы отбросить"** . Здесь еще сохраняется революционная буржуазная направленность против феодальных (даже капиталистически преобразованных) остатков, стремление свести общество "к простой противоположности между капиталом и наемным трудом", не сознавая при этом, что: 1) Капитализм принципиально не в состоянии полностью преобразовать предшествующие общественные отношения, поскольку он является завершающим этапом процесса формирования человеческого общества (хотя существенно их преобразовывает и воспроизводит). Понимание этого факта возможно только с точки зрения развитой теории об обществе; 2) такое "ускоренное созревание", такое "забегание вперед" и упрощение капитализма "ускорило бы гибель этого способа производства"*** .

Джонс более отчетливо подходит к пониманию исторической определенности предмета, показывая, как капиталистический способ производства "возникает лишь на известной ступени развития производительных сил и издает тогда совершенно новый материальный базис. Но поэтому Джонс гораздо глубже, чем Рамсей, понимает также и "упразднимость", лишь исторически переходящую необходимость этой формы. . . заявляет, что он "принимает" капитал и капиталистический способ производства лишь как переходную фазу в развитии общественного производства, как такую фазу, которая, с точки зрения развития производительных сил общественного труда, означает громадный прогресс в сравнении со всеми предшествовавшими формами, но которая отнюдь не есть конечный результат, а напротив, в присущей ей форме антагонизма между "владельцами накопленного богатства" и "фактическими работниками" заключают в себе необходимость своей гибели"**** .

Уже достижениями последней великой системы классической буржуазной политэкономии "Призрак товарного мира рассеивается, и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда. Всякое вещественное прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда, кристаллизация процесса производства, мерой которого является время - мера самого движения"*****. Таким образом, арассудочный анализ и синтез сводят все естественное и все чувственно-воспринимаемое к абстрактной человеческой деятельности, т.е. к общественным отношениям как к чистым формам. Все, что является природно-вещественным в предмете, лишается всякой самостоятельности: рассматривается лишь общественная сторона дела. Этим

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 339.

** . Там же. С. 372-373.

*** . Там же. С. 373.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 444-445.

** . Там же. С. 446.

самым само это общественное приобретает черты опровергнутого рассудком природно-вещественного, выступает беспредпосылочно в качестве внеисторического, абсолютного, данного общественного состояния. Это целое - абсолют выступает как движение, количественное изменение, мерой которого является внешнее по отношению к нему "чистое количество" - время. История этого предмета характер "дурной бесконечности", саморазвертывания во времени. С этой точки зрения, достижения классической буржуазной политической экономии сыграли роль важного конкретно-научного материала, на основе философского осмысления которого возникла и вершина немецкой классической философии - система и метод Гегеля.

Познавательная ситуация в политэкономии после последней системы, сходна с описываемой Гегелем ситуацией в философии, после трансцендентального идеализма: "мысль простерлась на весь мир, ко ко всему прилепилась, все подвергла исследованию, во все внесла свои формы, все систематизировала, так что повсюду надо было действовать, руководствуясь ее определениями, а не голым чувством, рутинной или практическим смыслом, этой чудовищной неосознанностью так называемых практических людей"* . Но рассудочная мысль определила этот мир, исследуемый ею предмет, как абсолютное состояние, как предел развития общества вообще. Однако "если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному, вообще как к его неограниченному; иное некоторого предела как раз и есть выход за этот предел"** , отмечает великий диалектик Гегель. В этом смысле, классическая буржуазная политэкономия, определив ее предмет как абсолютный предел развития, уже, отрицательно и в скрытом виде, выходит за этот предел, не осознавая этого. Это осознание явилось предпосылкой последующего развития классического политэкономического мышления. Первое осознание ограниченности предмета осуществляется ретроградно и внешне (у Сисмонди). Далее, по мере выявления сущности предмета и характера его сторон, мышление приходит к выводу о не абсолютном характере предмета, о его случайности (у Рамсея). Пока не указывается отличие предмета от предшествующих ему ступеней развития, устранение предмета представляется как абстрактная возможность (не указывается, что привело бы к коренному изменению жизненных условий, чтобы осуществилось устранение капитализма). Историчность предмета осознается лишь косвенно, отрицательно. Далее, углубление мышления в познании сущности предмета приводит к более отчетливому осознанию отличия предмета от предшествующих ему ступеней развития (у Джонса). Осознание исторической определенности предмета углубляется и мышление рассматривает уже "историческую правомерность" предмета и условия его "упразднимости" собственной противоречивостью. Необходимость предмета уже не выступает как абсолютная необходимость. Самодвижение предмета приводит к чему-то другому, неизвестно к чему именно. Элементы историзма в науке развиваются сущест-

*. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 459.

** . Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. I. ... С. 193. Эта гениальная идея Гегеля противоречит всей его системе, поскольку последняя понимается как учение об абсолютной идее, о пределе вообще. См. об этом и, его же: Феноменология духа. С. 232.

венно. От качественной непосредственности предмета мышление перешло к рассмотрению главным образом его количественной определенности, и от нее, в лице последних классиков буржуазной политэкономии, к интуитивному нащупыванию меры. Исторический характер предмета теперь уже не рассматривается путем непосредственного наблюдения на основе отрицательного определения сущности (как это имело место у Стюарта). Теперь уже рассмотрение исторической определенности предмета в целом и о его сущности, что приводит и к проблематике меры его существования. Несмотря на то, что эти элементы историзма существенным образом развивают познание предмета - это всего лишь начатки исторического подхода, создающие необходимые предпосылки для подлинного историзма в науке. Более того, "с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются историческими, приходит конец заблуждению, рассматривающему буржуазный способ производства, и открывается перспектива нового общества, новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход"*.

Научные достижения классического политэкономического мышления после Рикардо поднимают науку на более высокий уровень. В основном эти достижения выявились как подытоживание, как выводы из унаследованного знания и подготовленные последним. Опираясь на достижения последней рассудочной системы как предпосылки собственного развития, познающее мышление выявляет более отчетливо противоречивость предмета и его сущности, его исторический характер и догадку о мере его развития. При всей своей глубине эти новые знания появляются фрагментарно, как бы эпизодически, не приводя к новому синтезу на основе преобразования унаследованного знания. Такой синтез потребовал бы перехода к принципиально новой, разумной методологии. Последние классики совершали свои открытия все же в рамках рассудочного мышления, опираясь на последнюю рассудочную систему. Пример пролетарских авторов показывает, что для коренного преобразования науки не достаточна лишь прогрессивная социальная позиция.

Сам характер выдвинутых исследователями этого периода проблем - противоречивости предмета и его историчности - указывает на созревающую внутри потребность к развитию такой методологии, с точки зрения которой только и возможно теоретически отобразить именно противоречивость и историческую определенность развития предмета. Тем самым начикается осознание относительности, ограниченности, противоречивости и т.д. рассудочного знания как синкретического единства разнородных моментов внутреннего знания с ходячими мыслительными формами, на основе объективной видимости. Достижения науки этого периода, в их фрагментарности, принимают характер количественного скопления в рамках унаследованного знания. Но это такие количественные изменения, которые, во-первых, качественно отличаются от качества унаследованного знания, и, во-вторых, приводят к отрицанию старого качества знания, создавая предпосылки для осуществления второго отрицания в истории науки, для снятия разумным мышлением рассудка и чувственности. Сама по себе постановка проблемы меры развития исследуемого предмета указывает на достижение познанием меры своего развития на основе

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 446.

рассудочного мышления, это уже такое качественное количество развития рассудка, преодоление которого приводит к разуму. Переход к специальному рассмотрению противоречивости и историчности предмета - это уже своего рода начатки, моменты диалектического мышления в рамках рассудочного. Это элементы пока еще стихийной диалектики.

§ 6. Методологические выводы

На стадии формирования науки возникший познавательный процесс формируется и преобразует унаследованное от донаучного знания и от вненаучного (обыденного, художественного и т.д.) постижения предмета (как в прошлом, так и в современном ему обществе) отношения к предмету. Естественно, что с первоначальным возникновением науки одновременно начинается и это преобразование. На предыдущей стадии возникли и основные компоненты познавательного процесса как специфического производства знания ("орудия", средства познания, предмет, цель, способ и результат), - хотя и еще не в расчлененном, в неопределенном виде.

Если на стадии первоначального возникновения науки преобладало созерцательное описание, т.е. непосредственное включение в "механизм" развития познавательного процесса этого донаучного и вненаучного, эмпирического материала, а производство собственно научных знаний (знаний о внутренней взаимосвязи предмета) возникало в качестве ведущего, но не господствующего фактора развития данного познавательного процесса, то на стадии формирования науки происходит постепенное превращение этого ведущего фактора в господствующий. Следует отметить однако, что пока наука находится на стадии ее формирования, унаследованное от до- и вненаучного отношения к предмету, "внешнее" по отношению к науке (в смысле не-мыслительного, вещественного, чувственно-наглядного, созерцательного и т.д.) еще не полностью преобразуется. Всегда при аналитическом абстрагировании, при отрицании чувственности (рассудочном) мышлением, остается определенная "часть", "остаток" непреобразованной чувственности, характеризующий как попытки теоретического объяснения, так (и тем более) и описание. На начальных этапах этой стадии (например у Стюарта или у Физиократов) меньше преобразовано это "внешнее", унаследованная основа собственно мыслительного познавательного процесса. По мере завершения стадии формирования, это внешнее, унаследованное отношение все в большей степени в снятом, преобразованном виде включается в собственно научное, в мыслительное отношение, хотя полностью преобразовать чувственное в рамках рассудка невозможно (даже при отказе от экзотерического, у Рикардо, рассудок не преодолевает поверхность, объективную видимость).

Период формирования науки с точки зрения продукта (продуктов), с точки зрения ее результата (результатов) начинается с той ступени, когда познание предмета достигает такого уровня (количественно и качественно, точки зрения характера знаний), при котором становится возможна систематизация этих знаний каким-то образом. Более того, когда эта систематизация превращается в необходимое условие дальнейшего углубления, развития познания, когда познание осуществляется путем мыслительной переработки имеющейся в наличии совокупности знаний.

Основное противоречие этой стадии науки - это противоречие между формирующимся в той или иной мере мышлением, мысленным (рассудочным) отображением предмета, и еще непреобразованной "частью" чувственно-конкретного, созерцания, между еще нерасчлененной, неанализированной чувственностью и уже

выявленными абстракциями в их обособленности, между чувственным и рассудочным. С одной стороны, производство собственно научных знаний (выявление внутренних сторон предмета, некоторое объяснение и т.д., т.е. знание полученное мыслительной переработкой мысленно расчлененного, анализированного эмпирического материала) уже есть и развивается. И эти знания (поскольку они есть) в основном не являются чувственной "добычей" информации о предмете, а производятся путем мыслительной обработки унаследованной широкой основы (состоящей из старого знания о предмете, и из этого фактического, эмпирического материала, к которому постоянно обращается познающее мышление). С другой стороны, отрицаемая рассудком сторона, чувственное еще присутствует в том или ином виде, в той или иной степени и приносит свою определенность отрицающему ее рассудку. Состояние различных расчлененных познавательных актов анализирующего мышления на каждом этапе не однородно. Рассудочные абстракции могут быть еще не очищенными от их вещественного, чувственного содержания, особенно когда процесс расчленения сторон предмета продолжается. Тогда синтезирующая, дедуцирующая деятельность рассудка принимает в основном эмпирический характер, на основе тождества чувственности. Если в качестве основы рассудочного синтеза берется еще не завершенная рассудочная абстракция, то момент чувственного тождества включен в само основание систематизации. Если в качестве основы рассудочного синтеза берется более или менее завершенная рассудочная абстракция, но обратный процесс познания, описание, еще не завершено, в познании сосуществуют два противоположных подхода, эзотерическое и экзотерическое. Завершение функции экзотерического подхода позволяет последовательное применение эзотерического и в общем и целом завершение познавательной функции рассудка с установлением внешней связи между уже расчлененными и обособленными абстракциями.

Там и тогда, где и когда господствует в науке описание, познающее мышление определяется непосредственностью предмета, в той или иной степени подчиняется ему. Поскольку же, поскольку в науке выдвигается на первый план (фактически) функция объяснения (т.е. когда действует именно мышление, а не чувства), то мышление начинает подчиняться им же самим созданному методу, принципам и т.д. Превращение компонентов научной деятельности из преимущественно данных науке извне (из непосредственно практического отношения к предмету, из опыта и т.д.) в преимущественно созданные процессом научного познания представляет собой одновременно и формирование внутреннего источника самодвижения науки (по сравнению с внешним источником движения науки) как главного источника развития науки. Тогда имеет место превращение ее компонентов из извне данных условий в следствия науки. В первом случае познание осознается как положенное непосредственностью предмета и сущность сводится к непосредственности, происходит как бы отказ от познания сущности, существенного и т.д. (Если мышление остановится на этом, то получится настоящий отказ от сущности, как в позитивизме). Во втором случае господство мыслительных продуктов, абстракций, создает тенденции к осознанию этого состояния как подчинения предмета мышлением, познающим субъектом. Последнее же склонно к сведению поверхности

к сущности, что фактически приводит к превращению так понятой сущности в поверхность в непосредственность, (если эта тенденция доводится до конца, получается идеализм).

На стадии формирования науки формируется и мышление. Но поскольку господствует здесь анализ, и даже синтез положен анализом, мышление существует через свое разделение, расчленение, через свое отрицание, ибо собственно мышление - это внутренне взаимосвязанное мышление (само формирующееся мышление есть отрицание чувственного. Но именно такова отрицательная природа рассудка.

Формирование науки начинает завершаться тогда, когда в познавательном процессе начинают исчерпываться тенденции к включению всех категорий, всех выведенных абстракций в качестве моментов в единой, но главным образом внешней и формальной системе отображения предмета.

На стадии формирования науки происходит переход от преобладающего использования "добытого" эмпирического материала в его непосредственности, к преобладающему использованию уже обработанных мышлением абстракций, приведенных более или менее в пригодное для "материала" рассудочного синтеза состояние. Определяются более отчетливо пределы наличного существования предмета и фактически его стороны охватываются целиком.

Формирование науки с точки зрения системы науки, т.е. с точки зрения результирующей оформленности, последовательности, структуры, расчленения достигнутых, с помощью метода знаний на каждой стадии (субстанции) развития науки, совершается в конечном счете под определяющим влиянием формирующегося метода, познавательного отношения к предмету. Но вместе с тем формирование системы (Систем) есть относительно самостоятельный процесс. Метод выступает и есть в действительности нечто внешнее по отношению к системе (их к предмету) на всем протяжении формирования науки, что выявляется, во-первых, в расхождении между процессом исследования и изложением полученных результатов (что не может фиксироваться в настоящей работе, поскольку не рассматриваются индивидуальные познавательные процессы, а автор стремится по фиксированным "следам" последних воссоздать логику филогенеза науки), и во-вторых, когда уже полученные знания используются как средство отыскания нового знания, когда достигнутые знания берутся как потенциальное средство получения нового знания. По мере их превращения из потенциального в актуальное средство познания, старые знания преобразовываются в этом новом процессе познания таким образом, что фактически сливаются в новом знании, средство как бы угасает в результате познания, и тогда метод все менее может быть отличен от самого познания (что более или менее возможно исследовать по "следам", и - за исключением возможных сугубо индивидуальных аспектов, - в известном смысле совпадает с отличиями между исследованием и изложением). Но главным образом система и метод, в связи с каждым раз определенным обращением познающего субъекта к новым фактам (сторонам, аспектам, отношениям и т.д.) всегда витающего в сознании реального предмета исследования, образуют внутреннее единство конкретно-исторического способа производства знаний о данном предмете исследования. Этим противоречивым единством оформляется и внутренний источник саморазвития науки на стадии ее формирования.

Поэтому можно говорить о тех или иных расхождениях между системой и методом, но поскольку речь идет о двух аспектах одного и того же единого процесса развития научного мышления, абсолютного разрыва и противоречивость между системой и методом нет. Система - это момент метода, развивающегося познающего мышления, а метод - это то же развивающееся познающее мышление в действии, в движении. Огрубляя немного положение дел, можно сказать, что системы - это фиксированные моменты покоя в едином процессе движения, развития мышления, в которых отражаются моменты прерывности в единстве с непрерывностью этого процесса.

Внутренним источником всего процесса становления науки является основное противоречие процесса восхождения от чувственного конкретного к абстрактному: противоречие между чувственным и мыслительным (рассудочным). Это противоречие, на стадии формирования науки поднимается на более высокий уровень, пронизывает как методы, так и системы, посредством которых формируется теперь наука. Как методы, так и системы, последовательностью которых разворачивается теперь формирующееся научное мышление, превращаются здесь во все более рассудочно мыслительные, вытесняя чувственное тождество мысленной внешней связью.

Наличие мыслительно выведенных средств и способов познания, форм развертывания познавательных актов, метода, обуславливает собственно возникновение систем (ибо некоторые "системы", в смысле неформальной совокупности достигнутых знаний существовали и на предыдущих стадиях).

Развитие оформленности знаний, развитие систем на стадии формирования науки происходит противоречиво. Системообразующая связь между каждым раз достигнутыми знаниями, сначала имеет чувственный характер непосредственного эмпирического тождества. Постепенно же собственно мыслительный (рассудочный) характер устанавливаемой (внешней и формальной) связи между все более расчлененными знаниями отличается от названного чувственного тождества, собственно мыслительная (рассудочная) связь превращается в безраздельно господствующую. Результирующие оформленности получаемых на каждой фазе (субстадии) формирование науки знаний, т.е. системы, относительно самостоятельны, что и отражается в определенном несовпадении субстадии формирования метода познания и субстадии формирования систем. Сначала возникает новая субстадия метода познания (потенциальное обращение унаследованного знания к новым фактам), которая начинает несоответствовать прежней стадии систематизации и при своем дальнейшем развитии (при превращении потенциального в актуальное знание, соответственно преобразуемое по мере осмысления фактов) вступает в противоречие со старой субстадией систематизации и преодолевает ее созданием новой системы.

Собственно производство знаний в виде фрагментарных познавательных актов абстрагирования проходит свой ранний этап уже на стадии первоначального возникновения науки, и при дальнейшем развитии этого (рассудочного) производства знаний возникает противоречие между ним и непосредственным созерцанием служащим его широкой основой.

Метод познания, соответствующий стадии формирования науки, начинает развиваться уже на стадии первоначального возникновения науки (аналитическая индукция с некоторыми элемен-

тами синтеза, дедукции), а стороны, моменты, зачатки метода, соответствующего стадии зрелости науки, начинают развиваться на стадии формирования науки (синтез, дедукция, попытки восхождения от абстрактного к конкретному, выявление противоречий, элементы историзма и т.д.), однако всего лишь в качестве подчиненных моментов, перспектива которых не осознается исследователями.

Формирование науки, особенно с точки зрения результата этого формирования, развитого рассудка, представляет собой отрицание предшествующего развития науки (главным образом чувственного познания). Отрицание тождества непосредственного созерцания рассудочным, расчленяющим мышление есть одно только отрицание, но и утверждение, т.е. создание в рамках этого первого, абстрактного отрицания предпосылок для его снятия, для установления уже не тождества хаотического представления о целом, и не рассудочной внешней связи путем непосредственной сводимости изначально данных в их оторванности сторон, а диалектического синтеза, целостности, единства многообразных определений.

Рассудочное мышление - это формирующееся мышление, созревающее мышление. Развитое, зрелое мышление - это разумное мышление. Формирующееся мышление в течение всего процесса формирования науки существует не на своей, а на чуждой, унаследованной основе.

До завершения формирования науки, говоря об адекватной основе рассудочной систематизации знаний о предмете, рассудочная связь, рассудочное мышление как собственно научный подход, как теоретическое отношение к предмету, противопоставлялись непосредственно эмпирическому представлению, описанию, и тогда для характеристики адекватной основы рассудочного подхода и адекватной основы непосредственного знания достаточно было провести различие между мыслительными продуктами и средствами, с одной стороны, и эмпирическими, непосредственно созерцательными, с другой стороны.

Но с рассмотрением зрелой, наиболее развитой рассудочной системы и следующих из нее выводов, необходимо указать хотя бы на различие между рассудочной систематизацией, рассудком как первой ступенью мышления и мышлением вообще, развитым, разумным мышлением.

Ограничение мышления сугубо рассудочным подходом к действительности обусловлено в конечном счете специфически капиталистическим характером общественных отношений и вытекающих из них "ходячих форм мышления". Однако, когда рассматривают рассудочный подход классиков буржуазной политэкономии (и классического буржуазного мышления вообще) как всего лишь проявление этой социальной обусловленности, фактически сводят внутреннюю определенность, закономерность развития научного мышления как естественноисторического процесса ко внешним факторам. Происходит сплошной редукционизм науки, непосредственное, грубое идеологизирование и политизирование познавательного процесса. Тогда упускается из виду, что формирование рассудочного мышления обусловлено, на стадии формирования науки, внутренними закономерностями развития познания. В любом научном познании, пока не исчерпываются возможности рассудочного подхода к предмету, не возможно перейти к разумному подходу. В политической экономии капитализма, в период ее становления, рассудочный подход был закономерным и необходимым

для развития самой науки и одновременно усиливался социальными и идеологическими причинами, которые, однако, у самих классиков (а это уникальный случай в истории науки, связанный со спецификой предмета науки о производственных отношениях капитализма) не нарушали естественнo-исторический ход становления науки.

И вообще наивно связывать автоматически социальную позицию с методологией. Такой "автоматизм" - признак не просто наивности, но и грубого рассудочного подхода к науке. Если бы имел место такой автоматизм, то зрелая теория о капиталистических производственных отношениях была бы создана первыми идеологами рабочего класса, пролетарскими экономистами или утопическими социалистами. Ведь сам Маркс подчиняется этому закономерному развитию мышления. Вплоть до открытия теории прибавочной стоимости он воспроизводит в снятом виде филсофскую науку, разделяя, например, рассудочное представление о продаже рабочим "труда".

Г Л А В А IY

АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО ПОДХОДА К ПРЕДМЕТУ И К
ИССЛЕДОВАНИЮ КАК РАЗРУШЕНИЕ НАУКИ. ВУЛЬГАРНАЯ
БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Наука - это процесс и результат производства знаний и предмете исследования. В этом смысле наука - это особая сфера человеческой деятельности, это, пока, особый вид труда. Как и любой вид труда, наука существует главным образом в двух формах: 1) в форме повторяющегося научного труда, для которого характерно акцентирование внимания на количественной стороне результата, как репродуцирование заданного, и 2) в форме совершенствования существующего процесса научного труда и, следовательно, в форме научной деятельности, выходящей за пределы достигнутого труда, переходящей к иному (более развитому при прогрессирующем развитии науки) труду. В этой второй форме, труд принимает характер главным образом творчества. Действительно, научное мышление - это развивающееся, совершенствующееся мышление, следовательно, это мышление главным образом действующее в рамках второй формы научного труда, которая в снятом виде включает в себе и первую.*

Соответственно формам научного труда возникают и субъекты, осуществляющие этот труд, ученые со специфическими качествами. Первой форме "научного" ** труда соответствует главным образом человек, для которого "научная" деятельность - всего лишь средство. Она может быть средством для удовлетворения непосредственных жизненных необходимых потребностей. Она может быть средством для утверждения его в обществе, средством, обеспечивающим ему престиж. Она может быть и средством для выдвижения и осуществления каких-то посторонних науке целей, потребностей, интересов определенных групп людей, классов, индивидов, которые не совпадают с внутренними потребностями развития науки. К этой категории "людей науки" относятся конформисты, *** единственным критерием "научной" деятельности для которых выступает принцип: "чтобы не прицепились вышестоящие инстанции"...

Однако, в любой науке настоящими учеными считаются люди, совершающие открытия, развивающие науку, т.е. люди, для которых основной потребностью выступает потребность собственно в научном труде. Научно-исследовательская деятельность для этих людей выступает как внутренняя необходимость, развивающая творческие силы человека, удовлетворяющая их потребность в развивающем их труде. Эти люди, в качестве агентов конкретно исторических отношений, в рамках которых они действуют, - носители определенных социальных интересов, позиций и т.д. Однако чтобы эта их главная потребность осуществлялась, она должна соответствовать их идеологии, их социальной позиции, и наоборот. Это особенно важно в науках об обществе (тем более в науке о производственных отношениях), в которых (с точки

*. См. об этом: Вазюлин В.А. Логика истории...

** . Сугубо повторяющийся труд в науке не является собственно научным трудом.

*** . Активное стремление к престижу и к авторитету в качестве самоцели - это тоже своего рода активный, а порою воинственный конформизм.

зрения их общественной роли) момент сознания преобладает над моментом знания. Поэтому науки об обществе способны развивать только те люди, социальная позиция которых соответствует интересам классов, заинтересованных в прогрессирующем развитии общества. В этом смысле возникает еще одна, высшая потребность, способствующая развитию науки: потребность содействовать (и в данном случае теоретически) прогрессивному развитию человечества.

Мы уже видели, что развитие науки подчиняется определенным закономерностям. Разворачивается как естественно-исторический процесс. Достигнутый на каждом этапе развития науки уровень знаний

и вообще конкретно исторически познавательная ситуация (уровень развития предмета исследования, уровень развития науки и конкретного индивидуального ученого) создают спектр возможностей для дальнейшего развития науки. Реализация тех или иных из имеющихся возможностей развития науки непосредственно зависит от конкретного исследователя (исследователей), но в конечном счете не зависит от тех или иных сугубо индивидуальных качеств, поскольку развитие науки пробьет (так или иначе) себе дорогу. От этих качеств зависят уже во многом зигзаги и противоречия в развитии науки.

Любая наука в общем и целом имеет возможность прогрессивно развиваться до тех пор, пока: 1) предмет ее исследования не познан адекватно и полно в его внутренней взаимосвязи, т.е. пока не исчерпаны познавательные возможности развитого, разумного мышления о предмете; 2) самостоятельность ее моментов, ее компонентов остается относительная к их внутренней связи и подчас подчинена последней. Поэтому тенденция к саморазрушению науки как возможность имеется на каждом этапе ее развития, даже если она не достигла уровня зрелости.*

Внутри науки существует необходимое разделение труда, опирающееся не на распределение ролей и функций по наличным, данным, предметным средствам и условиям труда в их жесткой неизменности, а, напротив, предполагающее взаимный обмен способностями, личностные отношения между людьми. Это разделение труда, эта кооперация научного труда специфическим образом опосредована. "Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников."** В этом смысле, отношения, характеризующие это кооперирование прошлого и современного труда в науке, в процессе ее настоящего развития, революционизирования, являются своего рода прообразом характера труда и общественных отношений развитого человеческого общества.

Развитие науки имеет диалогический характер, но не в наивном смысле собеседования ради любопытства, "свободы слова" и т.д., а для выявления истины, адекватного знания о предмете. Следовательно, эта диалогичность - способ включения того или иного исследователя во внутреннюю закономерность процесса научного познания. В этом диалогическом разделении труда, субъектами которого выступают личности, намечается тенденция подлинного обобществления труда, ибо здесь обобществляются и интегрируются обществом не столько "средства" и "продукты" тру-

* См.: Вазюлин В.А. Логика истории ... С. 100.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 116.

да, но главным образом потенциальные познавательные возможности, творческие способности людей. Производительное "потребление" достигнутого на каждом этапе науки знания означает одновременно совершенствование, развитие как науки, так и исследователя.

В общественной науке классовость совпадает с научностью только в том случае, если классовые интересы исследователя совпадают на самом деле, а не в его сознании с прогрессивным развитием всего человечества. Исследователь оказывается в состоянии развить науку теоретическими открытиями по мере того, как он осознает общественную потребность в такого рода открытиях. Однако, это не чисто индивидуальный, а тем более не чисто психологический процесс. Одной психологической установкой на изучение чего-то открытия не совершаются. Требуется специфическая переработка, специфический отбор, противоречивый процесс "перевода", "фильтрования" всех "внешних" по отношению к науке тенденций при посредстве сложной сети опосредствований. По мере развития науки, по мере ее обособления от ближайших форм постижения действительности, она приобретает свою собственную "логику", собственные закономерности развития, только в конечном счете определяемые общественной материальной практикой. Гениальность исследователя предполагает его способность, сознавая назревшие общественные потребности, превращать их во внутреннюю мотивацию своей деятельности, в своего рода психологическую установку на познание предмета. Но этого недостаточно. Необходимо еще, включая свою деятельность в "рамки", во внутреннюю логику науки (что требует определенного усвоения и преобразования унаследованных от филогенеза науки достижений), способствовать преодолению, снятию этих "рамок" в направлении магистральной, внутренней закономерности развития науки, таким образом, чтобы эта внутренняя закономерность полагалась "как самоосуществление, предметное воплощение субъекта."* Классики буржуазной политэкономии обладали такими качествами. Они всегда сохраняли и определенное критическое отношение к предмету, поскольку действовали в основном в условиях его формирования, и начала его зрелой стадии, до проявления кризисного характера его развития. Они были настоящими учеными, а для настоящего ученого "правда не должна зависеть от того, кому она должна служить."**

В 30-е годы XIX века "классовая борьба практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертельный час для научной буржуазной политической экономии... бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные искания заменяется предвзятой, угодливой апологетикой."*** Поэтому К.Маркс строго разликает "идеологические составные части господствующего класса" и "свободное духовное производство"**** при капитализме. К первым он относит идеологов, которые "делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом се-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. II. С. 109-110.

** . Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 446.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 17.

****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 280.

бе."* Как только капиталистические отношения достигли своей зрелости, а буржуазия - безраздельного политического господства, ее представители фактически преобразили свою деятельность в области "свободного духовного производства", в области настоящей науки. Общественная наука институционализируется "идеологическими составными частями господствующего класса" и сводится к пошлой апологетике. Этим самым буржуазная "наука" окончательно покидает эзотерический подход классиков и "толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлимое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами."**

Ранние этапы процесса вульгаризации науки начинаются в споре о производительном труде,*** где "все непроизводительные" экономисты, которые решительно ничего не создают в своей собственной специальности, выступают против различия между производительным и непроизводительным трудом."**** Одна из основных черт вульгаризатора науки - это то, что "сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а... новая теоретическая форма",***** в которую ее путем сублимации превратил ее создатель, оригинальный мыслитель. Поэтому с появлением первых великих систем науки возникают и паразитирующие на них "ученые" типа Сэя и Мальтуса. После системы Д.Рикардо "получает также новую пищу и вульгарный экономист (ведь сам он ничего не производит)...",***** "теоретизируя" на основе вульгарных элементов классической политэкономии и посредством эклектического извращения и релятивизации отношений сторон предмета, которые уже ввела в научный оборот объемлющая система классика К.Маркса. разбирая по ходу дела вульгарную форму идеологического сознания, проникшую в экономическую науку, делает ряд глубоких выводов и замечаний по вопросам духовного идеологического производства. При этом он вовсе не сводил эту позицию лишь к выражениям какой-либо исключительно личной заинтересованности, злонамеренного умысла лиц, строящих идеологические общественные отношения из материала функционально-фетишистского сознания. Не возлагая исключительной ответственности за вульгаризацию на индивидов, "Маркс тем не менее рисует подобных "идеологов" далеко не в розовом свете, но беря их именно как усредненных общественных индивидов, типичных для массовых общественных связей,"***** позволяя тем самым нам представить себе, какого типа "личности" нужны такого рода "науке".

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Ч. I. Т. 3. С. 46.

** . Там же. Т. 23. С. 19.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 157.

****. Там же. Ч. 1. С. 285.

*****. Там же. Ч. III. С. 82.

*****. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. С. 527.

*****. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах К.Маркса. Вспр.Филос. 1968. № 6. С. 25.

Таким образом он рисует Мальтуса, этого "профессионального плагиатора."* Для него характерна "глубокая низость мысли, низость которую может себе позволить только поп, который в людской нищете видит наказание за грехопадение..."** ..Этот "бесстыдный сикофант," доводя до крайности чужие идеи, всегда делает из этого "выгодное дельце." Как верный "адвокат господствующих классов," он прибегает к законам не просто менее развитых ступеней общества, а непосредственно природы, с целью дать наукоподобный облик своей эклектической "теории народонаселения." "Этот негодяй извлекает из забытых уже наукой (и всякий раз им украденных) предпосылок только такие выводы, которые "приятны" (полезны) аристократии против буржуазии и им обеим - против пролетариата."*** Относительно "научного стиля" Мальтуса К.Маркс отмечает, что он "является настоящим образцом слабоумия, которое, одурманивая само себя казуистикой, лавирует среди собственной внутренней путаницы понятий; его тяжеловесное и беспомощное изложение оставляет у наивного и некомпетентного читателя впечатление, что если читателю трудно внести ясность в эту путаницу, то причина этой трудности заключается не в противоречии между путаницей и ясностью, а в недостаточном понимании со стороны читателя."**** Доказав, что вся деятельность Мальтуса сводится к тому, чтобы подчинить науку непосредственным интересам господствующих классов, или к тому, чтобы придать наукоподобный вид их идеологическим догмам (что одно и то же), К.Маркс заявляет; что "человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, - такого человека я называю "низким."*****

Методика плагиатора предполагает эклектическое скватывание мыслей оригинально исследователя, при одновременном извращении положений последнего, сопровождаемом "уничтожающей критикой" этих извращенных положений. Таким путем нам "мыслители" еще раз доказывают свое гениальное превосходство ... и одновременно скрывает от читателя источник собственного паразитизма*****.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 120.

** . Там же. С. 122.

*** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 124.

**** . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 17.

***** . Там же. Ч. II. С. 125.

*****. Эта разработанная методика вульгаризации, охотно используется и современными "творческими учеными." Можно, например, на основе доказанных уже в начале 60-х годов положений о различиях в понимании методологии у Маркса и у Энгельса делать "выгодное дельце" сегодня, в эпоху всеобщей истерии против марксизма, доведя при этом эти положения до абсурда, и представляя их автора как неспособного к мышлению... (Речь идет о ... "производственном" потреблении идей В.А.Вазюлина в конъюнктурно-вульгарных целях. См. Шкредов В.П. Ф.Энгельс и "Капитал" К.Маркса, в кн.: Ф.Энгельс и его время. М. 1990; выступление А.Ю.Чепуренко на Энгельсовских чтениях от 23-24 ноября 1990 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См.: Вопросы истории КПСС. N 3. 1991. С. 141.)

К.Маркс подробно анализирует процесс разложения школы Д.Рикардо. Разложение этой школы происходит по двум теоретическим вопросам: "1) Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости. 2) Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятное отношение между стоимостями и ценами издержек."* Это действительные проблемы, имеющие место у самого Рикардо, и связанные с принципиальной неспособностью рассудочного мышления выделить сущность предмета в чистом виде и выявить переход от начала к сущности и от нее к явлениям и к действительности. Первые попытки "разрешения" этих противоречий заключались в догматической защите старой теории, внутренне связанной со стремлением оправдать капитализм. Дж.Милль "хочет, с одной стороны, изображать буржуазное производство как абсолютную форму производства и пытается поэтому доказать, что его действительные противоречия представляют собой кажущиеся противоречия. С другой стороны, он старается изобразить теорию Рикардо как абсолютную теоретическую форму этого способа производства, а также устранить формальными доводами те теоретические противоречия, которые отчасти были указаны другими, отчасти бросались в глаза ему самому."** То к чему стремится Милль - "это формально-логическая последовательность. С него "поэтому" и начинается разложение рикардианской школы."*** Там, где решение вопроса по существу в рамках такого понимания теории невозможно, "возможно только софистическое устранение трудностей на словах, т.е. только схоластика. Это начинается у Милля. А у такого бессовестного пошляка, как Мак-Куллох, эта манера принимает форму важничавшего бесстыдства."**** Противоречие между простейшим отношением и более развитыми конкретными отношениями "здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И это хотят достигнуть с помощью словесной фикции,"***** путем изменения наименований вещей, с помощью фраз. Основной метод Милля сводится к тому, что как только он обнаруживает противоречие, "он подчеркивает момент единства противоположностей и отрицает противоположности. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей."***** Абсолютизация единства и отрицание борьбы противоположностей есть основная "методологическая" установка всех апологетов, безразлично к их идеологической окраске, которая часто прикрывается "революционной" фразой.

Гегель выступал против искусственного мыслительного "устранения" противоречий (хотя сам вынуждается характером своей методологии именно так и поступать при рассмотрении противоречия в сущности, в основании): "Это слишком большая нежность по отношению к миру - удалить из него противоречие, превнести, напротив, это противоречие

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 244.

**., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 82.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 81-82.

****. Там же. С. 85.

*****. Там же.

*****. Там же. С. 86.

в дух, в разум и оставить его там неразрешенным."* - Это "нежничание" с противоречиями не осознает (если сознательно скрывает), что "таким путем противоречие не разрешается, а лишь переносится в другое место в субъективную или внешнюю рефлексию вообще."**

Апологетические фразы всегда доказывают противоположное тому, что хотят "доказать", ибо "стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, не должны существовать."***

Послерикардовская литература, за исключением продолжателей эзотерического подхода о которых шла речь, "это всецело литература эпигонов: воспроизведение старого, большее развитие формы, более широкое освоение материала, стремление к доступности изложения, популяризация, резюмирование, разработка деталей, отсутствие ярких и решающих фаз анализа, инвентаризация старого, с одной стороны, и прирост отдельных частей с другой."**** К.Маркс констатировал, что "плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее "великих мыслителей."***** Среди последних он выделял Джона Стюарта Милля, схоластического защитника Рикардо, у которого, наблюдались и некоторые "современные тенденции." Дж.Ст.Милль писал труд по формальной логике (по индуктивной логике); обосновывал феноменологический позитивизм и в своей этике стремился сочетать утилитаризм с альтруизмом. Это типичный пример ученого-эрудита. конформизм и компромиссная социальная позиция которого переводится в формализм его методологии.

Конформизм в науке превращается в академизм в той форме апологетики, которую К.Маркс называл "профессорской." Последняя "берется за дело "исторически" и с мудрой умеренностью отыскивает везде "наилучшее, причем для нее не важно, если в результате, получаются противоречия, а важна только полнота отобразенного. Это - выхолащивание всех систем, у которых повсюду обламывают их острые углы и которые мирно уживаются друг с другом в общей тетради для выписок."***** Подобного рода труды "являются вместе с тем могилой этой науки."

Консервативный конформизм академической "науки" оправдывает свою позицию опасениями возможности заблуждения при смелой исследовательской деятельности, предпочитая исследовательский минимализм. Однако, как говорил Гегель, "то, что называется страхом перед заблуждением, следовало бы признать скорее страхом перед истиной."***** Все эти проявления вульгаризации усиливаются и воспроизводятся в условиях бюрократизации науки, в рамках иерархии "идеологических составных частей."

В дальнейшем вульгарные экономисты все больше и больше отказываются от научного наследия классиков, и не считают нужным даже иметь общее представление о литературе в этой на-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики...Т.1.С.317.

** . Там же. Т.2. С.46.

***. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.26.Ч.II.С.577.

****. Там же.Т.46.Ч.I.С.3.

*****. Там же.Т.23.С.525.

*****. Там же. Т. 26. С. 528. Ч.III.

*****. Гегель Г.В.Ф. Феноменология... С. 42.

учной области. Вульгарные "мыслители" полагают таким образом, в противоположность Спинозе, что "невежество есть достаточное основание,"* так как "резонерство относится негативно к достигнутому содержанию, умеет его опровергнуть и свести на нет."** Амбициозное игнорирование некоторыми учеными высших достижений их науки - "точка зрения, почерпнутая не из самой науки," фактически приводящая к вульгаризации, поскольку она не способствует осмыслению достижений науки.

Вульгарный экономист постепенно связывает свою профессиональную обязанность "с разукрашиванием возможно большей ученостью,"*** сумбурных, обыденных причудливых представлений повседневной жизни капиталиста, которые "переводит на якобы более теоретический язык и своими конструкциями пытается обосновать правильность этих представлений."**** И вообще буржуазная наука все больше отказывается от научных элементов у классиков, ограничивается поверхностной видимостью, отвергает систематический подход и релятивизирует все отношения предмета. Постепенно она переходит к грубому психологизму и субъективизму. Так, Мак-Куллох объясняет прибыль тем, что "у капиталиста есть мотив получать "прибыль"...".*****

Примечательно и актуально, с точки зрения состояния современной "теории", то, что при обнаружении кризисов системы, одни "теоретики"упрямо утверждали, "что если бы производство направлялось по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса,"***** другие же (Кэри), прямо обвиняли за это теорию об этой системе, утверждая, что "действительные противоречия капиталистического производства ... суть результат теория Рикардо и других!"***** Глубина, оригинальность и "обоснованность научных" альтернатив объяснения действительности достигают своего апогея.

Но для философского "осмысления" этого триумфа теории требуется и подходящий человек. "Иеремия Бентам - явление чисто английское. Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа... который с таким самодовольством вещал бы обыденнейшие банальности... С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера - и при том, в частности английского филистера - с нормальным человеком вообще. Все что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее... Если бы я обладал смелостью моего друга Г.Гейне, - пишет К.Маркс, - я назвал бы г-на Иеремию гением буржуазной глупости."***** То, что было гениально и прогрессивно у классиков буржуазного мышления, у первооткрывателей, превращается здесь в карикатуру, доводится до абсурда. Бентам прямо отождествляет интересы индивидов и общества в целом в

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 317.

** Гегель Г.В.Ф. Феноменология... С. 32.

*** Там же. С. 71.

**** Там же Т. 26. Ч. II. С. 577.

***** Там же. Ч. III. С. 177-178.

***** Там же Ч. II. С. 556.

***** Там же. С. 575. Т. 23.

***** К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 23. С. 624-625.

своем знаменитом "законе": "наибольшем счастьем наибольшего числа людей". Таков вклад в науку "этого трез-педантичного, тоскливо болтливого оракула пошлого буржуазного рассудка".*

"Возвращение" вульгарной науки к поверхностному воспроизводству обыденных иллюзорных представлений, не представляет собой продолжение экзотерического подхода классической науки при ее становлении. Специфика вульгарной "науки" заключается в том, что она останавливается, замыкается и погрязает навсегда в повторении и модифицированном воспроизводстве "побочных" продуктов становления научного мышления (огрублений, познавательных противоречий, неадекватного знания, заблуждений и т.д.), когда они уже перестали быть необходимыми с точки зрения законченного развития науки. В контексте становящегося научного мышления эти "побочные" продукты играли закономерную роль в качестве "негативного" момента развития. Вульгарное же повторение этих пройденных наукой моментов предполагает обсолютизацию последних (возможно, при частичной их "модернизации") в отрыве от породившего их процесса. Таким образом, даже гениальные и прогрессивные для своего времени ограниченности и ошибки оригинальных исследователей в руках вульгаризаторов превращаются в свою противоположность. "Все взгляды, бывшие для своего времени революционными, по мере развития общества или наук превращаются в консервативные, а затем в реакционные, если их пытаться применить к условиям, по отношению к которым они изживают или изжили себя."**

Аналогичные процессы описывает Гегель у эпигонов классиков немецкой философии. Описывает, ибо такое "мышление" трудно проследить теоретически: "чем слабее мысль, тем менее иной раз заметно, в чем определено заключается ее слабость, и тем труднее анализировать ее."*** "Печально, - говорит Гегель, - то, что незнание и даже бесцеремонное лишённое вкуса невежество, неспособное сосредоточить свои мысли на каком-либо абстрактном предложении, а тем более на связи между несколькими предложениями, выдает себя то за свободу и терпимость мышления, а то и за гениальность."**** То, что у этих "мыслителей" не является "совершенно бессмысленной чепухой, болтавней... представляет собою такие тривиальные мысли, что может возникнуть сомнение в том, что правильно ли мы их поняли, во-первых, потому, что последние излагаются с таким заносчивым, притязательным бесстыдством; во-вторых, потому, что полагаешь, что все-таки не будут же они высказывать такую тривиальщину."*****

Аналогичные процессы разложения усиливаются после Гегеля. При этом среди его последователей, так же как и после Рикардо, появляются тенденции, с одной стороны к консервации его наследия, даже в теологическом духе, с другой же стороны, левое младогегельянство в основном прибегает к менее развитым подходам (к субъективному идеализму). Оба направления доводят до карикатурности и до абсурда философию Гегеля. Единственная заслуга лю-

*. К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 23. С. 623.

**+. Вакюлин В.А. Становление метода... С. 150.

**+. Гегель Г.В.Ф. Феноменология... С. 182.

****. Там же С. 37.

*****. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.ХІ. М.-Л. 1935. С. 512.

бых эпигонов заключается в том, что своей абсолютизацией каких-либо сторон системы учителя, доведением их до абсурда и т.д., позволяют более отчетливо выявить ограниченность и противоречия, которые у оригинального мыслителя существуют в скрытом виде. Из атеистического направления левого младогегельянства выделяется Фейербах, фактически последний классик буржуазного философского мышления.* Особое место среди последователей Гегеля занимают молодые К.Маркс и Ф.Энгельс.

Общей закономерностью при разложении любого теоретического направления, является переход от догматической защиты и консервации схематизированного и огрубленного варианта этого направления к полному отказу от него, к скептицизму, релятивизму и эклектике. Разложение науки - признак ее кризиса. Отказ от магистральной закономерности развития науки при обнаружении исчерпания ее объяснительных возможностей или (и) при грубом, внешнем вмешательстве в этой закономерности приводят к разрушению науки. Однако, в любом кризисе процесс разрушения обычно сопровождается - рано или поздно - процессом революционирования, развития. В политэкономии капитализма, эту миссию выполнил в свое время (и в определенной мере) К.Маркс. Только ему удалось проанализировать классовые и теоретические причины кризиса политэкономической науки в связи с причинами кризиса теории об истории общества и методологии научного исследования. Таким образом, он сконцентрировал свои усилия главным образом на развитии наиболее необходимой, с точки зрения коренных конкретно-исторических потребностей общества, и наиболее подготовленной в методологическом отношении науки: политической экономии капитализма. Достигнутое Марксом революционирование этой науки послужило обоснованием революционной практики и открыло громадные возможности для революционирования наук и вообще человеческой деятельности.

Целесообразно хотя бы кратко остановиться на эстетическом аспекте становления, развития и разрушения науки. Мы уже видели, каким образом на начальных этапах становления науки мышление с необходимостью прибегает к чувственным, образным эквивалентам всеобщности, сущности, закономерности и т.д. предмета (у Петти, у Буагельбера, у Физиократов и т.д.). Далее, по мере созревания теоретического отображения предмета у оригинальных мыслителей, при всей "сухости" рассудочного мышления, в изложении их достижений обнаруживаются моменты "теоретического наслаждения". В развитой, разумной науке, отрицание отрицания чувственности приводит как бы обратно к некоторой чувственности. Однако это не непосредственная чувственность созерцания. Зрелое, целостное и последовательное мысленное отображение конкретного предмета как единства многообразных определений, представляет собой главным образом творчество, осуществляемое и по законам красоты. Образ мысленно-конкретного воспринимается и эстетически. Порой это эстетическое восприятие теоретической целостности способствует распространению и углублению познания научных достижений в их подлинно диалектическом изложении. Сам Маркс не издавал "Капитал" пока не придавал ему форму "художественного целого". Вульгаризация же изначально стремится к разорванности, к по-

* Примечательно, что Фейербах, как и Сисмонди, выступает с морализирующей критикой теории и действительности.

верхности, к фрагментарности, к эклектике. Отрывочные повторы пройденных научных положений, сопровождаемые искусственным стремлением к остроумной неповторимости "стиля", (чтобы автор выделился своей внешней непохожестью при мрачной одинаковости плоскости ума), принимают характер своеобразного Kitsch, воспринимаемого эстетически bricolage. Разрушение мышления сопровождается разрушением эстетической гармонии. И только как вульгарное "мышление" выполняет функцию продукта и условия воспроизводства фетишизированного сознания "идеологическими составными частями господствующего класса."

ГЕГЕЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Единственная попытка целостного философско-методологического осмысления истории познающего мышления в домарксовской науке принадлежит Гегелю.

Сс времен Гегеля появилось множество подходов к становлению мышления, к субъективной логике. Однако почти все повторяют (в лучшем случае) отдельные положения, открытые уже Гегелем. Среди марксистов это повторение сопровождается стремлением "перевести" эти положения на материалистический язык, "декларированием" их массой "современных" примеров и т.д. Обычно реальный вклад Гегеля в изучение становления научного мышления полностью игнорируется.

На мой взгляд, при всей ее ограниченности, гегелевская концепция развития познания (в его филогенезе и онтогенезе), в общем и целом остается единственным и, по существу, пока что непревзойденным с методологической точки зрения, систематически изложенным подходом к этому предмету.* В любой познавательной области, развитие теории достигается исследованием еще не исследованного (или недостаточно исследованного с определенной точки зрения) фактического материала, в связи с параллельным критическим переосмыслением знания, наиболее развитого из существенных в данной области. Поэтому в настоящей работе, методологическое осмысление истории становления капитализма сопоставлялось с критически переосмысленной и переработанной именно гегелевской концепцией становления познающего мышления, как она изложена в его "субъективной логике," в "Фенологии духа" и в "Лекциях по истории философии."

При всей его ограниченности Гегель выявил и выдвинул ряд принципов исследования истории познающего мышления, особенно на ранних его стадиях. Сначала необходимо отнестись систематически к этим неразвитым стадиям мышления, "ибо наука не может просто отвергнуть неподлинное знание под тем лишь предлогом, что оно представляет обыденный взгляд на вещи, и уверять, что она сама есть знание совсем иного порядка."** Именно Гегелю принадлежит догадка о естественноисторическом характере развития мышления посредством ряда формообразований. "Последовательность формообразований, которые сознание проходит на этом пути, есть ... подробная история образования самого сознания до уровня науки".*** При этом, "путь к науке сам уже есть наука".**** Процесс развития познающего мышления не осознается непосредственно, поскольку "то, что сперва казалось предметом низведено для сознания до знания о нем, а то, что в себе, становится некоторым бытием этого "в себе" для сознания, то есть новый предмет, вместе с которым выступает и по-

*. Исключением в этом отношении являются работы В.А.Вазюлина: См.: Рассудочное и разумное мышление в развитии познания, в кн. Диалектика процесса познания. М. 1985; его же: Становление метода...

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 43.

***. Там же. С. 44.

****. Там же. С. 50.

вая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. Это - то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования сознания в ее необходимости. Только сама эта необходимость или возникновение нового предмета, который предстает перед сознанием, не знаящим, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания".* Гегелю принадлежит и идея о том, что становящееся мышление - это единство адекватного и неадекватного знания. "Эта истина заключает в себе ... в такой же мере и негативное, то, что следовало бы назвать ложным, если бы его можно было рассматривать как нечто такое, от чего следовало бы отвлечься. Само исчезающее правильнее рассматривать как существенное не в смысле чего-то застывшего, что, будучи отсечено от истинного, должно быть остановлено вне его, неизвестно где; подобным же образом и истинное нельзя рассматривать как мертвое положительное, покоящееся по другую сторону. Явление есть возникновение и исчезновение, которые сами не возникают и не исчезают, а есть в себе и составляют действительность и движение жизни истины ... В рамках этого движения отдельные формы существования духа ... столь же положительные необходимые моменты, сколь и негативны и исчезающи".** Однако, эти и другие гениальные мысли Гегеля, не проводятся им последовательно, что связано главным образом с его антиисторизмом.

Антиисторизм Гегеля, на мой взгляд, в его субъективной логике проявляется более отчетливо, чем в объективной. В объективной логике антиисторизм проявляется, главным образом, в абсолютизации логического, в абсолютизации восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. в абсолютизации к конкретному, т.е. в абсолютизации момента тождества мышления и действительности (предмета). Но все же этот момент (именно в качестве момента) имеет место в процессе познания (в развитой теории о развитом предмете). И тогда выводимость, рядоположенность категорий в их логической связи отражает, в общем и целом, взаимосвязь одновременно существующих сторон развитого предмета. При этом время, временная определенность полностью исключается Гегелем из рассмотрения. И это не могло быть иначе, поскольку момент тождества бытия и мышления представляется как абсолютное состояние. Однако, при всей ограниченности и мистифицированности "объективной логики", в ней система логических категорий в их объективной взаимосвязи, в общем и целом схватывается.

В субъективной же логике труднее всего "доказать" абсолютное тождество бытия и мышления поскольку предметом ее рассмотрения является возникновение, формирование и развитие научного мышления, т.е. процесс перехода от незнания к знанию, от известного к неизвестному и т.д. Здесь, стало быть, сама по себе постановка этого вопроса противоречит коренным образом идее тождества, в определенном смысле больше, чем отображение непосредственности, бытия, в объективной логике, ибо там все же речь идет о снятом процессе перехода мышления от непосредственности к сущности. Однако тот факт, что Гегель, все же, рассматривает субъективную логику вопреки собственному принципу, свидетельствует еще раз о его гениальности, о

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология ... С. 49.

** . Гегель Г.В.Ф. Феноменология... С. 24-25.

его научной добросовестности. В этом смысле, его научная последовательность заставляет его изменять своему принципу. В этом и выражается эзотерический подход Гегеля в противоположность экзотерическому. В результате этого обстоятельства, следовательно, его рассмотрение субъективной логики изначально ограничено постоянно разворачивается "в плену" у зафиксированного выше противоречия.

Эта ограниченность отражается и в методе изложения субъективной логики. Форма движения мысли расчленяется на его "составные части", которые излагаются друг после друга. Предпринимаются попытки установления связи между этими "частями", переходов, выводимости и т.д., т.е. тот же логический метод объективной логики экстраполируется и на изложение истории познания, субъективной логики. Правда, в общем целом в субъективной логике устанавливаются основные моменты, аспекты, и многие закономерности формы движения становящегося мышления, что в определенной мере его использовано в преобразованном виде при рассмотрении становления науки в данной работе. Однако, само по себе членение предмета и метод его изложения внешне по отношению к предмету.

В "субъективности" последовательно излагаются понятие, суждение, умозаключение и их виды. В реальном же процессе познания все эти формы движения мысли выступают на каждом этапе в специфическом единстве. Конечно, можно проследить направленность становления мышления, выявляя в качестве аспектов каждую из названных форм на разные этапы процесса познания. Это продемонстрировало бы именно состояни^я отдельных взятых понятий, суждений умозаключений на каждом этапе. Это простая задача уже давно демонстрируется в науке, в качестве примера элементарных форм развития мышления.* Однако этими иллюстрациями познание движения познающего мышления не исчерпывается, а просто указывается его направленность. В "объективности" Гегель прибегает к гениальной натурфилософской метафоре о последовательности механизма, химизма и телеологии, с помощью которой он проводит классификацию наук. Натурфилософствование продолжается и в первой главе "Идеи". Здесь не оспаривается гениальность и значение многих положений, которые излагаются в этих частях "Субъективной логики" Гегеля. Просто констатируется тот факт, что они непосредственно не имеют отношения к субъективной логике самой по себе. Можно предположить, что Гегель прибегает к этим натурфилософским положениям, интуитивно чувствуя необходимость, хотя бы косвенного рассмотрения конкретных познавательных процессов. С другой стороны, эти познавательные процессы, классифицируемые здесь Гегелем конкретные науки, изображаются как априорно-данные состояни^я мышления, через которые нужно пройти лишь для подтверждения превосходства науки логики.

Более связанное рассмотрение форм и формообразований, познающего мышления имеет место в той части, где Гегель трактует об анализе, синтезе, дефиниции и т.д., т.е. в "Идее ис-

* Относительно форм движения, это впервые предпринял Ф.Энгельс в "Диалектике природы". В дальнейшем в литературе прибавились примеры из других областей естествознания, а затем из истории политэкономии (см. например: М.М.Розенталь. Принципы диалектической логики. М. 1960, с. 346-347; Ф.И.Хаскачих. Материя и сознание. М., 1951, с. 162-1963 и др.).

тинного". Только эту часть "Субъективной логики можно разобрать относительно самостоятельно, проводя сравнительный анализ с рассмотрением истории реального, конкретного познавательного процесса. Но даже так не дается периодизация становления целостности развитого мышления, что еще раз показывает невозможность с точки зрения гегелевской методологии выявить внутреннюю закономерность становления целостности, ее историчности. Целостное мышление принимает характер априорной конструкции без истории, результат - развитая система взаимосвязанных категорий - оторван от породившего его процесса познания и противопоставлен ему. История мысли - это просто осознание этой заранее существующей конструкции. Во всем предшествующем развитии мысли обнаруживаются главным образом те его стороны, которые сохранились в этой конструкции. Логическое есть, по Гегелю, "всеобщий способ, в котором все отдельные способы сняты и заключены".* Все остальное "есть заблуждение, смутность, мнение, стремление, произвол и бренность".** Тождество исторического и логического в абсолютном знании снимает у Гегеля необходимость познания. Однако, Гегель отображает существенные моменты этого познания, его ступени, чтобы продемонстрировать как "на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя"***. Он не игнорирует старое знание, но просто лишает его всякой самостоятельности: "Старое мы должны почитать, почитать его необходимость, должны иметь в виду, что оно является звеном этой священной цепи, но вместе с тем мы должны помнить, что оно - только звено; настоящее представляет собою наивысшее"****. Поэтому качественное своеобразие предшествующих этапов развития мышления искажается, трактуется односторонне, с помощью прокрустова ложа логического. Здесь прошлое мышления как-то признается (хотя и искаженно осознается), но у этого мышления нет будущего.

При рассмотрении процесс становления политэкономического мышления были использованы многие поистине гениальные мысли Гегеля. Здесь целесообразно указать на некоторые стороны ограниченности его подхода. При рассмотрении реального процесса познания обнаруживается, что познающее мышление двигается от одних категорий, понятий (вернее, от одного состояния категорий, понятий) к другим, в единстве двух противоположных моментов: "в движении от категорий, понятий к новым данным живого созерцания и от последних к новым понятиям, категориям. При этом решающим, определяющим в конечном счете является второе движение."**** У Гегеля же переход от чувств, от живого созерцания к понятиям и категориям, восхождение от чувственноконкретного к абстрактному, хотя отображается определенным образом, "не выступает в качестве действительной предпосылки и действительного момента движения мышления, а их видимость, целиком положенная "саморазвертыванием" мышления."***** Поэтому

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики, Т. 3. С. 289.

** . Там же. С. 288.

***. Там же. С. 307.

****. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. XI. М.-Л. 1935. С. 514.

*****. Валуин Т.А. Логика "Капитала" ... С. 8.

*****. Там же. С. 8-9.

в процессе становления познающего мышления Гегель, по сути, дела, не обнаруживает внутреннего источника развития. Процесс не представляет собой самодвижение, а разворачивается как бы в силу протяжения заранее существующего развитого мышления. Результат становящегося мышления представляется у Гегеля как исходный пункт и движущая сила становления. Противоположность чувственности и мышления (рассудка), хотя и фиксируется, выступает, не в качестве источника становления познающего мышления, а всего лишь как признак его незрелости, ложности, ущербности и т.д. На каждом шагу это становление третируется как ложный способ познания. Состояние методологии Гегеля и внутренне связанная с ним острая полемика против метафизики и против формализма Канта приводят его к отождествлению чувственного и рассудочного познания с метафизикой, вследствие чего их необходимость и закономерность упускаются из виду.

При рассмотрении становления познающего мышления обнаруживается, что на ранних этапах, случайность, внешнее воздействие и т.д. играют значительную роль. По мере же созревания мышления все более отчетливо обнаруживается закономерность и необходимость движения мысли, характера поисков и познавательных шагов. У Гегеля же закономерность, необходимость, сущность и т.д. характеризуют исключительно разумное мышление. Поэтому переходы чувственного и рассудочного познания рассматриваются им, главным образом, как случайные и даже произвольные, как "дело чистого случая." И вообще у него переходы в изложении субъективной логики, с одной стороны, отражают абстрактно общую форму движения становящегося мышления, т.е. гениально угадывают черты внутренней закономерности процесса, с другой же стороны они навязываются извне, они искусственные и внешние по отношению к этому процессу, что порой проявляется и в формулировках явного долженствования.

Этот подход приводит Гегеля к закономерным противоречиям. Например, рассматривая ограниченность рассудочной дефиниции, он указывает на "ущербность" принимаемого за основу свойства. Поскольку "появляются на свете уроды" и "нет такого свойства, против которого нельзя было бы привести (такой.-Д.П.) случай",* дефиниция сама по себе объявляется "неправомерной" и "ущербной". С одной стороны, Гегель фиксирует принципиальную ограниченность рассудочных дефиниций, их внешне рефлексивный характер. С другой стороны, для того, чтобы доказать абсолютный характер этой ограниченности, он ссылается на существование таких эмпирически фиксируемых единичных исключений ("уродов"), которые "ускользают" от всеобщности этих дефиниций. Аргумент, приводимый здесь Гегелем - типичен для мышления, погруженного в рассудочные абстракции, стремящегося к непосредственному равенству найденного понятия с наличным бытием. Таким образом, он стремится представить поиски, предпринимаемые становящимся мышлением, как исключительно случайные шаги, сводимые к дугной бесконечности, к простой бессмыслице. Однако при этом, поскольку Гегель прибегает к "уродам", он (косвенно, неявно и неосознанно) допускает правомерность и хотя бы относительную адекватность такого рода (рассудочного) сравнения понятия с непосредственностью, сведения многообразия послед-

* Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. ... С. 260.

ней к понятию, т.е. допускает правомерность рассудочного абстрагирования.

Итак, при отображении становящегося мышления Гегель, главным образом, выявляет схему, догадку, без "механизма", источника и т.д. движения мысли. Абсолютное начало, развитая система категорий, довлеет над этим становлением в качестве максимума, в качестве абсолютного долженствования полагающего и двигающего этот процесс. Момент закономерности и необходимости, фиксируемый Гегелем в этом движении, целиком, положен развитой, разумной системой категорий, представляется в качестве результата сообразования этого процесса с заранее существующим логическим, а не в качестве имманентного самодвижения. Социальная обусловленность гегелевского понимания мышления освещена в литературе достаточно глубоко и полно.* Характер этого понимания обнаруживается более отчетливо при рассмотрении становления и развития науки о познающем мышлении.

Наука о познающем мышлении первоначально возникает в античности (у Аристотеля) с рассмотрением индуктивно-аналитического мышления и господствующей в рассудочном мышлении формальной (классической) логики. Формирование этой науки обнаруживается внешней систематизацией логических категорий в качестве априорно данных форм мышления (оторванных от его содержания), на основе главным образом отрицательного определения развитого мышления, разума, необходимость и закономерность которого просто фиксируется (у Канта). Затем следует неудачная попытка систематизации логических категорий путем непосредственного их сведения к деятельности самосознания. (Субъективный идеализм Фихте). Завершение формирования и одновременно проявление существенных моментов перехода науки о познающем мышлении к стадии зрелости связаны с системой Гегеля. Именно Гегелю принадлежит первая в истории науки гениальная попытка систематически изобразить логические категории в их внутренней связи, т.е. изобразить сущность мышления в чисто логическом аспекте, уже не отрицательно, а положительно. Именно этот аспект составляет сильную сторону гегелевской логики, открывающую собственно развитие науки о мышлении. Однако конкретно-историческая ограниченность Гегеля сопровождается эту попытку рядом абсолютно-идеалистических мистификаций, гипостазированием ряда рассудочных представлений о мышлении. Если первое фиксирование объективности мышления характеризовалось априорным формализмом (у Канта), то второе фиксирование объективной всеобщности и естественно-исторического характера мышления осуществляется с позиции абсолютного идеализма. "Кантовский отрыв формы от содержания мышления, пустых логических категорий от данных опыта, а последних - от вещи в себе, Гегель пытается преодолеть, оставаясь на позициях фактического отрыва мышления от бытия, от материи, и поэтому преодоление оказывается на самом деле мнимым: реальное содержание сводится к форме мышления, вещь-в-себе к логическим категориям. Отличие предметного содержания от формы мышления, вещь-в-себе от логических категорий, хотя и констатируется, но констатируется и истолковывается в качестве лишь видимости: ... Мышление

См.: Вазюлин В.А. Марксов анализ "механизма" социальной обусловленности логики Гегеля. // Философские науки. № 2. 1971.

изобразилось как некая изначально данная, наличная, объективная самодвижущаяся, саморазличающаяся субстанция, сознающая себя."* При рассмотрении формирования политэкономического мышления мы обнаружили, что внеисторическое понимание предмета в рассудочном мышлении, связано с истолкованием его сущности в качестве тождества, в котором, субстанция отождествляется с сущностью и с началом предмета. Различия и противоречие в сущности предмета, если и фиксируются (фактически), то рассматриваются лишь в качестве подчиненных данному тождеству. Все эти рассудочные ограниченности в известной мере имеют место и в гениальной конструкции Гегеля, модифицируя в мисцифицированном духе его методологию. Таким образом, система Гегеля еще не освобождена - в методологическом аспекте - от рассудочного отрыва расчлененных сторон предмета, внешняя связь которых гипостазируется и служит основой идеалистической мистификации. Именно эта сторона гегелевской системы принадлежит всецело стадии формирования науки о мышлении. С этим связан и принципиальный антиисторизм Гегеля. Он не в состоянии объяснить происхождение развитого мышления, логических категорий, поэтому навязывает истории мышления внешнюю определенность. Результат процесса, отрицание отрицания (развитое разумное мышление), как изначально оторванный от породившего его процесса) полагает и полностью вбирает в себя последний.

Гегель в своей всеохватывающей грандиозной системе стремится полностью и окончательно "снять", остановить и замкнуть все возможные перспективы мышления, беря при этом, что такое включение в замкнутые круги (в конструкции философии абсолютной идеей) представляет собой вершину и максимум движения мышления. Однако, для того чтобы "снять", остановить, замкнуть и т.д. эти перспективы развития мышления, ему понадобилось показать, в общем и целом, что они представляют собой. И этим самым он расшатал всю собственную панлогически-догматическую конструкцию абсолюта. Разумное постижение абсолюта противоречит рассудочной данности последнего. Осознание этой противоречивости в самой системе и в самом методе Гегеля, в связи с целостным рассмотрением зрелого, реального органического целого, позволило революционировать науку о мышлении, преодолевая ограниченность и преобразовывая достижения Гегеля.

Собственно развитие науки о познающем мышлении достигается при выявлении внутренней взаимосвязи одной конкретной науки, что и осуществилось в гениальной теории К.Маркса о капиталистических производственных отношениях. Однако, здесь дело логики непосредственно переплетено с логикой дела. Даже сам К.Маркс, как и любой оригинальный исследователь не осознал в полной мере собственные методологические достижения. Дальнейшее развитие науки о познающем мышлении связано с выявлением логики теоретической части "Капитала" в чистом виде. Выполнение этой исследовательской задачи - заслуга советской методологии. Дальнейшее развитие рассматриваемой науки связано с опирающимся на эти достижения советской методологии, и примыкающим к ним, исследованием субъективной логики, в ее единстве с объективной.

Следующий крупный шаг в развитии науки о познающем мышлении связан с достигнутым в советской науке целостным отобра-

* Вазюлин В.А. Марксизм, анализ "механизма"... С. 126.

жением внутренней взаимосвязи другой науки - науки об обществе как органическом целом. Методологическая эвристическая роль достигнутой здесь методологии отражается между прочим в единственной в истории науки попытке теоретического выявления логики истории предмета. Этим самым наука об обществе освобождается от имеющей до сих пор место рассудочной ограниченности (исторического материализма) и поднимается на стадию собственно зрелости. Методологическое рассмотрение достижений этого последнего познавательного процесса требует специального исследования.

Здесь достаточно подчеркнуть имеющее место внутреннее единство трех познавательных процессов: науки о производственных отношениях (капитализма), науки о познающем мышлении и науки о человеческом обществе. Речь идет именно о дифференцированном единстве внутренне взаимосвязанных научных дисциплин, конкретно-историческое взаимообогащение которых революционизирует научное мышление. Выявление "механизма" процесса их взаимообогащения требует категориального, методологического исследования историко-научного материала, выявления противоречивого единства субъективной и объективной логик каждой из названных дисциплин и всех вместе.

При всей своей исторически обусловленной ограниченности, Гегель внес огромный вклад в развитие вышеназванных познавательных процессов, особенно же в науке о познающем мышлении. Ограниченность Гегеля более существенно отражается в его субъективной логике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологическое рассмотрение становления политэкономического мышления в связи со ставшим, с развитым политэкономическим мышлением предоставляет возможность критического переосмысления подходов к истории политэкономии капитализма и истории научного мышления вообще.

Следует отметить, что обычно развитие научного мышления не выявляется в качестве внутренне определенного естественно-исторического процесса становления и развития науки как специфической целостности, а просто констатируются те или иные представления, одна научная система наряду с другой. Научные представления выступают тогда как внешние друг другу. Это происходит в результате отрыва логического и исторического подходов к научному мышлению друг от друга. С этой ограниченностью связана неспособность историко-научных исследований отличить предпосылки науки от собственно научного мышления, простейшее отношение познающего мышления (чувственную непосредственность) от его сущности (мысленной опосредованной в взаимосвязи логических категорий). Поэтому внутренняя структура мышления и не выявляется в чистом виде (как система последовательной взаимосвязи субординированных логических категорий). Развитая теория воспринимается тогда (если воспринимается в качестве развитой) в виде суммы различных знаний, положений, "теорий", внутренняя взаимосвязь которых не осознается отчетливо. При таком понимании, различия в развитом мышлении либо не фиксируются, либо фиксируются только частично.

Тогда выделяются в основном два главных подхода к истории научного мышления: 1) телеологическое отношение к прошлому мышления с точки зрения догматизации настоящей степени его развития; 2) релятивизация прошлого мышления на основе скептического отношения к настоящей степени его развития. В рамках первого подхода история науки рассматривается исключительно с точки зрения необходимости предшествующих ступеней науки для появления абсолютной истины развитой теории /например, марксистской политэкономии/. Тогда последняя выступает как абсолютно завершенная, как венец развития мысли, и основанием периодизации истории науки служит неизменная одинаковость структуры развитого знания. Тогда в истории науки выделяется исключительно то, что сохраняется в развитой теории и /или/ внимание акцентируется исключительно на ограниченности, на иллюзорности, на относительном характере и т.д. всех предшествующих ступеней. История науки выглядит при таком подходе как скопление случайностей. Закономерность, необходимость и т.д. характеризуют только развитую зрелую теорию. История науки служит лишь материалом для подтверждения априорного превосходства зрелой теории, для привлечения примеров, иллюстрирующих это превосходство. В конечном счете, при догматизации развитого мышления релятивизации истории науки приводит к, в общем и целом, хаотическому представлению об истории науки.

С точки зрения второго подхода, самое главное в истории науки - "плюрализм" мнений, имеющих одинаковое "право на существование". Поскольку развитость мышления не признается в качестве ориентира для направления движения мысли, самое главное тут - "полнота" изложения, телеологический позитивизм по отношению к историко-научному материалу, детализация

представления идей и систем. Если при первом подходе абсолютизировалось отличие высшего от низшего, сложного от простого и т.д., то при втором подходе игнорируется развитие, направленность движения вообще, история науки представляется как беспорядочное собрание мнений. История науки, "как рассказ и различных и многообразных мнениях, превращается, таким образом, в предмет праздного любопытства, или, если угодно, в предмет интереса ученых эрудитов"*.

Догматический схематизм первого подхода часто способствует укреплению скептицизма и релятивизма второго. Оба подхода исключают и воспроизводят друг друга и часто "дополняют" друг друга. Оба подхода приводят, в конечном счете, к хаотическому представлению об истории научного мышления, ибо означают /фактически или сознательно/ отказ от внутренней закономерности и необходимости становления и развития науки. Это внешнее отношение к истории науки необходимо предполагает, что если в истории мышления обнаруживается какая-то определенность, закономерность, направленность, необходимость и т.д., то она целиком внешняя по отношению к этой истории. Источник движения идей /если он вообще намечается/ ищут тогда вне науки /либо в спонтанности и произволе сознания, либо в "материальной" непосредственности общества и /или/ природы/. Инструментом "периодизации" и классификации хаотического представления об истории мнений служит тогда главным образом внешнее "время" /в смысле фатальной конечности, обозначаемой появлением абсолютной истины, или же в смысле дурной бесконечности/**. Обусловленность истории науки "обосновывается" тогда либо грубо-материалистическим социологизаторским редукционизмом, либо сводится к мистифицированной филиации идей.

Эти два характерных для историко-научных представлений подхода часто доводятся до абсурда, особенно в области общественных наук и философии. При этом грубый эмпиризм сочетается с идеалистическими мистификациями.

Теоретическое исследование истории науки в связи с ее зрелой, развитой стадией, позволяет выявить единство внутреннего и внешнего в становлении и развитии мышления, как и соответствующую периодизацию. Членение истории науки осуществляется тогда по типам, по характеру познавательного процесса, познания и знания: непосредственная практика - переплетенное с нею знание; первоначальное возникновение науки - переход к рассмотрению внутренних зависимостей; формирование науки - рассудочная систематизация познания и знания; зрелость науки - разумное воссоздание конкретного предмета как единства многообразных определений.

Методологическое рассмотрение становления науки осуществляется прежде всего, и главным образом, историческим способом исследования /и изложения/. Однако, если исторический способ исследования отрывается от логического, то становление /и развитие/ науки рассматривается исключительно с точки зрения его изменчивости, переходов, временной последовательности и т.д. Тогда категория времени выступает в качестве абсолюта, в

*. Гегель Г.В.Ф. Соч., т. IX, М., 1932, с. 18.

** . Об "исправлении" Каутским IV тома "Капитала" в этом духе см.: Оруджев З.М. "К. Маркс и диалектическая логика". Баку, 1964, с. 129-130.

качестве абсолютного внешнего условия, вносящего порядок в хаотические переходы от одного состояния науки к другому. Такая абсолютизация исторического способа принимает характер абстрактной противоположности абсолютизации логического подхода. И действительно, если логический способ исследования /и изложения/ становления и развития науки отрывается от исторического, если научное мышление рассматривается исключительно с точки зрения его сущности, только с точки зрения его соотношения с самим собой, то закономерно категория времени исключается из поля исследования /и изложения/. В обеих абсолютизациях время является сугубо внешней характеристикой рассматриваемого процесса.

И вообще следует отметить, что мышление, рассматривающее время /и пространство/ безотносительно к конкретным реальным предметам, закономерно обнаруживает тенденцию к абсолютному идеализму. Взятые безотносительно к чему-либо пространство и время необходимо представляются в качестве атрибутов некоторого абсолюта, все равно, осознается этот факт исследователем или нет, и безотносительно к тому, как именно называется этот абсолют, эта изначально данная, наличная, объективная, самодвижущаяся и саморазличающаяся субстанция. Поэтому абсолютно-идеалистическая методология фактически характеризует ряд "материалистических" философских конструкций, в которых этот абсолют называется "материей". Гегель же в данном случае называет вещи своими именами, ибо для него форма определенности абсолютной идеи "есть абсолютно для себя без субъективности сущая внешняя проявленность пространства и времени"*.

Научный подход к любому предмету выявляет всегда конкретно-историческую определенность именно этого предмета, т.е. выявляет между прочим и его специфическую, внутреннюю в единстве с внешней/ пространственно-временную определенность. Если исследуемый предмет представляет собой органическое целое, то у него имеется своя конкретно-историческая определенность, существенной стороной которой выступает пространственно-временная определенность закономерности его становления и развития. При рассмотрении истории научного мышления его внутренняя историческая определенность выявляется в единстве с исторической определенностью предмета науки и /особенно в общественной науке/ общества в целом. Сама же историческая определенность филогенеза науки в свою очередь включает в себя в преобразованном виде историческую определенность онтогенеза мышления каждого индивидуального исследователя, развивающего науку, - если это развитие идет по магистральной, закономерной линии, - причем каждое такое включение ее преобразует.

Единство этих двух исторических определенностей и последовательностей /научного мышления и предмета его исследования, в данном случае общества/, поскольку речь идет о качественно и существенно различных процессах, предполагает отчетливое различие специфики каждого из этих процессов**. игно-

*. Гегель Г.В.Ф. Наука логики, т.3, с.310.

** . Это необходимо, вопреки категорическому утверждению Грамши о том, "что развивающаяся действительность и понятие действительности могут быть отделены друг от друга логически /!/, но исторически должны мыслиться как нераздельное единство" /см.: Грамши А. Тюремные тетради. ч. I, М., 1991, с.247/. Такого рода утверждения привели так называемый "западный марксизм" к полной методологической беспомощности.

рирование этой специфики приводит к грубым схематизациям. Тогда либо историческая определенность науки полностью сводится к исторической определенности предмета /и общества/, т.е. наука выступает как зеркальное, механическое отражение развития предмета, как полностью положенная /с неким мистическим автоматизмом/ развитием предмета, либо историческая определенность предмета /и общества/ сводится целиком к определенности мышления о нем, т.е. предмет, совершенно в гегелевском духе, представляется в качестве "отчуждения", "воплощения" и т.д. мышления, что приводит к абстрактной противоположности первого варианта, к противоположным образом мистифицированному автоматизму*. Обычно, в метафизическом науковедении эти сведения-мистификации дополняют друг друга как своего рода "факторы". Но при таком подходе в любом случае господствует внешнее отношение к науке и, соответственно, предположена внешняя взаимосвязь науки с ее предметом.

С точки зрения временной определенности, временности, в истории науки наблюдается весьма любопытная закономерность. На ранних этапах становления науки /тем более при образовании ее предпосылок/, поскольку сохраняются непосредственное практическое отношение к предмету и непосредственная чувственность, созерцание, постольку познающее мышление следует за непосредственным движением предмета, отстает от него во временном отношении. Например, политэкономическая наука первоначально возникает при формировании предмета. Важная роль "внешней" определенности познавательного процесса на ранних этапах его становления проявляется в том, что начало формирования этого процесса потребовало даже географического перемещения магистральной линии науки /у физиократов/. Однако и здесь, при становлении науки, имеют место гениальные открытия, опережающие свое время /например, таблица Кенэ, или фактический прогноз Смита об уничтожении мелкого производства/, имеющие характер эпизодических моментов в общем контексте временного отставания "радиуса действия" достигаемых знаний. По мере созревания науки, по мере укрепления ее внутренней определенности, эти моменты усиливаются. При достижении же собственно зрелости наука не отражает просто наличное состояние предмета, а на основе познанной внутренней закономерности достигает предвидения дальнейшего движения предмета, определяет меру его существования, выявляет отрицательную определенность будущего органического целого, предпосылки которого образуются в недрах настоящего предмета и т.д., т.е. представляет собой и прогноз, опережающее отражение предмета.

Собственно научное мышление, развитая наука в действительности представляет собой самовозрастающий процесс производства знаний о предмете, производства, постоянно находящегося в конкретно-исторической связи с предметом исследования. Самовозрастание знания о предмете есть главным образом мыслительный процесс, взаимоотношение понятий, категорий, законов и т.д. Но рассмотрение науки как исключительно мыслительной деятельности - тождественно идеализму. В научном мышлении в отношениях между мыслительными продуктами всегда преломляется определенное на каждом этапе развития науки отношение познающего

*. Опасаясь второй крайности, Грамши приходит к первой.

субъекта к реально существующему предмету исследования, который "должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка"* . Поэтому исключение предмета науки из историко-научных исследований приводит к искаженным представлениям о характере и закономерностях развития научного мышления, а в конце концов - к идеализму.

Развитие науки с внутренней точки зрения есть соотношение мышления с самим собой. Извне это развитие науки есть соотношение научного мышления с реальным предметом, с донаучными и вненаучными способами освоения предмета, с общественной практикой, из которой вырастает /и к которой возвращается на основе познанной с помощью зрелой теории внутренней взаимосвязи предмета/ научное мышление, и с той формой науки, в которую оно превращается /или в которую оно переходит по мере завершения исследования данного предмета/. Если бы наука соотносилась только и исключительно с собой, то она не развивалась бы.

Предлагаемый в настоящей работе подход позволяет выявить форму движения субъективной стороны мышления /в ее единстве с объективной/ в истории науки. Единство объективной и субъективной логик в становлении научного мышления обнаруживается, между прочим, и во взаимной обусловленности достигаемых на каждом этапе развития науки моментов объективной логики и характера средств и способов познания, т.е. моментов субъективной логики. Еще один аспект этого единства обнаруживается и в открываемых при таком подходе возможностях рассмотрения формы движения познающего мышления в истории науки /т.е. становящейся субъективной логики/ в различных категориальных аспектах, с точки зрения способов всеобщей связи, законов диалектики, отражающих в этом аспекте законы становящегося и развивающегося научного мышления. Тогда оформленность процесса становления и развития субъективной логики отражается категориями объективной логики /качество, количество, мера, противоречие, отрицание отрицания и т.д./.

На уровне образования предпосылок науки из прочих возможных видов деятельности выделяется и осредственно качественно определенная область практической деятельности, выделяется из других областей и вслед за тем - описание этой деятельности с точки зрения непосредственной включенности в нее субъекта. Эта практика, с сопровождающим ее комментированием, расширяется и повторяется количественно. Усложнение и расширение этой практики приводит к необходимости более глубокого знания, не ограничивающегося поверхностью предмета. Возникает новое качество познания - переход к анализу, расчленению предмета. Новое качество познания выступает как мера предшествующей стадии. Процесс познания осуществляется путем непосредственного эмпирического включения сторон предмета в поле рассмотрения /описанием/ расчленения единого представления о предмете /зачатками объяснения/. В определенных границах количественный рост фрагментарных знаний выступает безразлично к качеству познания, оставшегося главным образом эмпирическим, т.е. неизменным. Тогда познание развивается главным образом путем экстенсивных количественных изменений. Внешним пределом экстенсивного развития познания служит включение /описательно-эмпирическое/ всех сторон предмета в поле расс-

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч. I, с.38.

мощности. Внутренним пределом экстенсивного развития служит расчленение предмета вплоть до выявления его простых отношений. При приближении к этим пределам, но до их достижения, познание начинает развиваться систематически. Количественные изменения процесса познания приобретают все более качественный характер, непосредственно эмпирическая фрагментарность заменяется все более систематическим познанием*. Качество /рассудочная систематизация/ проникает в количество, является внутренней границей каждого количественного изменения. Количественные изменения оказываются одновременно изменениями качества познания, фиксируемыми посредством образования ступеней изменения этого качества - различных систем. Тогда познающее мышление переходит к своему интенсивному развитию, хотя экстенсивное развитие продолжается и после этого перехода. На более ранних ступенях становления науки характерными являются экстенсивные изменения познания, а на более поздних - интенсивные изменения. При рассмотрении интенсивных количественных изменений выявляется внутренний предел развития рассудочного постижения предмета. Качественный характер количественных изменений рассудочного процесса познания достигает наибольшего развития в отрицании рассудка самого по себе обратным количественным отношением между мыслительными абстрактными формами и их чувственным содержанием. И действительно, завершение рассудочной систематизации доводит до предела отбрасывание чувственности, вытесняет чувства из процесса познания /хотя их полное вытеснение фактически неосуществимо/. При достижении этого предела научное мышление переходит к новому качеству, к разумному познанию, при завершении которого мышление переходит к новому познавательному процессу.

Поэтому в процессе становления и развития научного мышления можно фиксировать три скачка. Первый из них совершается в переходе познающего мышления от непосредственности практики к рассмотрению внутренних зависимостей предмета, т.е. при первоначальном возникновении научного мышления. Второй - в переходе познающего мышления от рассудочной фрагментарности к рассудочному систематизирующему овладению предметом, т.е. к формированию научного мышления. Третий скачок происходит в переходе познающего мышления от внешней, формальной /системной/ связи расчлененных рассудком сторон к внутренней опосредованной взаимосвязи разумной целостности, т.е. к зрелому мышлению.

Основное противоречие познающего мышления с точки зрения субъективной логики - противоречие между чувственным и рациональным, между непосредственностью и опосредованностью. При первоначальном возникновении науки стороны противоречия образуют тождество с различием. При формировании науки отношение сторон противоречия переходит к разности и к противоположности. Противоречие разрешается в развитой теории, где достигает уровня собственно противоречия. Чувственность не отбрасывается, а снимается в преобразованном виде в мысленно конкретном отображении предмета.

С началом восхождения отчувственно конкретного к абстрактному начинается и первое отрицание процесса познания: отри-

*. Однако развитие познания продолжается и экстенсивным путем, пока в нем имеют место известные экстраполяционные сведения.

цание чувственности рассудком. По завершении становления науки завершается и первое, рассудочное, абстрактное отрицание. Само это первое отрицание в себе, в своей развитой форме, является отрицанием себя. Развитие отрицания рассудочным мышлением предшествующей ступени познания, чувственности, есть, вместе с тем, и исчерпание в общем и целом возможностей рассудочного отображения предмета, выводящее на более высокую ступень мышления. Разумное мышление осуществляет второе отрицание и включает в себя в преобразованном виде как тезис, так и антитезис. В разуме "негативное само гибнет вместе с положительным, негацию которого оно составляет"*.

Методологическое исследование становления науки позволяет глубже понять сущность ставшей науки и характер ее логики. Теперь уже можно полнее представить, отрицанием отрицания чего, результатом какого именно процесса является зрелая теория о развитом предмете. С этой точки зрения, снимается видимость априорной конструкции и полной завершенности готовых результатов исследования, изложенных методом восхождения от абстрактного к конкретному, ибо теперь уже известно то развитие, которое привело к этим результатам. С этой точки зрения, достижения развитой, ставшей науки снова становятся посылками для дальнейшего развития познания. Прежде всего, можно обнаружить более отчетливо степень полноты, завершенности отрицания отрицания - что приводит к осознанию необходимости методологического завершения второго и третьего томов "Капитала" К.Маркса, а также к осознанию необходимости теоретического исследования того, от чего с необходимостью абстрагировалась становящаяся и относительно ставшая наука - мировых капиталистических производственных отношений. Затем необходимо перейти к осознанию того, на какое исследование нужно перенести острие теоретических усилий, с точки зрения, характеризующей его конкретно-историческую познавательную ситуацию.

Выявленные в результате настоящего исследования закономерности развития мышления в филогенезе науки создают предпосылки для преодоления эмпиризма и текстологически-описательных подходов, для поднятия не только истории экономической мысли, но и историко-научных исследований вообще на теоретический, разумный уровень. Знание закономерностей развития научного мышления играет плодотворную эвристическую и методологическую роль в различных науках, сокращает период стихийных поисков решений научных проблем, сокращает сроки осознания и преодоления закономерных в истории науки заблуждений, и вообще отрицательных последствий от "побочных продуктов" процесса познания. Такое знание создает предпосылки для сознательного и планомерного стимулирования развития науки, для определения на основе научного предвидения стратегии и тактики научных исследований, т.е. для революционизирования науки.

Понимание и творческое применение закономерностей развития научного мышления требует огромных интеллектуальных усилий, требует достижения исследователем теоретического уровня мышления. Для человека, не достигшего такого уровня, вся эта проблематика представляется непонятным, бесполезным и абстрактным схоластическим теоретизированием, ибо "научные попытки революционизирования науки никогда не могут быть действи-

*. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. с.217.

тельно общедоступными"*.

В работе греческого философа Д.Пателиса выявляются закономерности образования предпосылок, первоначального возникновения и формирования экономической науки в связи с логикой развитой, зрелой науки. Поскольку в основном периодизация истории науки служит не внешняя хронология и не неизменная одинаковость определенного представления о ставшем знании, а изменение и развитие всех компонентов научно-исследовательской деятельности в их единстве, метод науки в широком смысле, постольку в настоящей работе впервые систематически осуществляется периодизация истории одной конкретной науки в соответствии с изменяющимся, развивающимся основанием периодизации. Предлагается оригинальный анализ конкретно исторического переплетения политических, экономических, социально-философских и гносеологических воззрений в рамках единого в своем многообразии и изменяющегося классического буржуазного мышления. Определяется суть кризиса в науке и вытекающих из него тенденций: с одной стороны - к разрушению науки и рациональности и с другой стороны - к коренному преобразованию, снятию ее достижений.

Книга рекомендуется специалистам по философии, политической экономии, социологии и всем интересующимся проблемами истории и методологии науки.

*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.30, с.528.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	-
ВВЕДЕНИЕ	.4.
ГЛАВА I. ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК НАУКИ. ВЗГЛЯДЫ МЕР-КАНТИЛИСТОВ	.18.
ГЛАВА II. ПЕРЕХОД К РАССМОТРЕНИЮ ВНУТРЕННИХ ЗАВИСИМОСТЕЙ И К ВЫЧЛЕНЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ СТОРОН ПРЕДМЕТА, КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ	.25.
§ 1. Первые анатомирование предмета: родоначальники классической буржуазной политэкономии	...
§ 2. О классическом буржуазном мышлении как о внутреннем конкретно-историческом единстве трех познавательных процессов. Некоторые замечания по поводу Дж. Локка	.40.
§ 3. Методологические выводы	.64.
ГЛАВА III. РАССУДОЧНАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОЗНАНИЯ И ЗНАНИЯ КАК ФОРМИРОВАНИЕ НАУКИ	.69.
§ 1. Попытка систематизации знания на основе отрицательного определения сущности. Система Дж. Стюарта	...
§ 2. Попытка определения сторон предмета на основе конкретной формы субстанции. Рассудочная система на неадекватной ей основе: Физиократы	.79.
§ 3. Проблема соотношения экзотерического и эзотерического. Двойственность системы А. Смита	.99.
§ 4. Эзотерическое завершение рассудочной систематизации знания. Система Давида Рикардо	.119.
§ 5. Подытоживание существенных достижений классической буржуазной политэкономии и подготовка предпосылок перехода к разумному познанию	.132.
§ 6. Методологические выводы	.142.
ГЛАВА IV. АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО ПОДХОДА К ПРЕДМЕТУ И К ИССЛЕДОВАНИЮ КАК РАЗРУШЕНИЕ НАУКИ. ВУЛЬГАРНАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ	.148.
ГЛАВА V. ГЕГЕЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ	.159.
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	.167.